

Борис Корнев

Зеркало любви

Рассказы, очерки, эссе

«Историческая иллюстрация»
Санкт-Петербург
2016

Корнев Б.Ф. Зеркало любви: Рассказы, очерки, эссе. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2016. – 144 с.

ISBN 978-5-89566-171-0

В сборник включены рассказы, очерки, эссе, написанные автором в разное время и впоследствии положенные в основу его повестей и романов.

Редактор – Ирэна Сергеева
Дизайн обложки – Мария Поленова

© Б.Ф. Корнев: текст, 2016
© «Историческая иллюстрация», 2016

От автора

*Благословенная истома,
Журчанье вод и шум ветвей –
Как эта горечь мне знакома:
Вот зеркало любви моей!*
Бодлер Ш. Фонтан

Любовь пронизывает всё. Без неё немислимо творчество, она в чувствах к женщине, в отношениях к матери, к отцу, к себе самому. Она зовёт на подвиг и прощает, заставляет восхищаться личностью, любоваться произведением искусства и волшебными красками природы, вмещает в себя историю страны, беззаботные, ясные дни детства...

Взгляните в зеркало, задумайтесь о своём прошлом. Попробуйте хотя бы на мгновение вновь испытать яркие порывы души, извивы желаний, содрогания совести... Вы почувствуете загадочное, изысканное наслаждение, увидите блеск в глазах, вас охватит приятное чувство упоения, радости, гордости... Это будет букет разных эмоций, но все они пропитаны нежным ароматом цветка, который распускается весной.

Не удалось? Значит, свежесть некогда пылающего чувства уже успела поблекнуть под гнётом вездесущего разума, страсть и одержимость погасли, любовь прошла. Они исчезли так же внезапно, как и возникли... А, может,

их и не было? Душа заполнилась рассудительностью, благоразумием, расчётливостью, а с ними всегда является дьявольская свора: тоска, скука, мучительный поток невосполнимых утрат, развеянных мечтаний и давно остывших страстей.

«Этот сумрачный белёсый свет...»

Рассказ

Сергей Богданов, конечно, был влюблён в Алёнку. А той... нравился Юрка Лисочкин. Лисочкин же никого пока не любил, но был не прочь поухаживать за кем угодно. Так, для тренировки, как со штангой. По кому сох Вовка Спивак, никто не знал. Но то, что он был влюблён, это точно. Все, кому не лень, обсуждали, почему это Богданов так часто краснеет. Причём чаще всего, когда его вызывают к доске или просто поднимают с места, то есть, когда внимание обращено именно на него. Ну, вряд ли это происходит от того, что он, как обычно, ничего не учил и теперь выкручивается на тройку... Наверное, в этот миг посмотрит Она и всё увидит... Другие ничего не поймут, а Она догадается.

В субботу уроки закончились раньше. Не было математики, последней по расписанию. Все радовались, что математичка заболела, а Алёнка, наверное, больше всех. Она просто ненавидела как алгебру, так и саму учительницу. У неё, у отличницы, впервые за все школьные годы в третьей четверти начинала вырисовываться четвёрка. По алгебре. За последний месяц её дважды вызывали к доске решать задачи и дважды ставили четвёрку. Явный перебор.

Алёнка с видимым удовольствием собрала свой маленький сиреневый портфель и уже было направилась к выходу из школы. Она наклонилась, чтобы затянуть раз-

вязавшийся узел на зимних ботинках и мельком, будто шпион, взглянула в сторону большой деревянной скамьи около входа в школу. Там всегда в конце уроков стоял Серёжка. В этот раз он тоже был на месте, смотрел на неё и чего-то ждал. Это было написано большими буквами прямо у него на лбу.

– Серёжа! Пойдем, прогуляемся. Проводишь меня? – громко сказала Алёнка, подзывая Богданова рукой.

– Пошли, – подчеркнуто безразлично произнёс Богданов. – Сейчас догоню.

Он дождался, когда Алёнка прошла вперед, и быстро направился за ней. То ли не хотел, чтобы видели, как он за ней ухлестывает, то ли ей демонстрировал, что не так уж ему это и нужно: таскаться за тридевять земель... Но одно только вот это «Серёжа» в её устах, а не привычное с первого класса «Богдаша», уже вызывало в нём трепет, красные от лёгкого мороза щёки стали совершенно пунцовыми.

Так или иначе, но через минуту они уже шли вместе и нельзя сказать, что в сторону её дома. Он молчал. Она тоже. Он нёс её портфель, а свой часто оставлял в классе, чтобы не носить его туда-сюда. Домашнее задание всё равно делал в школе, прямо перед уроками.

«Ну, нельзя же всё время молчать! Нужно что-то говорить...», – всю дорогу в отчаянии думал Серёга. «А чего говорить-то? Про погоду – глупо. Про любовь? Ну, уж нет! Вот почему не учат в школе самому главному?»

Они уже больше часа шли к проспекту дальней, окружной дорогой. Начинались сумерки. Жёлтым светом зажглись уличные фонари. Вдоль всего тротуара тянулась аллея высоких берёз. Их голые тонкие ветки свешивались под тяжестью сверкающих замёрзших капель. Свет преломлялся в этих каплях и образовывал разноцветные круги, похожие на маленькие радуги. Такое явление редко встретишь. Нужно, чтобы утром долго шёл дождь, а вечером температура снизилась хотя бы до минуса пяти.

Не говоря ни слова, Сергей и Алёнка остановились.

Алёнка обняла его за шею. Её тёплые, нежные ладони заскользили сначала по Серёгиной шевелюре, по затылку, потом прошли мимо ушей и остановились где-то посередине: на его красных щеках и на шее. С закрытыми глазами она сначала прикоснулась губами к холодной Серёгиной щеке. Её тёплое дыхание, почему-то пахнувшее топлёным молоком, приятно щекотало только появляющийся пушок на его скулах и подбородке. Лёгкий озноб, учащённый пульс. Казалось, что все поры на коже лица широко раскрылись и с наслаждением вдыхают Алёнкины запахи. Её опустившиеся на щеки длинные ресницы сразу забрали весь жар его губ. Он принялся их целовать быстро-быстро, ничего не соображая. Лишь потом он остановился на мгновение, опомнился и крепко поцеловал её в губы...

Никакого особого чувства у него это не вызвало. Он даже не отдавал себе отчёта в том, что это не она, а он её поцеловал. Значительно приятнее было прикосновение её ладоней и ресниц. А поцелуй? Ну, во-первых, он больше думал о том, как бы выполнить всё правильно. Как учили... А уж потом чувства, ощущения и тому подобное. Он почему-то вспомнил «Мадам Бовари» Флобера. Одна пяточка мелькнёт или полоска голого тела между рукавом и перчаткой... Всё, этого достаточно. А поцелуй! Слишком сильно. Забывает чувства. Зашкаливает...

Алёнка мягко отодвинула Серёжку, поправила сначала свой шарф, потом его шапку, съехавшую набок, улыбнулась, и ему стало так легко, как будто всё это время он таскал какую-то тяжесть, а теперь взял и скинул лишний груз. Он ещё вспомнил о Лисочкине с его штангами: «Вот дурак-то!»

Они вдруг заговорили разом и об одном и том же, быстро, не ощущая никакой тяжести в общении, как когда-то, в первом или третьем классе. Обсудили всех одноклассников и всех преподавателей. Богданову казалось, что Алёнка слишком интересуется Юркой и ещё

тем, как это Вовка Спивак так здорово знает алгебру и как его любит математичка. Весь остальной путь до своего дома она говорила про свою будущую четвёрку в четверти. Какой, мол, это ужас, и как её будут ругать родители.

Из-за поворота показался Алёнкин дом. Пошёл снег. Его мягкие, пушистые хлопья попадали ей на ресницы, надолго задерживались там, наверное, мешая ей смотреть, потом всё-таки таяли от тепла её глаз и тонкими ручейками стекали по щекам. Казалось, что Алёнка плачет... Этот же снег накрыл замерзшие капли на ветках берёз, и свет фонарей больше не преломлялся в них всеми цветами радуги...

На лестничной площадке, около окна и тёплой батареи, они поцеловались ещё раз, потом ещё и ещё... Серёжка был счастлив.

Он вернулся в свой двор, и там, как будто по заказу, для него звучала новая песня: «Этот сумрачный белёсый свет, то ли есть, то ли нет, и стоим с тобою рядом мы на пороге тьмы...».

Последние капли дождя

Рассказ

1.

Всё черно вокруг и наполнено мерцающими звёздами. Ты один в этом фантастическом мире, растворяешься в нём, можешь дотронуться до звёзд – стоит только протянуть руку... И нет никакого самолёта, есть только ты и музыка. Она звучит в сердце, заставляя вспоминать, мечтать, думать о Вечном... И лишь когда вдруг проваливаешься в воздушную яму, надрывный звук внезапно загудевшего мотора напоминает о реальности. Там, куда падает маленькая «Цесна», будто на фотобумаге начинают проявляться тёмные силуэты горных вершин. Россыпи огней на перевалах и на взгорьях, ещё мгновение назад казавшиеся неподвижными, устремляются навстречу, и ты ясно понимаешь, чувствуешь каждой своей клеткой, что это не звёзды.

Скоро уйдёт ночь, и над утренней туманной дымкой вырастут острые очертания массива Монблан. Здесь каждый разворот и снижение таят в себе опасность. Посадочная полоса короткая, узкая, идёт под наклоном и начинается совсем рядом с отвесной скалой. И чтобы не угодить с размаху в эту гору, нужно всё разглядеть и точно рассчитать. А внизу ничего не видно. Мощные потоки воздуха срывают со склонов снежную пыль, которая плотно покрывает аэродром, блестит, отражая лучи солнца, и колыхается. Шевелится, будто кто-то неведомый

забрался под это огромное белое одеяло, только что мирно спал под ним прямо на полосе, а теперь вдруг проснулся и пытается выбраться.

Каждый такой полёт дарит радость. Заснеженные вершины на фоне зелёных лугов, тёмно-синего леса, предгорья и бесконечное голубое небо! Но не только красота снова и снова влечёт тебя в облака. Главное – это контраст между упоением природой и острым ощущением опасности и риска.

Остались позади Альпы с посадкой в Куршевеле, перелёт через Пиренеи, наконец, Малага. Уже сегодня можно расслабиться в каком-нибудь городке поблизости.

В Марбелье зима облачна и скучна, но воздух остаётся тёплым и влажным. Среди рыхлых соцветий белого вереска, не сожжённого летней жарой, тут и там высются стебли стрелиции. Цветы её, будто сказочные птицы с длинным клювом, вытянули головы с торчащими в разные стороны яркими перьями и тревожно всматриваются вдаль, охраняя тишину курортного городка.

Вдруг начинается дождь, и с гор срывается поток воздуха. Он несётся вниз, пробираясь между высокими белыми зданиями отелей. Набережная вмиг пустеет, исчезают запахи цветов, а люди, только что беспечно прогуливавшиеся вдоль моря, прячутся в защищённые от ветра кафе. Пережидая непогоду, они с интересом наблюдают за струями фонтана. Те неожиданно исчезают, а вместо них в воздухе плывёт огромное облако водяных брызг.

За последний год Антон успел полюбить этот городок и был рад вдруг очнуться здесь вновь после напряжённой недели каждодневных перелётов из Швейцарии в Испанию и обратно. Он шёл по узкой крутой улочке Старого города, и его взгляд то устремлялся на древнее здание Часовни Сантьяго, то безразлично скользил по разноцветным шляпкам, кофточкам и шарфикам, вывешенным возле многочисленных магазинчиков. Зрелые апельсины, только что сорванные ветром, беспорядочно скатывались по узорной плитке вниз, к проспекту, под колёса

проезжающих машин. Антон поднимался вверх, навстречу тонким ниточкам ручейков, поблескивающих серебром от света витрин, и опасался лишь одного – поскользнуться, нечаянно наступив на оранжевый плод.

И вдруг что-то заставило Антона остановиться у одного из больших окон. Перед ним была кофейня. Антон почувствовал, что по жилам растекается наслаждение от запаха горьковатого кофе, ванили, миндаля и марципанового теста, от изобилия украшенных кремом сладостей, от пышущих жаром чуррос. Предвкушая праздник чревоугодия, он вошёл в этот кондитерский рай и справа у окна заметил компанию, собравшуюся за большим столом.

Двое мужчин почтенного возраста что-то деловито доказывали друг другу, три молодые женщины с наброшенными на плечи одинаковыми клетчатыми накидками сидели и разговаривали, благодушно улыбаясь. Одна из них что-то проворно поправила в одежде игривого шалуна лет пяти, затем легко взмахнула рукой... Антон узнал бы этот жест из тысячи...

Перед ним была Катя.

2.

Впервые они встретились лет десять назад, в новогоднюю ночь, на даче у общих знакомых. Антон сразу увлёкся Катей и, хотя та пришла со своим ухажёром, каким-то бизнесменом, старался не отходить от неё ни на шаг. Стройная, с правильными тонкими чертами лица и большими светло-кариими глазами, она казалась мечтательной, озорной и беззаботной одновременно. Но не внешняя красота, а что-то необъяснимое притягивало Антона. То ли движение руки, лёгкое, чуть заметное, словно отмахивается от чьей-то излишней назойливости, то ли изредка звучащие низкие нотки в голосе, такие, как у курильщиков или простуженных, неожиданные, с приятной бархатной хрипотцой. Ему нравился её взгляд, искрящийся из-под опущенных ресниц, который одновременно был и игривым, и ласковым, и нескромным.

Гости перезнакомились, несколько раз выпили за Старый год и даже успели потанцевать, но не успели открыть шампанское под бой курантов. Сначала сломалась пробка. Вторая бутылка, тотчас появившаяся в руках хозяина и, видимо, слишком охлаждённая, вообще не хотела открываться. Тогда, позабыв загадать желания и чокнувшись фужерами с обычным красным вином, компания вдруг разом высыпала из комнаты с камином на крыльцо, украшенное гирляндами из мигающих лампочек. Хозяева позвали гостей на берег недавно замёрзшего залива полюбоваться на самодельный праздничный фейерверк и ледяной замок, сотворённый местным умельцем.

Весь последний день года лил дождь, подморозило только к вечеру, а в ночь повалил рыхлый снег. Ледяной замок успел подтаять, но от этого стал только красивее, и теперь походил на постройки Гауди. Салют в честь наступившего года никого не удивил. Искры, шум, цветное пламя, взлетели вверх несколько красных и зелёных звёздочек, осветили лёд, потом медленно затухли и, упав в снег, громко зашипели. На этом как будто представление и закончилось. Наплывшие облака закрыли полную луну, и стало темно. Кто-то зажёг и раздал гостям бенгальские огни, потом все зачем-то разбежались искать негоревшие гильзы от пиропатронов.

Следующий залп из нескольких петард оказался неожиданным и громким. Хозяйские собаки, до этого радостно гонявшиеся за мячиком по заснеженному льду, завиляли хвостами и прильнули к Кате, из всех гостей для защиты выбрав именно её. Они так крутились, толкаясь мордами в её колени, что Катя, потеряв равновесие, оступилась, поскользнулась и упала на мягкий снег. Она вскрикнула, меховая шапка свалилась с её головы, волосы рассыпались вокруг лица. Бенгальский огонь, сея холодные искры, выпал из рук, а собаки, испугавшись ещё больше, поджав хвосты, кинулись домой.

Через мгновение в сумраке кто-то склонился над Катей. Будто играя, она чуть приподнялась и протянула

вверх руки. Перед ней был Антон. Пытаясь помочь, он нагнулся ниже, обхватил Катю за талию, поставил её на ноги, но тут же поскользнулся и упал, уронив её на себя. От неожиданности несколько мгновений они лежали неподвижно. Длинные волосы с мягким запахом лаванды приятно касались лица Антона, сверху на него выжидающе смотрели широко раскрытые глаза с искоркой лукавства. Он слышал глубокое дыхание, всем телом чувствовал влекущую близость Кати и вдруг стал её целовать. Опасаясь, что этот случайный и сладостный миг может закончиться, он быстро целовал её шею, щёки, глаза... И, наконец, его горячие поцелуи встретили отзывчивые губы Кати.

Яркая вспышка от очередного залпа осветила всё вокруг и мгновенно разлучила их. Некоторое время спустя, накричавшись и наохлавшись кто от деланного, кто от искреннего восхищения, компания вернулась в дом продолжать прерванное застолье. До самого отъезда Антон и Катя так друг с другом ни о чём и не поговорили. Следя за ней, за каждым её жестом, каждой улыбкой, Антон искал и не находил какой-нибудь знак, понятный только ему.

3.

Его с детства увлекали спорт, авиаклуб и стремление к риску, ей нравились музыка, пение, гармония семьи и душевное спокойствие. Оба два года назад окончили разные вузы, но у каждого диплом экономиста. Впереди карьера учёного, будущее ясно и predetermined. И вдруг обрыв! Страны не стало. Как в калейдоскопе, всё завертелось вокруг: наука исчезала, бизнес зарождался и тут же рушился, деньги появлялись и пропадали, партнёры предавали, приятели разбегались. Теперь были нужны только доллары, интересовал только успех.

Откуда ни возьмись, появился известный музыкальный продюсер и потянул Катю совсем в другую жизнь: музыка, песни на английском языке, поклонники, приличные деньги от дорогих корпоративных вечеринок,

поездки за границу с концертами. Зрители с ума сходили от неё, такой подвижной, гибкой, привлекательной. Всех завораживал её тёплый, густой, низкого тембра голос, чем-то похожий на тот, какой был у Таниты Тикарам. Катю слушали, ею любовались, и это доставляло ей удовольствие. Конечно, она понимала, что такая карьера – дело случая, многое зависело от её отношений с продюсером, да и вообще, это же шоу-бизнес – не так помотришь, и всё кончится!

Антон тоже вдруг почувствовал, что теряет в жизни нечто по-настоящему важное. Спихватился и кинулся в омут поэзии, стал учить французский, а потом, как в вакуум, его засосало небо. Вскоре в автомобильной катастрофе погибли родители, и он остался совсем один. Нужны были деньги, и Антон, как заправский экономист, мастерил добротные бизнес-планы. Некоторые из них успешно реализовывались, и тогда предприниматели одаривали своего спасителя поддержанными автомобилями и поездками за рубеж. Из этой манны небесной он скопил кругленькую сумму и отправился по приглашению в Австрию. Там Антона взяли в небольшую авиакомпанию. Взяли, потому что у него имелся сертификат Вильнюсской международной авиашколы, около двухсот часов налёта на одномоторном самолёте, и – самое главное – он был знаком с сыном президента компании.

4.

Катя и Антон жили каждый своей жизнью, часто и подолгу находясь вдали друг от друга. Несмотря на неожиданно странное завершение их первой встречи, была и вторая, а потом и третья... Они старались оберегать себя от тысячи мелочей пресного быта, от всего обременяющего, отвлекающего и рискованного, ради того, чтобы вновь и вновь испытывать сильное чувство, подобное влюблённости с первого взгляда.

Всякий раз, оказавшись в родном городе после нескольких месяцев отсутствия, Антон шёл по утренним

полупустым улицам центра, проходил мимо ещё закрытого Кузнечного рынка, любовался недавно восстановленной часовней, где уже горела лампадка, а потом приходил в знакомый двор. В старом доме среди узких окон третьего этажа было два Катиных. Скрываясь за горкой на детской площадке, он долго смотрел на них, тщетно пытаясь увидеть её силуэт. Можно, конечно, подняться и позвонить в дверь! Но Антон не хотел. Катю всегда опекали мужчины из шоу-бизнеса, музыканты, поэты, продюсеры. Он знал это, не раз видел её ухажёров, хотя чувства ревности при этом никогда не возникало. У него ведь тоже были похожие связи. Поэтому, стоя у Катиного дома, он всегда ждал. Ждал, вдруг погаснет свет в окне, и она выйдет.

Если она одна выходила из подъезда, он прятался и долго шёл за ней следом. Временами то деревья, то какой-нибудь неповоротливый троллейбус скрывали от него её фигуру. Боясь, не исчезла ли она, не свернула ли в переулок, он торопился миновать мучительное препятствие и, снова увидев Катю, останавливался облегченно вздохнуть. Так продолжалось долго, пока ему вдруг не представлялась возможность ловко и незаметно обойти её, а потом, столкнувшись лицом к лицу, изображая занятого человека, как ни в чём не бывало наигранно-растерянно произнести: «Катя!? Ты ли это? Здравствуй...» Она бросала все дела, и они уезжали на электричке за город, на берег тихо журчащей речки, скрытой кустами черёмухи. Иной раз просто бродили по лесу.

Однажды за яркой россыпью полевых цветов им пахнулось огромное жёлто-серое поле. Пробравшись на его середину, Катя и Антон долго-долго лежали там, на тёплой земле. И не существовало в этом мире ничего для Кати, кроме его ласковых рук, а для него – мягких Катиных волос рядом с его лицом.

Потом они, молча, смотрели в небо, и сквозь облака проглядывала яркая осенняя синева. Её пересекала длинная тонкая белая нить – след от реактивного самолёта.

Вдруг эта нить оборвалась, и высоко в небе послышался хлопок... Катя вздрогнула, тревожно взглянула на Антона и крепко сжала его руку... Вокруг них был только сплошной лес из уже пожелтевших пшеничных стеблей, лениво раскачивающих на лёгком ветру зрелые колосья, да редкие, такие же яркие как небо, васильки... А в небе, сбросив свой привычный белый шлейф, продолжала двигаться блестящая на солнце точка.

5.

Они не виделись почти год. Катя вместе с ансамблем прилетела на рождественскую неделю в Ванкувер. Три дня на концерты, ещё три на отдых, потом Калгари, Торонто и Монреаль. Антон к тому времени уже полгода летал вдоль Атлантического побережья от Калифорнии до Ванкувера, обслуживал чартеры. И вот ему представилась неделя отдыха в заснеженной Британской Колумбии.

Случайно взглянув на афишу, Антон увидел название российской музыкальной группы и знакомую фамилию. Ни с чем не сравнимые чувства вдруг ожили, наполнили душу, захватили и уже не отпускали. Повинуясь зову сердца, он через весь город пешком направился к зданию Театра Королевы Елизаветы.

Гастроли уже заканчивались, и этот день был последним. Антон проник за сцену, долго бродил между кулисами, складскими помещениями, «карманами» с небрежно разбросанными декорациями, пока не попал в узкий коридор с гримёрками и там, наконец, разыскал Катю. Она сидела на стуле напротив большого зеркала в деревянной узорной раме и лёгкими, только ей присущими движениями руки, будто отмахивалась от кого-то, снимала грим влажными салфетками. На столе, на полу, на диванчике у стены, всюду лежали цветы...

«Катя!? Ты ли это? Здравствуй!» – тихо как пароль произнёс Антон. Она вздрогнула.

А потом была ночь. И эта ночь для них была как первая...

Еле-еле пробивался рассвет. Катя взглянула на Антона. Непослушная прядь на макушке придавала его облику что-то детское, а лицо казалось таким родным, что хотелось погладить закрытые глаза, провести ладонью по небритым щекам, коснуться мускулистых плеч...

Да, она влюбилась в Антона с того самого момента, как впервые увидела его серые глаза, напоминающие осенний дождь. А эти длинные ресницы! Они так щекотно моргали во время их нечаянного поцелуя. Но как же он был робок тогда! Антон, упав на снег рядом с Катей, лежал и чего-то ждал. Всего мгновение, но Кате казалось, что прошла целая вечность. Странно, она потом забыла об этом. Теперь вспомнила. Вспомнила его маленький, почти незаметный шрам на щеке. Он говорил, что это от удара о разбитое стекло кабины во время неудачной посадки. Катя сразу заметила этот шрам и даже хотела прикоснуться к нему губами... Но, фейерверк! С него всё началось... – им и закончилось.

Катя вынырнула из потока воспоминаний, поднялась и, завернувшись в одеяло, подошла к окну. Огромными белыми хлопьями падал густой снег. Ещё горел жёлтый свет уличных фонарей, напоминая про оставшуюся в прошлом бурную ночь. Этот рассвет был каким-то особенным и дарил надежду. Поднявшись на цыпочки, Катя приоткрыла окно и, протянув ладонь, стала ловить снежинки. Ей казалось, что пока они не растаяли, она успеет загадать желание. Но снежинки таяли на её тёплой ладони, и получались капли... «Как же быстро всё уходит!» – вдруг подумала Катя, и слёзы неожиданно показались из её глаз. Антон проснулся, подошёл, целуя её затылок, попытался заглянуть Кате в лицо, но та отворачивалась – не хотела, чтобы он видел эти слёзы. Тогда Антон взял Катю за плечи, повернул к себе лицом и стал целовать. Его губы нежно снимали с её щёк и ресниц капли слёз. Лёгкое одеяло медленно поползло вниз и соскользнуло, обнажив хрупкое плечо, белую грудь и загорелую бархатную кожу влекущего к себе бедра... Его

руки крепко обхватили Катю за талию и он прошептал: «Я всегда буду с тобой...» От тепла этих слов дрожала каждая клеточка её тела, а чтобы этот миг длился вечно, хотелось замереть и не дышать... Даже рай для неё представлялся именно таким, заснеженным, с ещё не погасшей на сумрачном утреннем небе огромной луной – вот так стоять рядом у окна и смотреть на этот снег.

Двое суток они не покидали жилища, которое Антон всегда снимал, прилетая в этот город. Два дня почти ничего не ели, ни о чём не думали, но она мечтала...

И вот наступило последнее утро. Катя первый раз в жизни летела, находясь в кабине самолёта. Ох, как же ей хотелось окунуться в бескрайнюю синь, которая так часто смотрела на её Антона! Потрогать руками его облака, увидеть ближе солнце! Игрушечная «Цесна» плавно уходила в небо. Внизу тоненькими чёрными ниточками на покрытой снегом земле петляли дороги, мелькали разноцветные, словно кукольные домики.

А небо, небо!.. Его небо, ставшее теперь для неё таким близким и даже родным... Вот воздушная яма – и на секунды бессознательно ускоряется пульс и биение сердца. Страшно? Ничуть! Она знала, что есть что-то большее, чем двигатели и аэродинамические законы. И это большее – её любовь к Антону, к его небу, к его самолёту, к самой жизни. Она понимала, что радость, которую искала в Антоне, не только в нём таится, а дышит вокруг него повсюду, и что их любовь не просто череда случайных встреч...

В то утро Антон впервые почувствовал, что без Кати, без каждого дня рядом с ней не сможет жить. Не сможет, как прежде летать, мечтать, чувствовать... Его единственная собственность – бескрайнее небо, о котором он бредил с самого детства, постепенно исчезала, оставляя его наедине с Катей. Он понимал, что их любовь – особенная и хотя она, как пульсирующий родник, то возникает, то исчезает, – она и свежа, как родник.

Сегодня он увидел, как в их счастье вмешиваются какие-то другие силы, уводя их в разные стороны. Для

Кати, как думал Антон, карьера артистки – лишь временное устремление, фон, на котором происходят их мимолётные встречи. Его страсть – это дело, которым он занят. Оно приносит деньги, позволяет сохранять привычный образ жизни, путешествовать, любить Катю... Для Антона утрата возможности летать равносильна потере самого себя. Да и семейная жизнь в полной гармонии чувств и душевном спокойствии – совсем не то, к чему он всегда стремился. Но была и ещё одна причина. На ярком фоне его героической профессии её сразу и не заметишь – не умел он делать выбор в сложных жизненных ситуациях. Не в своей каждодневной работе, где есть прямая опасность! А там, где такого риска нет.

Для них обоих каждая встреча становилась праздником. А сегодня она совпала с рождественским фейерверком, который устраивали местные власти. В предвкушении красочного действия люди толпились вдоль берега. Бухту медленно заполняли катера и яхты. Они подходили сплошным потоком слева по узкому проливчику, будто автомобили по запруженному проспекту. В ночи был виден только красный свет их задних габаритных огней. В небе вокруг баржи, откуда запускали салют, в ожидании представления барражировали лёгкие самолётики.

Вспыхнули первые залпы фейерверка, над гладью моря зазвучала музыка, и её звуки, будто заколдованные, стали проникать в душу Антона, заставляя увидеть одновременно и прошлое, и будущее. Вот шелестит залитое солнцем соломенное поле пшеницы, прорезанное тонкими нитями синих васильков, вот шум листьев черёмухи. Потом эта чудесная музыка проникает ещё глубже, и уже под скрытую полифонию фуги линия одного голоса разделяется на две... Высоко в небе вспыхивают разноцветные шары. Их мерцающие огоньки разлетаются, словно пушинки одуванчиков, вновь соединяются и уже в виде двух огромных, закрученных вселенных под тревожные, пронзительные звуки скрипок устремляются в разные стороны...

На следующий день Катя улетела.

6.

Продолжались гастроли по Канаде. Катя пела, танцевала, меняла города, снова пела и только ночью, когда прекращалось наркотическое действие сцены, одни и те же вопросы начинали её мучить, не позволяя уснуть. Почему они вообще встретились, такие разные? Почему полюбили друг друга? Он в небе – она на земле. Он один, наедине со своими звёздами, она – всегда в гуще зрителей и поклонников. Будто противоположно заряженные частицы притянулись друг к другу, столкнулись случайно, и после уже никакая сила не сможет, казалось, их разлучить. Но куда деть ту грусть, которая исподволь уже накопилась в душе от повторения как будто счастливых и беспечных, а на самом деле, таких безнадёжных встреч? Сможет ли Антон оставить небо? Она всегда мучилась этими сомнениями, когда они расставались, хотела понять, что будет потом, как жить завтра, послезавтра?..

Под конец гастролей ей приснился сон. Будто Антон едет куда-то на машине, а она под проливным дождём, вся промокшая, долго бежит рядом, размахивает руками, стучит в окно... Но вот автомобиль замедлил ход и, уткнувшись в дерево, остановился... Она тоже остановилась... Стекло не опускается, дверь не открывается. В машину не попасть. Никто не выходит... И не разглядеть, кто там, в машине. Она продолжает неподвижно стоять, а в какой-то момент вдруг понимает, что Антона там нет. Погиб, разбился, умер!.. Проснувшись от собственного плача, Катя почувствовала нестерпимую боль от осознания того, что всё кончено, и уже никогда не удастся его увидеть, сказать то, что хотела сказать... Выплеснувшись через край души, боль застилала глаза нестерпимо солёными слезами и долго не проходила... благодарная боль – ведь Антон был в её жизни!

После встречи в Ванкувере прошёл год, потом ещё два и ещё... У неё есть сын, она вышла замуж, бросила пение, переехала в другой город... Всё чаще сложные чувства к Антону замещались ясными мыслями, всё более логич-

ными и убедительными казались давние доводы родителей в пользу совсем другой жизни.

«Многие любят дождь, – говорила про себя Катя. – Он стучит по крыше, и этот приятный, успокаивающий звук исподволь заставляет мечтать, думать о будущем, вспоминать прошлое... Приятно? Наверное, приятно. Но я этого никогда не понимала. В детстве в дождь нельзя гулять, становишься старше – опять неприятности – макияжу урон...». Конечно, Катя отдавала себе отчёт, что дождь питает землю и очищает жизнь. Прошёл он – и, пожалуйста, цветы дальше, пой, танцуй. Но всё время быть под дождём? И если есть за что любить этот дождь, то только за то, что он всё-таки кончается... или превращается в снег.

Так и с Антоном, его тёмно-серые глаза похожи на осенний дождь... Уйти от человека, с которым была счастлива, трудно. Но каждый раз, расставаясь с ним, она чувствовала и всё отчётливее понимала, что может столкнуться с настоящей утратой. А вдруг весь этот хрупкий и счастливый мир однажды треснет и рассыплется? Не будет семьи, своего дома, детей... И тогда никакая сцена не сможет дать ощущение душевного равновесия.

* * *

Увидев Катю в кафе, Антон быстро отвернулся и покинул зал. Давили непривычные, обжигающие сознание мысли.словно Человек-амфибия, однажды встретив любовь и погрузившись в глубокое, доселе незнакомое, но всё-таки земное чувство, Антон уже не мог так же, как прежде, свободно парить в воздухе, полностью отдаваясь лишь этому волшебному состоянию души. Ему надо было делать выбор, а он не мог, не умел. Или уже сделал свой выбор?

Он шёл по улицам Марбельи навстречу лучам уходящего солнца, вглядываясь в лица прохожих, запоминая их улыбки, жесты, движения. Вокруг текла обычная жизнь, беззаботно гуляли прохожие, обнимались влю-

блённые пары, дети пускали мыльные пузыри, а потом подпрыгивали, пытаясь поймать эти переливающиеся всеми цветами радуги шары...

7.

Минул ещё год. Катя гуляла с сыном в парке. Становилось всё темнее, и когда они уже уходили, хлынул ливень. Рядом лязгнул трамвайный вагон. Спасаясь от непогоды, они вскочили в раскрывшиеся двери и уселись на свободное место. Пожилой, с седой шевелюрой мужчина в пальто и с деревянной тростью, сидел перед ними и читал развёрнутую газету. Катины глаза машинально уткнулись в огромные страницы. Внизу справа где-то под рукой попутчика виднелась чёрно-белая фотография. «Антон! Там его лицо...», – в груди быстро и тяжело застучало, всё вокруг закружилось и стало исчезать за какой-то пеленой, и Катя уже не могла различить, что движется: трамвай или чёрные силуэты людей вокруг, где она и где её сын... Она крепко сжала руку ребёнка, нежно провела ладонью по непослушному хохолку на его макушке и, пряча лицо, отвернулась к окну. Катя обнимала за плечи сына, снова и снова мысленно возвращаясь в счастливое морозное утро в Ванкувере...

Старый трамвай гремел по улице. Первый снег срывал с веток ещё не опавшие листья. Ветер подхватывал их, они неслись и сбивали мерцающие на стекле последние капли дождя.

Тайны «молчащего Разума»

(Гийом Аполлинер. «Прощание»)

Эссе

*Ce qui fait le beauté des choses est invisible.
Saint-Exupéry A. de. Le Petit Prince¹.*

Вчера весь день трепались по-французски. Чтобы не заснуть, почти ничего не ели, пили чай с сушками и болтали. Просто болтали обо всём, что придёт в голову. За два дня вспомнить литературу нескольких веков – всё равно нереально. Зато можно успеть набраться слов, оборотов, целых кусков, пригодных для описания творчества любого прозаика или поэта. Этакая суррогатная филология. «В своих произведениях он безжалостно бичует человеческое лицемерие», «срывает покровы», «пишет яркое полотно, пронзает и т. п. »...

Приятель вырубился первым, под утро заснул и я. В десять нас разбудил телефон. Звонили из школы. Секретарь директора предлагала прийти на экзамен. «Вот тебе раз! Видимо, не готовы те, кто должен был явиться в первую смену. Нам-то к двенадцати... Мы – хорошие!» Решили проявить героизм, вдруг зачтётся.

¹ «...самое прекрасное в них то, чего не увидишь глазами» (Сент-Экзюпери А. де. Маленький принц. Военный лётчик. Планета людей. Письмо генералу X. / Сост., вст. ст. Б.Л. Губмана, пер. Норы Галь и А. Тетеревниковой. М: Высшая школа, 1992. С. 79).

Мне тогда жутко не повезло с билетом. Все французские поэты девятнадцатого и двадцатого веков. Это человек двадцать, не меньше. Ничего себе вопросик на экзамене по французской литературе! Нет, чтобы какой-нибудь роман Бальзака... И почему все поэты в кучу? Должно быть, по сравнению с французской прозой их общий листаж слишком мал. Да мне всё равно! Так и так никого толком не знаю. Вообще тогда не любил стихи. Лучше уж проза! Бальзак, Флобер, Стендаль, на худой конец Гюго... Но чтобы Рембо, Верлен, Элюар, Арагон, Превьер... Символисты, постсимволисты, экзистенциалисты, сюрреалисты, поэтические реалисты... Боже упаси от такой напасти! Наизусть вообще старался ничего не учить. Если уж очень требовалось, то ладно: «Жизнь даётся человеку один раз, и прожить её нужно так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...», «Погиб поэт, невольник чести...», монолог Сида у Пьера Корнеля или из Бомарше речь Фигаро на суде... Остальное забыл. Да, ещё недавно Аполлинера достал и выучил два стихотворения.

Как быть? Нужно ведь что-то говорить. Вспомнил, как в старших классах на уроках русской литературы учительница с материнской нежностью относилась к переживаниям юношей, вечно краснеющих из-за переизбытка гормонов или от отвергнутой любви к однокласснице. Бывало, вызовёт к доске – иду, как на казнь, но уверенно, твёрдой походкой, с гордо поднятой головой. Пройду полпути, остановлюсь, голову опущу, покраснею, рукой махну... Мол, всё равно не поймёте! И такое обилие чувств тотчас проявлялось на моём лице! Учительница проникалась жалостью и тихонечко, чтобы никто не услышал, произносила: «Сядь дорогой, в следующий раз расскажешь...» Правильные учителя были. Ранимую юношескую душу оберегали. А вдруг у меня чувства? Вдруг первая любовь?

Короче. Назвал я кого помнил, фамилий пять-шесть французских гениев и не знаю, долго ли говорить ерунду

про каждого. Быстро почуют неладное. Следует попробовать их чем-то скрепить. Произнёс скороговоркой заранее заготовленные умные фразы, они ведь для всех годятся. У экзаменаторов – а это были наши учительницы французского языка – уже сформировалось устойчивое ощущение, что парень вопрос знает, говорит чётко, с пониманием сути...

Вдруг голос юноши сорвался – это все должны были заметить – и полилась музыка...

*Sous le pont Mirabeau coule la Seine
Et nos amours
Faut-il qu'il m'en souvienn
La joie venait toujours après la peine
Vienne la nuit sonne l'heure
Les jours s'en vont je demeure...
Passent les jours et passent les semaines
Ni temps passé
Ni les amours reviennent
Sous le pont Mirabeau coule la Seine.¹*

(Под мостом Мирабо тихо Сена течёт. / И уносит нашу любовь... / Я должен помнить: печаль пройдёт / И снова радость придёт / И ночь приближается, пробил час / Я остался, а день угас / ...Проходят сутки, недели, года... / Они не вернутся назад. / И любовь не вернётся... Течёт вода / Под мостом Мирабо всегда...)².

В школе Аполлинера не давали. Первая книжка переводов его стихов появилась в «Доме книги» на Невском всего за несколько месяцев до экзаменов. Его и во Франции-то вспомнили лишь в конце сороковых, через тридцать лет после смерти. Кстати, тогда же реабилитировали и стихи Бодлера, осуждённые ещё при правлении Луи Бонапарта. После войны, видимо, что-то пробудилось в

¹ Здесь и далее: *Apollinaire, Guillaume*. Alcools. Suivi de Le Bestiaire. Paris: Édition Gallimard, 1987. P. 61.

² Здесь и далее: *Аполлинер Г. Стихи* / Пер. М.П. Кудинова. М.: Наука, 1967. С. 58.

сознании и в сердцах чувствительных к лирике. Как же иначе? После Франсуа Вийона прошло полтысячи лет, а во Франции лишь немногие могли творить песни с таким же лирическим зарядом.

А нам, третьему выпуску первой в Ленинграде французской школы, как ни покажется странным в год юбилея Октябрьской революции, было интересно всё, что запрещено, не разжёвано и в рот не положено, то, что невидимо или забыто! «Оттепель» или просто возраст такой... Мы прогуливали математику и, забравшись на чердак школы, зачитывались Бальзаком и Флобером, восхищались успехами молодого Растиньяка и уловками мадам Бовари, говорили исключительно учтивыми фразами из Дюма и заучивали наизусть полюбившиеся монологи Сида и Фигаро. Порою, не зная точного перевода, кожей чувствовали текст Корнеля и Бомарше. Даже перед самыми экзаменами мы, как ошалелые, по нескольку раз смотрели «Шербурские зонтики» с Катрин Денёв и ленту «Искатели приключений» с Аленом Делоном и Лино Вентурой, зачем-то читали Бодлеровские «Цветы зла» и только что появившиеся «Алкоголи» Аполлинера... И уж совсем напрасно тратили время на «Поэтику» Аристотеля, «Принципы и начала» Бэкона с его материей, которая кому-то там «улыбается своим поэтически-чувственным блеском...»¹.

Внезапные печальные аккорды, вырвавшиеся из глубин юной души, учителей растрогали. Нехитрые слова и простые образы, воспроизведённые юношеским баритоном в захватывающем ритме, проникали прямо в сердце, создавая завораживающее лирическое настроение. Я читал не «с выражением», как принято, а с чувством. При этом старался выказать его во всей полноте. Будто это моя любовь утекает под мостом. Словно это «я остался, а день угас...». И так мне стало мучительно от этого «тягуче-

го сиротства»¹, что я махнул рукой, умолк и отвернулся к окну...

Помню, тишина в классе была жуткая. Пожалуй, с минуту. Даже муху услышал, как она бьётся о стекло...

В другой раз Аполлинер пришёл мне на помощь лет через пять, на последнем курсе универа. Осень. Общежитие. Танцы. Девушка... Раз танцуем, два, три... Не останавливаясь, медленно передвигаемся, что-то шепчем друг другу, и никого вокруг для нас нет... Как ударило что-то! Дай, думаю, стих прочту. «Прощание» Аполлинера. Во-первых, знаю. Уже редкость! Во-вторых, хочется блеснуть. Чем чёрт не шутит, вдруг удивлю? Или это делать несвоевременно? «Несвоевременность – вечная драма, где есть он и она...»².

Оказалось: всё вовремя! Через год женились...

С тех пор это маленькое творение для меня не просто музыка. Судьба!

*J'ai cueilli ce brin de bruyère
L'automne est morte souviens-t'en
Nous ne nous verrons plus sur terre
Odeur du temps Brin de bruyère
Et souviens-toi que je t'attends
Apolliner G. L'adieu*

Не могу спокойно читать переводы Аполлинера...

Есть прекрасные строки у московского поэта-переводчика Михаила Кудинова. Его «Прощание», на мой взгляд, самое лиричное и самое пронзительное. Прелестна рифма: «осень мертва» – «шуршит трава». А какая смелая замена! У Аполлинера (*подстрочный* перевод): «Запах времени – стебель вереска». В оригинале, конечно, никакого тире нет. У Кудинова – «Аромат увядания. Осень мертва». Тоже без тире. Через точку! Поставить

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политическая литература, 1955–1974. Т. 2. С. 143.

¹ «Вспоминаешь ли ты о тягучем сиротстве вокзалов?..» (Аполлинер Г. Путешественник // Аполлинер Г. Стихи / Пер. М.П. Кудинова. М.: Наука. 1967). С. 51.

² Тальков И. Летний дождь // Аудио-альбом «Моя любовь». 1993.

тире – сузить рамки художественного полотна. И нет никаких «помни», «не забудь». Зачем? Ведь вторая строка – «на земле – ты должна понять...» – уже об этом сказала.

Всё-таки что-то гнетёт и гложет. Остаётся какая-то тяжесть. Действительно, зачем дважды в переводе звучит слово «встреча»? В оригинале его нет. Там – «увидимся». Это же разные слова! «Встретиться» – значит оказаться рядом. «Увидеть» – воспринять зрительно глазами. Более того, у автора «увидимся» связано с местом (*sur terre – на земле*). «Nous ne nous verrons (*увидимся*) plus sur terre...» По-моему, совсем не случайное дополнение. Немного странные слова: «На земле – ты должна понять мы не встретимся больше...» придают сюжету совсем иную окраску. Сразу хочется спросить: «Может, где-то всё-таки встретятся, пусть не на земле, пусть на Пер-Лашез, пусть через тридцать восемь лет?...»¹ Ведь можно встретиться, не *увидев* друг друга! Кроме того, теперь получается, будто это Аполлинер кого-то не любит. Мол, наступила осень, и его любовь прошла... Автор перевода чуть ли не убеждает возлюбленную поэта, что они больше никогда не встретятся. Согласитесь, нарушается логика. Зачем же он тогда будет ждать встречи?

Вернее всего в словах: «Ты должна понять» – скрывается последний аргумент любящего мужчины. Словно он не убеждает, а упрощает: «Пойми, мы же теперь не встретимся! Да, ты меня не любишь, но ведь из-за этого мы больше никогда не встретимся... Разве ты не понимаешь, как это ужасно? Ты *должна* это понять!»

Тем не менее, Михаилу Кудинову удалось сохранить и мелодию стиха, и его ритм. Осталась и загадка автора. К кому он обращается?

*Срываю вереск. Осень мертва.
На земле – ты должна понять*

¹ Гийом Аполлинер похоронен на кладбище Пер-Лашез в 1918 году, Мари Лорансен – там же в 1956-м.

*Мы не встретимся больше. Шуришит трава
Аромат увядания. Осень мертва.
Но встречи я буду ждать.*

(Аполлинер Г. Прощание.
Пер. М. Кудинова)

Так с кем же говорит Гийом Аполлинер?

Одни полагают, что «Прощание», изданное в апреле 1913-го, словно эхо, пролетевшее сквозь десятилетие, вновь, как и стихотворение «Ключ» 1903 года, обращено к памяти великого Виктора Гюго... А «ветка вереска» и в том, и в другом произведении поэта – ожидание бытия после смерти, некий символ вечности¹.

Кто-то увидит в строках «Прощания» первую поэтическую любовь поэта к Марии Дюбуа, они расстались осенью 1899-го. Другие вспомнят томную и тихую красавицу, шестнадцатилетнюю Линду Молина да Сильва. Тогда, в конце лета 1901-го года, чувства Аполлинера вновь станут безответными. Третьи подумают о его большой и трагической любви к англичанке Анни Плейден. Она ехала в Америку в 1905 году. И тоже осенью...

А представьте: Он – Гийом Аполлинер, Она – художница Мари Лорансен. Осень. Вереск. Это вечнозелёное очаровательное растение долго сохраняет своё цветение, а его оттенки так напоминают акварели Мари!.. В 1907-ом их познакомил Пикассо, и последние пять лет они безумно любили друг друга. Как вдруг! «Мы больше не увидимся на земле» (подстрочный перевод)... Почему? Любовь Аполлинера снова безответная или оба любят друг друга, но существует непреодолимая преграда? Увы! И эта возлюбленная покидает поэта. А через год, за несколько дней до начала войны, она выйдет замуж за немецкого барона...

¹ Laster A. «L'Adieu» d'Apollinaire: un hommage à Victor Hugo? // Que Vlo-Ve? Bulletin international des études sur Apollinaire. 1984. Série 2. № 10. Avril-juin. P. 11–16.

И всё-таки разгадка кроется в другом, вовсе не в расставании Аполлинера с его возлюбленными Мари или Линдой, Анни или Марей... Острота личных переживаний поэта уже достаточно выразительно была излита в стихотворениях «Мост Мирабо» и «Мария». В «Путешественнике» он сообщает своим стихам уже совсем эпический размах, представляя личную драму лишь, как одно звено в цепи неотвратимых изменений. «О, откройте мне дверь, я стучусь в неё плача. / Слово воды Эврипа¹, изменчива жизнь...».

Думается, и в коротком «Прощании» всё не так очевидно. Память о великом писателе, любовь, расставание... Где же ключ к шифру? И вот здесь вновь вернёмся к аполлинеровскому «помни». В оригинале стиха дважды звучит не «должна», а именно «помни». Во второй строке: *L'automne est morte souviens-t'en*. И в конце: *Et souviens-toi que je t'attends*. Осень мертва – *помни!* Я тебя жду – *помни!* Это дважды повторяющееся слово в зарифмованных строках разрывает привычную простоту восприятия. Ах, уж это нехорошее слово «должна»! Ведь оно может быть обращено только к человеку...

Читаешь оригинал, слышишь мелодию стиха и, кажется, что автор говорит вовсе не с человеком, не с разлюбившей его женщиной... Нет же в стихотворении ни единого слова про любовь, тоску, печаль, расставание... Но с кем тогда? А может, с чем? С изменчивой осенью, с запахом времени, с ароматом увядания?.. В 1913-м году источник аполлинеровской печали – уже вовсе не отвергнутая любовь и не воспоминания об ушедшем писателе. Для него это быстротечная река жизни: поток невозполнимых утрат, преходящих радостей, остывших страстей...

Помните аполлинеровские строки, которые незадачливый ученик прочитал на выпускном экзамене? «*Проходят сутки, недели, года... / Они не вернутся назад. / И любовь не вернётся... Течёт вода / Под мостом Мирабо всегда...*».

¹ Эврип – образ из полумифологической географии – коварный пролив, где семь раз в день меняется течение.

Вот также уходящий день, каждый его закат неслышно ложится на землю, неся с собой «хоть минутную – всё же, утрату»¹. Иной раз хочется остановить время и насладиться иллюзией ещё не развеянных мечтаний! Но «...не придумано аркана, / Чтоб удержать мгновений бег. / К чему ж крушиться постоянно: / „Где ныне прошлогодний снег“»². Красота живёт мгновенье! Увы, таков закон судьбы! Аполлинер это чувствует, понимает и поднимается над событиями личной жизни. Скорбь разлук и восторг свиданий он превращает в яркий поэтический образ – «запах времени» – поток бытия и придаёт ему неповторимый колорит, глубину и драматизм. Читаешь его строки и слышишь шелест сухой травы, вдыхаешь осенний аромат увядания, кожей пальцев ощущаешь хрупкий стебель вереска, сердцем чувствуешь утраченную любовь...

Теперь становятся понятными и другие слова: «*Nous ne nous verrons plus sur terre*» (подстрочный перевод: «*на земле мы не увидимся больше*»). Поэт говорит... с веткой вереска – запахом времени! Пройдёт год. Он всё унесёт с собой, и плохое, и хорошее. На месте сорванного стебля появятся новые побеги, и жизнь вновь расцветёт красками густых соцветий – лилово-розовых, пурпурных, белых, золотистых... Из прекрасного явления природы цветок превращается в символ, соединивший и идею, и образ. А пока... Пока эта надорванная ветка будет будить воспоминания об ушедшей любви и о давно утраченных грёзах. Ведь её нежные цветы так долго не увядают! Но рано или поздно опадут и они, напоминая о бренности жизни, о быстротечности чувства, о вечном движении от одного мига к другому.

¹ «Там, над лесом – чуть лучики дышат, / Израстая в прожилках заката, / И ложится на землю неслышно / Хоть минутная – всё же, утрата» (Игнатьева Е.Ю. В начале века: Книга стихов // Вечереет. Прохладой унылой... СПб.: Петербук, 2014. С. 41).

² Вийон Ф. Баллада о дамах былых веков // Вийон Ф. Сочинения / Пер. Ю.Б. Корнеева. СПб.: Искусство-СПб, 1996. С. 98.

Не могу не вспомнить два других перевода строчек аполлинеровского «Прощания». Автор первого – Александр Побожев.

*Я вереска сорвал побег
Вздохнула осень умирая
Для нас с тобой земной прервался век
Как запах времени тот вереска побег
И помни, что я встречи ожидаю.*

Пер. А. Побожева¹

Тут тоже льётся мелодия. Но, увы! По-моему, не так, как у Аполлинера. Неудачно зарифмовано «умирая» – «ожидаю» и всё как-то слишком плавно. Чего стоит одно деепричастие «умирая»! Хотя *«Земной прервался век...»* здесь красивее и философичнее, чем у Кудинова: *«На земле мы не встретимся больше...»*

Автор другого перевода – петербургский детский поэт и переводчик Михаил Яснов:

*Я сломил эту ветку вереска
Видишь осень мертва опять
Нам уже никогда не встретиться
Запах времени ветка вереска
Только помни что буду ждать*

Пер. М. Яснова²

Сразу замечу, что в оригинале тоже нет знаков препинания, но там нет и ни одной связи: *«Только помни...»* *«Видишь осень мертва опять»*. Думаю, прикасаясь к «Прощанию» Аполлинера, не надлежит пользоваться деепричастиями, связующими элементами речи, указывающими на последовательность слов, на интервалы во времени, на причинно-следственную зависимость... Никакие ухищрения подобного рода не восполнят потерю

неповторимой аполлинеровской мелодии, утраченной из-за механистического подражания автору, осознанно исключившего пунктуацию. Они не расшифруют его идею, не прояснят ассоциированность разветвлений, по которым движется мысль. Напротив, могут лишь всё запутать.

Именно с этим случайно оброненным словом-обращением *«видишь»* передо мной во весь рост встаёт кто-то ещё. Согласитесь, его появление ломает ритм. Всего-то пять строк! Любой лишний тон, полутон, даже сонант разрушают хрупкую конструкцию стиха, гасят накопленный в нём накал страсти. После того, как прозвучало это *«видишь»*, появление слова *«опять»* и вовсе уводит читателя в Неизвестное. Оно заставляет представить невообразимое. Мол, это не осень каждый год, обрушиваясь на судьбы людей, опять и опять уносит с собой их мечты, устремления, печали... Совсем нет! Просто есть два человека: Он и Она. И над ними всеильный рок! Каждую осень, *увидев* сорванную ветку вереска, они расстаются, а потом, через год *опять* встречаются... *«Встречаются»*, но не *«видят»* друг друга. Что за напасть – это слово «встреча»! Оно же во всех трёх переводах!

Поэзия коротких строк Аполлинера поддерживается не связующими элементами речи, не рифмой и даже не ритмом, не расставленными по правилам знаками препинания. Они в хрупком единении эмоциональной насыщенности, выразительного построения и, что особенно важно, – ассоциативной образности. Именно в ней зашифрованы воспоминания автора о пережитом. Эти строки лучше постигать сердцем, как музыку, сколь возможно отождествляясь с личностью поэта. Так, как это делал популярный французский поэт и композитор Лео Ферре. И ещё! Тысячу раз прав был Экзюпери, когда говорил: *«самое прекрасное... то, чего не увидишь глазами»*. Несомненно, в красоте «Прощания» Аполлинера тоже есть своя тайна, невидимая читателю. Он может лишь смутно угадывать её в звучании завораживающего рит-

¹ Аполлинер Г. Прощание. Алкоголи 1913 / Пер. А. Побожев (Электронный ресурс: <http://www.stihi.ru/2011/11/25/283>. Дата обращения: 14.12.2016 г.).

² Яснов М. Амбидекстр. Стихи. Переводы. СПб.: Вита Нова, 2010. С. 187. (Пунктуация сохранена по изданию.)

ма обрубленных строк. А их аскетическая оголённость бьёт наотмашь, не оставляя времени на поиск ключа.

Справедливости ради скажу, что негативные сентенции относительно рока, наверное, возникают только в моём воображении. А слова «видишь» и «опять», вызвавшие вначале отторжение из-за их несоответствия стилю автора, может быть, потребовались переводчику лишь для рифмы?

Не могу спокойно читать переводы Аполлинера...

Ревностно отношусь к любому новшеству, к каждому слову, к каждой запятой переводчика, замахнувшегося на творчество любимого поэта. В его поэзии мне слышны отголоски средневековой лирики Вийона, мотивы Парижских картин Бодлера и меланхолические нотки «чудовища одарённости»¹ Рембо. Другой читатель найдёт в строках Аполлинера свою красоту, свою тайну. И в этом величие настоящего художника.

Чтобы обновить вдохновение, сделать более свежим и живым, Аполлинер открывает новые пути и в своём творчестве обращается к изменчивой красоте и непостоянству природы. Мимолётные впечатления, исчезающие переживания... Рано или поздно всё, что мы пытаемся удержать и сохранить, утекает сквозь пальцы. Именно эта хрупкость делает нашу жизнь такой красивой. В мире замечательно именно непостоянство. Но там, где воцаряется хаос, умирает искусство. Хаос стирает все границы, отделяющие малое от большого, частное от общего, и воцаряется связь и равновеликость всего сущего... Нужен хоть какой-то порядок! Конечно, «порядок создается жизнью, но сам он жизни не создает»²...

¹ «чудовище одарённости» – слова Б. Пастернака о поэте Рембо в сборнике: *Пастернак Б. Я понял жизни цель*. М.: Эксмо-Пресс, 2001.

² «La vie crée l'ordre, mais l'ordre ne crée pas la vie» (*Saint-Exupéry A. de. Lettre à un otage // Saint-Exupéry A. de. Œuvres. Moscou: Édition du progrès, 1967. P. 345*).

Я попытался лишь чуть-чуть прикоснуться к пониманию короткого стихотворения и увидел, как опасен в искусстве «бросок в Неизвестность». Чтобы разрешить затянувшуюся распрю между традицией и «обновлённым вдохновением», Гийом Аполлинер пробовал, искал и «наяву и во сне» ждал восхода «пылающего Разума»¹.

¹ «Солнце! Разум пылающий всходит. И я в нетерпенье жду его наяву и во сне...» (*Аполлинер Г. Рыжекудрая красавица // Аполлинер Г. Стихи / Пер. М.П. Кудинова. М.: Наука, 1967. С. 147*).

Зеркало Любви

(Шарль Бодлер. Муки творчества)

Рассказ

Тайну рождения стихов я храню в себе. Никто не видел меня за работой. Если в полном одиночестве я и единоборствую с ангелом Господним, то ни одна живая душа не ведаёт о моих страданиях. Бальзак за одну ночь, ненасытно расходуя кофе и чернила, может родить добрую треть очередного романа. Придирчивый и брюзгливый Флобер утром подолгу гоняет на велосипеде только для того, чтобы безукоризненно прокричать во всё горло написанные этой ночью несколько строк из «Мадам Бовари». Все это знали, верили, бурно обсуждали.

Мои муки творчества – полностью мои! Я, словно беременная женщина, месяцами вынашиваю идею короткого стиха. Эти муки – ад и, в то же время, необыкновенная услада! Потому что, в конце концов, – я знаю – обязательно мысль оформится в слова, они превращаются в изумительную мелодию, душе становится легко, и ты уже плывёшь по течению. Эта завораживающая музыка, будто пение сирен, сама влечёт тебя, постепенно затягивая в светлый безбрежный океан счастья художника. Ты окунаешься в него с головой и уже не чувствуешь ни времени, ни голода, ни жажды. Только там, в его глубинах, ты сможешь разглядеть едва различимые контуры того, что так неистово искал. Такое возможно при карнавальном состоянии души, когда свежесть возникшего чувства не успевает поблекнуть под гнётом вездесущего рассудка.

Однако перед этим приходится страдать. Страдать непрерывно, во сне и наяву. Искать, не находить, рыдать от творческого бессилия, снова искать, спорить с самим собой, с деревом, камнем, цветком... И не дай Бог довериться какому-нибудь приятелю, плохо, если это писатель, поэт или музыкант. Хрупкое строение тотчас рухнет и испарится от неосторожного прикосновения чужого взгляда, пусть это даже яркая личность.

Потом размытые контуры строения начнут воплощаться в слова, в рифму, в ритм – в ту самую музыку, которая только что была внутри и заполняла твоё сердце. Какое же счастье знать, что чудные твои строки послушны порывам души, извивам желаний, содроганиям совести!

Честное слово, на это не жалко потратить жизнь! Можно и нужно забыть это счастье, радость от созданного тобой. И опять... Я неделями брожу по отвратительным переулкам, по лабиринту мрачных, сырых и грязных улиц с кривыми, прогнившими домами, в которых вдруг на каком-нибудь окошке блеснёт озаривший моё воображение цветок или головка девушки. Могу ночи напролёт просиживать в кабаках, чтобы услышать и ухватить однажды произнесённое каким-нибудь матросом то единственное, сочное и самое необходимое для меня словцо.

А сколько я прожил вот так, не написав ни строчки! Если эта борьба с самим собой затягивалась, то мозг начинал воспаляться, и являлся невроз с его капризами, с его бессонницей, терзаниями и болезненными прихотями. От одного только осознания этого факта меня бросало в жар. Я подходил к кувшину, чтобы остудить лицо холодной водой, и потом долго смотрел в зеркало, продолжавшее мутнеть от ещё излучаемого мною тепла...

В этот чудесный миг моя очаровательная рыжая кошка Алиса кроткими бархатными шагами подкрадывалась, тёрлась о мою ногу, потом мягко запрыгивала на стол и усаживалась подле рукописей в невозмутимой позе

сфинкса. Она думала вместе со мной и смотрела на меня из глубины своих зрачков с золотистыми крапинками с какой-то разумной нежностью и таинственной пронизательностью.

Выражая себя в слове, я всегда обращаюсь к кому-то, к какому-то слушателю. Иногда это некий мистический собеседник, ещё не явившийся друг или редкая возлюбленная... Иногда – моя Алиса. Она с удивительным терпением ждёт, чтобы я окончил свою работу, и, как женщина, стонущая на ложе любви, всё время испускает пленительное ритмичное мурлыканье. Невольно сравниваю себя с ней. Такой же чувственный, полный силы при нежной гибкости, с таким же взглядом, свободным, колдовским, который порою трудно выдержать... Однако чаще всего этот слушатель – я сам. И вот здесь тот единственный случай, когда я достигаю истинного раздвоения своей личности.

Не знаю, почему именно в данный момент делаю то или иное, почему пишу именно об этом. Такая потребность! Потребность творить – искать, угадывать, находить и выражать себя в этом. Убеждён – в жизни нет ничего, что было бы более господствующим, бесцельным и неоправданным! Но это моя Любовь! Моя Правда мира, Истина, выраженная красотой. Она не может быть объяснена словами. Но когда кто-то оказывается рядом, он обязательно ощутит её присутствие. Хотя бы по лёгкому ознобу, пробежавшему по коже...

Уже несколько месяцев я снимаю комнату на этой древней улице, короткой и самой узкой в Латинском квартале. Моё жилище на втором этаже, и к нему ведёт крутая лестница, вечно скрипящая под ногами. Мебель старая и нескладная, грязный пол, узкие окна во двор, и поэтому здесь всегда полумрак. Я сижу в кресле у зеркала и, долго вороша кочергой угли, не отрываю взгляд от слабо тлеющего огня в камине. Ни единой мысли! Мелькнула какая-то, зашевелилась, с трудом создавая очертание идеи, но безуспешно. Подложил пару поленьев. Их

жадно проглотили языки пламени. Дрова приятно потрескивают. Тонкой щепкой, от которой потянулась чёрная струйка дыма, зажгёт бронзовую настольную лампу, и горящее масло буковых орешков наполнило комнату своим терпким запахом. Он придавал чудесный аромат белому облаку, висящему над нагретой чашкой моего свежего «чая»...

Который раз я вновь и вновь возвращаюсь к своим «Осуждённым стихам»!¹ Я просто написал поэтические строки, смастерил зеркало, наподобие того, что стоит напротив меня. Оно отразило наше жуткое время и... неминуемо вызвало неприятие. Знаю, что поддавшись соблазну дьявола, постигая и раскрывая прекрасное в безобразном, я не обрету ни счастья, ни покоя. Всё, что есть прекрасного в этой жизни, либо аморально, либо незаконно, либо приводит к болезням... Стихи гулко звучат в голове, сталкиваются, наслаиваются один на другой, создавая яркие, пугающие, но и влекущие к себе новые образы... Внешние предметы искажаются. Они являются мне в неведомых формах, затем постепенно теряют эти формы и, наконец, проникают в моё существо. Реальность и фантастика становятся неотличимыми...

Стоящее рядом зеркало покрыто пылью и кажется матовым. Контуры лица видятся в нём нечёткими, цветочные переходы размыты, как на торопливом эскизе акварелью, вместо живых искрящихся глаз – светло-коричневые пятна с заметной синевой под веками, волосы выкрашены в зелёный цвет, куртка тоже зелёная, светло-бежевые панталоны, на груди огромный шёлковый бант. Я люблю своё отражение и, как на исповеди, доверяю ему самое сокровенное...

Закутанный в халат, я сижу в своём кресле и пожираю глазами всё, что вижу.

¹ «Осуждённые стихи». Здесь стихи Ш. Бодлера: «Украшенья», «Лета», «Слишком весёлой», «Лесбос», «Проклятые женщины» и «Метаморфозы вампира», запрещённые к изданию в 1857 году решением исправительного суда департамента Сена в Париже (отменено в 1947 году).

...Кто-то обнял её. Она вскрикнула. Их губы жадно глотают воздух в поисках долгого поцелуя, слова становятся бессвязными, понятными только им звуками. Тонкие, белые руки, на миг показавшиеся мне огромными, с тигриной ловкостью нырнули куда-то вниз, медленно заскользили по тугим бёдрам, поднимая лёгкий шёлк платья и обнажая влекущее к себе женское тело. Его трудно разглядеть при тусклом свете угасающего камина, и я лишь угадываю чарующие изгибы. Прикрывающая наготу ткань светится неровными волнами складок, мешает, раздражает...

Шквал эмоций тотчас обрушивается на меня, захватывает и не отпускает, раскручивая неуёмное воображение... Моё убежище вдруг ожило и преобразилось. Старое грязное кресло вмиг превратилось в роскошную кровать. Пыльный, неподвижный воздух светится теперь едва уловимыми тонами и источает свежие цветочные запахи. Звуки, словно цвета радуги, окрасили всё вокруг, краски вдруг зазвучали чарующей музыкой... Деревянный потолок комнаты качнулся. Сначала в одну, потом в другую сторону. Будто корабль на волнах. Что-то с гулким грохотом врезалось в него. Посредине разверзлась огромная чёрная щель с неровными краями. Свежий воздух стал поступать в комнату, поднимая пыль и срывая своим потоком свисающую паутину... Сквозняк быстро перелистывал мои ощущения... Бреешь становилась синей, потом голубой, потом появилось яркое солнце, и я почувствовал, что меня волной выносит наверх...

В теле женщины что-то сжалось, должно быть, тысячи нервных клеток разбежались и через мгновение соединились, чтобы принять новый удар... Я вижу это. Всей грудью вдыхаю аромат желания, вбираю в себя её тело, мой нос втягивает его запахи. Разглядывая извивающуюся в экстазе женщину, я сливаюсь с ней, и уже не могу различить, кто это изнывает от сладострастия, чьи ноги переплелись на ложе любви?..

Постепенно всё опять куда-то уплывает, растекается перед моими глазами... Наступает миг просветления. Узоры теней на потолке комнаты, украшенные седой паутиной, вдруг начинают жить поразительной жизнью... Связь между понятиями сделалась настолько неуловимой, что я стал не понимать сам себя... Мною овладела нелепая и непобедимая смешливость. Как будто я в детстве с родителями выехал в пригород Парижа, забрёл в старый сарай и ради забавы валяюсь на копнах сладко пахнувшей, только что скошенной люцерны. А в светлом проёме распахнутых дверей ярко-синее небо, зелёная трава и... маленькая девочка. Она улыбается, танцует и зовёт меня... Я потянулся за ней...

Небо и трава вдруг исчезли. Девочка... Вместо неё передо мной та самая женщина... По движению руки, лёгкому, чуть заметному, словно отмахиваются от чьей-то излишней назойливости, я понял, что она чувствует мой взгляд, ощущает присутствие третьего человека. В сумраке обычной комнаты я, будто в эротическом сне мрачного фантаста и символиста Босха, уединился с двумя грешниками под стеклянным колоколом на озере Похоти и создаю поражающий воображение мир эфемерных желаний и чувственных удовольствий.

Всеми клетками кожи женщина осязает мелкую дрожь тела этого невидимого, но желанного человека. Желанного? Да, желанного! Оттого, что он видит, а она – нет, оттого, что он вместо неё созерцает таинство любви, и его флюиды, пронзая воздух комнаты, уже спёртый и тяжёлый от запахов пота и горелого масла, мгновенно подчиняют себе её воображение. Их гипнотические силы наотмашь бьют по обнажённым чувствам... На самом же деле эти флюиды лишь эхо той сладостной боли, которая только что вспыхнула и теперь не утихает в теле невидимого созерцателя... Он совсем рядом. Его прерывистое горячее дыхание обжигает её лицо. Этот острый, дрожащий от экстаза подбородок, мокрые пряди волос, нависшие над горящими глазами, эти капли пота на лбу...

Они падают! Попадают на её грудь, живот, бёдра, всякий раз заставляя тело вздрагивать и напрягаться...

До сих пор она чувствовала только запах тела, прикосновение пальцев, солёный привкус потных рук, завораживающие вздохи и шёпот дыхания... Теперь она видит! Воображает, будто видит! Видит его глазами... И, кажется, что весь этот новый мир, проступающий сквозь пелену её прошлых ощущений, предстаёт перед ней во всём своём поэтическом чувственном блеске! Женщина ясно понимает: это не может закончиться! Не должно! Наступит миг, и скрывающийся во тьме мужчина, пока лишь прикоснувшийся к чужому наслаждению, неотвратимо и без остатка растворится в блаженстве её волшебной ночи...

Так ни разу и не прикоснувшись к женщине, я вдруг начинаю чувствовать своими губами ресницы её зазывных глаз, бархатную кожу колышущейся груди, трепетное влажное дыхание. Оно щекочет и распаляет фантазию... Вот, она уже обнимает и неистово целует моё лицо, шею, грудь, живот, резким движением стаскивает с моих плеч махровый халат, опускается на колени... Время остановилось! Эти чудные мгновения длятся вечно! Она нежно сжимает свои тонкие пальцы, отпускает, снова сжимает, то и дело бросая взгляд уже покрывающихся поволокой томных глаз с моего дрожащего подбородка, на растущее и вздымающееся всё выше и выше восхитительное очарование ещё не познанного ею рукотворного Создания... Наконец, настанет тот чудесный миг, когда вся моя сущность, все мысли, все видения – исчезают куда-то и превращаются в один твёрдый сплав – упругий ступок нервов и плоти. Невидимые живительные токи начинают заряжать меня. Они медленно скользят по всему телу, словно блестящая на солнце капля под тонкой коркой весеннего льда, сползающего с нагретой заснеженной крыши... Вдруг эта капля объявляется на самом кончике оголившейся плоти. Отражая свет камина, она, как жемчужина в раскрытой раковине, чуть сверкает

матовым блеском, застыла и не скатывается вниз. Что-то удерживает её на этой вершине мироздания!

Нежные пальцы женщины, будто перебирая узелки на чётках, легко пробежали по чувствительным и отзывчивым нервам, коснулись жемчужины... Та исчезла, и только кожа рук стала влажной и скользкой... Судорога пробежала по моему телу. Ещё чуть-чуть и из него вырвется поток жизни и любви. Чудесный коктейль из гормонов радости, нежности и удовольствия вот-вот погрузит нас в состояние блаженства. Там любовь и сладострастие соединятся в одно целое, и громким водопадом низвергнутся в пучину счастья...

Я на самом краю этой бездны...

В тот же миг раздался удар, страшный глухой удар... Моя кошка Алиса одним движением головы распахнула двери и с громким мурлыканьем запрыгнула ко мне в кресло. Райская комната – «Сад земных наслаждений»¹ – всё очарование сказки исчезло сразу, внезапно, грубо... Жуткий шум разрушения заполнил моё жилище. Будто в «Золушке», радость и наслаждения вмиг исчезли, всё вокруг рухнуло и вернулось в прежнее состояние. Эта комната – скверное жилище вечной скуки. Эта мебель, пропыленная и нескладная, грязный пол, в сумраке на полу блестит лужа от пролитой из кувшина воды, печальные окна с пыльными стёклами, по которым протянулись полосы от дождевых струй, мои рукописи на полу, перечёрканные и незаконченные, это мутное зеркало, которое теперь хочется разбить...

¹ «Сад земных наслаждений» – триптих нидерландского художника Иеронима Босха (1450–1516).

Аромат стиха

(О некоторых переводах стихотворения
Шарля Бодлера «Экзотический аромат»)

Эссе

Конечно, нужно читать всё произведение. Фрагмент он и есть фрагмент! Но мы из дилетантских соображений или просто от лени поступим вот так неправильно и нагло – возьмём только два четверостишья из стихотворения Шарля Бодлера «Экзотический аромат» и попытаемся увидеть, услышать и почувствовать то, чего нет в пререводах, но есть в оригинале. А требовательный читатель пусть думает, что все мыслимые и немыслимые несоответствия переводчики сняли в последних двух трёхстишьях, сохранив нам нечто Главное и Цельное...

*Quand, les deux yeux fermés, en un soir chaud **d'automne**,
Je respire l'odeur de ton sein **chaleureux**,
Je vois se dérouler des rivages **heureux**
Qu'éblouissent les feux d'un soleil **monotone**;*

*Une ole paresseuse ou la nature **donne**
Des arbres singuliers et des fruits **savoureux**;
Des hommes dont le corps est mince et **vigoureux**,
Et des femmes dont l'œil par sa franchise **étonne**...*

Помимо того смысла, который выражают главные слова этих четверостиший в каждой первой и четвёртой строке (d'automne – monotone; donne – étonne / осень – монотонно, даёт – удивляет»), а также во второй и тре-

тней (chaleureux – heureux, savoureux – vigoureux / тёплая – счастливый; сочный – крепкий), они обладают особенной, им лишь свойственной красотой и ценностью. Чтобы конечная рифма была полна и звучна, у Бодлера она поддерживается одной и той же согласной «п». Сразу чувствуешь плавную повторяющуюся вибрацию, словно кто-то задаёт ритм, уносящий нас в бескрайние просторы тёплых морей: «d'automne – monotone; donne – étonne»... Но вот в середине слышатся любимые Бодлером длинные слова с одинаковым протяжным звучанием: «chaleureux – heureux, savoureux – vigoureux». Их звук замедляет заданный ритм, и... о, чудо! «Происходит встреча безмерности мечты с предельностью морей» (Бодлер III. Плавание / Пер. М. Цветаевой).

Что же делает В. Брюсов, обращаясь к этим строкам одного из основоположников символизма во французской поэзии?

*Когда, закрыв глаза, я, в душный вечер лета,
Вдыхаю аромат твоих нагих **грудей**,
Я вижу пред собой побережия **морей**,
Залитых яркостью однообразной света;*

*Ленивый остров, где природой всем даны
Деревья странные с мясистыми **плодами**;
Мужчин, с могучими и стройными **телами**,
И женщин, чьи глаза беспечностью полны...*

Здорово! Всё в рифму. Даже, как у Бодлера, – в кольцевую. Но, извините: «грудей – морей, плодами – телами», «света – лета; даны – полны!» Я уж не говорю про ритм и мелодию автора. Куда-то они запропостились... Видимо сказалось чрезмерное увлечение математикой в последние гимназические годы. Давит количественная окраска – много плодов, тел, морей, грудей...

У Эллиса слова тоже подобраны вполне добросовестно.

*Когда, смежив глаза, на грудь твою склонённый,
Твой знойный аромат впиваю жадно я,
Мне снова грезятся блаженные края:
Вот – монотонными лучами ослеплённый,*

*Спит остров, в полусон лениво погружённый, –
Дерев причудливо сплетенная семья,
Где крепнет строй мужей, избыток сил струя,
Где взоры смелых жен я вижу, изумлённый...*

Сразу бросается в глаза, вернее, сразу слышишь, буд-то бы это сделано только для удобства стихосложения: «я – края; семья – струя»? Рифма есть и она опять же кольцевая. Есть и бодлеровские длинные слова. Они красивы и одинаково созвучны... Почти Бодлер! «Склонённый – ослеплённый; погружённый – изумлённый». Помните: «chaleureux – heureux, savoureux – vigoureux». Но есть нюанс! Они не в середине четверостишья, а в начале и в конце. Именно там, где у автора задаётся ритм. В результате звучит мелодия, у которой, в отличие от бодлеровской, ритм не чувствуется вовсе. Лётся приторный, протяжный мотив, и две средних строки в обоих четверостишьях, действительно «избыток сил струя», царапают его своими острыми краями: «я – края; струя – семья». И ещё! Причём тут «взоры смелых жён»? Нет этого у автора! У Бодлера: «...dont l'œil par sa franchise étonne / ...чьи глаза откровенностью удивляют (подстрочный перевод)». Смотрите, как у других. «Глаза беспечностью полны» (В. Левик), «Взгляд... до странности правдив» (В. Брюсов). И В. Левик и В. Брюсов не только умудрились сохранить смысл слов автора, но и не противоречат естественному состоянию людей, живущих вдали от больших городов и цивилизации.

Хотя, что уж тут требовать соответствия оригиналу! Валерий Яковлевич Брюсов, к примеру, повествование начинает вовсе не осенью, а в «душный вечер лета». Думаете почему? Может, потому что «лета» легче рифму-

ется с «яркостью однообразной... света»? А, может, тут сказывается юность, незрелость? Всего-то семнадцать лет! Позднее, лет через десять, он напишет о себе: «Мы были дерзки, были дети, / Нам всё казалось в ярком свете...» (Брюсов В. Сборник «Tertia Vigilia», 1900).

Надо сказать, что в этом вопросе, в отличие от В. Брюсова, Эллис поступил кардинально. Страстный характер Льва Львовича Кобылинского (Эллиса) постоянно толкал его из крайности в крайность. Экономист, марксист, символист, в конце концов, монах иезуитского ордена – он вовсе не стал задумываться о времени года. Какая разница? Лето, осень... Ведь потом всё равно привидится что-то знойное и тропическое. Он сразу начал про грудь и про её «знойный аромат», который в воображении главного персонажа стиха естественным образом перейдёт в видение столь же знойных лесов, мужчин, женщин... «Когда, смежив глаза, на грудь твою склонённый, / Твой знойный аромат впиваю жадно я...» Спрашивается: «Когда привиделись счастливые берега?» Ответ: «А вот, как раз тогда, когда «смежив глаза...» и далее по тексту перевода». Но о каких видениях можно помышлять, если в это самое время ты так занят и «жадно впиваешь...»?

Избыточная вольность перевода Эллиса очевидна. Наверное, это то, что рождалось в душе Льва Львовича не непосредственно из художественного созерцания, а из его религиозного искания. Откуда взялись «строй мужей» и взоры «смелых жён»? Всего этого нет, и не могло быть у французского кумира русских символистов. Найдите хоть где-нибудь у Шарля Бодлера естество природы, тем более аллегии при её описании. Надо же так придумать: «Дерев причудливо сплетённая семья»! У Бодлера вычурная одежда чтобы скрывать естественные формы тела, пища всегда обильно сдобренна специями, женские лица наштукатурены румянами и свинцовыми белилами... В его стихах даже Сена течёт только в оковах гранитных берегов! Страх перед живой, непред-

сказуемой и неукротённой жизнью неотступно преследовал поэта! Такова уж его судьба! Рассуждая о творчестве Эллиса, провозвестник акмеизма и неистовый борец с символизмом Николай Гумилёв позволил себе довольно однозначно оценить стихи Льва Львовича Кобылинского: «Темы его стихов интересны, переживания глубоки, но, чтобы справиться с ними, нужен большой талант, а у г. Эллиса его нет».

И всё-таки ближе к истине перевод В. Левики. Он отличается высокой культурой и точностью в передаче подлинника. Вильгельм Вениаминович всегда тяготел к трезвой, реалистической палитре жизни. Чувствуется стиль члена Союза художников и Союза писателей страны! Мы невольно сопереживаем с его ощущениями удовольствия от созерцания прекрасного. А как восхитителен бодлеровский шедевр «Маяки» в переводе В. Левики! Стихотворение, в котором слово поэта соперничает с кистью художника. Чтобы сотворить такое нужно, как Бодлер, очень хорошо разбираться в живописи или самому быть художником. Эти же особенности биографии, характера и творчества Вильгельма Левики подарили нам и экзотический аромат поэзии Бодлера.

*Осенним вечером, когда, глаза **закрыв,**
Уткнувшись в грудь твою, лежу **я молчаливый,**
Я слышу запах твой, я вижу край **счастливого,**
Где солнце буйствует, а бег минут **ленив;***

*И знойный остров твой, и синий твой **залив,**
И птиц, причудливых, как сказочные **дивы.**
Мужчины там сильны, а женщины **красивы,**
И взгляд их черных глаз до странности **правдив...***

Вот она – мелодия автора! Она рождена плавным шелестом: «закрыв – ленив; залив – правдив» с одинаковой бодлеровской повторяющейся согласной в конце первой и последней строки. Слышится, как волны прибоя лениво накатывают на берег и, убаюкивая, готовят

нас, к сказке о счастливом острове. Эхо от длинных нот: «молчаливый – счастливый» чуть замедляет заданный ритм и позволяет нам ярче и полнее воспринять звуки музыки, краски живописного полотна и необычный аромат запахов постепенно раскрывающегося чудесного края. Первое четверостишие – прелесть!

Да, стих Бодлера уникален. Он имеет свою индивидуальную структуру, богатую рифму, строгий и полный ритм, тембровую окраску речи, он требует редкую систему произношения ударных и неударных, долгих и кратких слогов. Так и хочется дать простой совет тем, кто берётся угадать в своём переводе всё это многообразие. Пишите ненавязчивое слово «адаптированный» или как перед демонстрацией фильма: «Предупреждаем – содержатся сцены курения!». И неплохо было бы пояснить: «без мелодии автора, но с его рифмой», или «без ритма оригинала», или «с частичным искажением содержания», или и то, и другое, и третье вместе... Ведь, невозможно, чтобы поэты-переводчики, преподнося нам нечто Главное и Цельное, этого не чувствовали и не осознавали.

Тем не менее, спасибо им за то, что пробуют, передают нам хотя бы частично богатство поэтических шедевров, тем самым подчёркивая, высвечивая и оттеняя пусть отдельные, но уникальные особенности творчества великих, да и самих себя тоже.

Прошлогодний снег

(О переводах баллад Франсуа Вийона)

Эссе

Германия уже имела «Песнь о Нибелунгах», Италия — свою тройственную поэму, Португалия — Лузиады, Испания — Лопе де Вега, Кальдерона и Сервантеса, Англия — Шекспира... у французов Вильон воспевал в площадных куплетах кабаки и виселицу, и почитался первым народным поэтом!

А.С. Пушкин¹

— Сегодня расскажу о Франсуа Вийоне и прочту несколько его баллад. Завтра буду спрашивать... Наизусть.... Эс клэр? (Это ясно?)

— Сэ клэр! (Ясно!), — заученно и хором ответили мы. — Все сидели за партами и еле поспевали за учителем усердно записывать в тетради.

Этот новый учитель приносил нам всякие французские книжки. Однажды приволок огромную карту Парижа, где были видны все улицы, памятники архитектуры и даже дома... Много рассказывал об этом городе, где ему довелось жить с родителями. Учился в Сорбонне. Потом — Ленинград, работа в Интуристе...

¹ Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Собр. соч. в 10 т. М.: Художественная литература, 1962. Т. 6. С. 407.

— Знаю, — говорил он, — чтобы самим не мучиться, станете искать оригинал и перевод. Не утруждайтесь. Нет переводов! И вообще, пора приучать себя думать и чувствовать по-французски. Лучше слушайте... — И в стенах класса, привыкшего к женскому голосу преподавателей, мягким баритоном зазвучала мелодия поэзии Вийона. Читая, учитель преображался. Он всем своим видом говорил нам: «То, что написано в учебниках про поэзию: «срывает покровы», «бичует лицемерие», «яркое полотно», — просто набор слов! А, вот сама поэзия... Это нужно уметь услышать!»

Уж как нас измучили, как надоели ежедневные уроки по французской лексике и грамматике! Рутинка. Семь лет одно и то же! Эти повелительные, условные и сослагательные наклонения, целых девятнадцать времён. Только прошедших — шесть! А на уроках французской литературы, на его уроках, мы получали удовольствие от прикосновения к прекрасному, к Вийону, Рабле, Мольеру... Потом пытались сравнивать и находить в них общее или отличия. Выискивали эротические сцены в «Bel-Ami» Мопассана и «Madame Bovary» Флобера... Теперь произносить что-нибудь по-французски без «прононса» было уже невыносимо и стыдно. Даже записки девочкам писали чаще всего именно на французском. Но все они сразу влюбились в молодого мужчину из Интуриста.

Когда слушали в оригинале баллады «О Дамах былых времён» и «О состязании в Блуа», их автор ярко, как живой, представал перед нами в образе нового учителя: в таких же синих потёртых джинсах и свитере-балахоне... Сирота, в двенадцать лет студент, в семнадцать — бакалавр искусств, потом разбойник, забулдыга. Обороняясь от напавшего на него, двадцатипятилетний Франсуа смертельно ранит этого человека. Не ведая, чем всё закончится, он бежит из Парижа, пишет своё «Предупреждение» и с лёгкостью балагура завещает приятелям всё, что у него есть: пустые карманы, дырявые башмаки,

любимые кабаки и ночлежки... «Украл, выпил, в тюрьму. Романтика!» Только что закончилась Столетняя война, повсюду смятение и разруха, уличные драки и столкновения с властями. В это время в тюрьме да в короткие промежутки между отсидками рождался основоположник французского Возрождения – Франсуа Вийон. Его стихи крепко скроены, их непристойность – поэтически оправдана. Он жил на земле и был наиземным поэтом, пытавшимся через свою поэзию понять себя. Но не мог. Искал пути – и не находил...

В шестьдесят четвёртом учитель был прав, когда советовал не искать переводов Франсуа Вийона. Кто по настоящему этим занимался, почти все или умерли, или уехали за границу, или сидели в тюрьме, в любом случае – их литературные труды не издавались, а уже опубликованные изымались. Николай Гумилёв – расстрелян в восемнадцатом. Одиночные перепечатки его переводов появлялись в тринадцатом году и даже в советское время, в тридцать восьмом, правда, за подписью Осипа Мандельштама, вскоре после этого арестованного. В шестнадцатом мелькнули два очень вольных перевода Жаботинского. Тогда же пытался переводить Вийона Илья Эренбург, но его усилиями французский поэт предстал перед читателем в весьма искажённом образе. Позднее Эренбург вместе с Феликсом Мендельсоном, снова вернулся к его балладам, но это произошло только через полвека. Антология «Французские стихи в советских переводах», составленная Ефимом Эдкиным в 1964-м, была остановлена ещё в вёрстке. А вскоре и его самого выслали из страны. Валерий Перелешин, живя далеко в Бразилии, не смог не прикоснуться к стихам Вийона и в семьдесят третьем расщедрился на две баллады. В девяностых одну перевёл Сергей Петров, три – Алексей Парин. Юрий Кожевников публикует переводы многих творений Вийона. Потом будет ещё Юрий Корнеев с его миниатюрной книжечкой, вобравшей в себя всего Вийона вместе с балладами на воровском жаргоне.

А нам так и не пришлось попробовать себя в художественном переводе. Несмотря на гуманитарный уклон, в последних классах пришлось больше работать над техническими текстами, и филологические устремления начинали угасать. Но любовь к языку и литературе не умерла. Хороший был учитель. Он помог нам вырваться из рутины грамматики. А «его» Вийон застрял в памяти и всё время потом напоминал и о поэзии, и о любимом учителе французской литературы.

Со времён школы прошло полвека. Часто с горечью вспоминаю последние десятилетия, и рефреном во мне звучат слова «прошлогодний снег». Они очень точно обозначают противоречивость сегодняшнего отношения к трагическим событиям девяностых. С одной стороны, их забвение, а с другой – неуёмное желание, даже потребность «остановить мгновений бег» и оглянуться... Кто первым сказал об этом? Когда, зачем? Ах, да! Это же Франсуа Вийон! “Les neiges d’antan”.

Сразу захотелось посмотреть: когда, благодаря кому в нашем языке уже практически идиомами стали изречения Франсуа Вийона. Как случилось, что мысли, впервые озвученные им полтысячи лет назад, позднее были по своему повторены поэтами и стали для нас такими обыденными. «Смеюсь сквозь слёзы», «Прошлогодний снег», «Чужбина мне – страна моя родная»... Можно найти и другие.

Коснусь только двух, по-моему, самых красивых стихов Вийона¹. Начну, конечно, с «дам» – «О Дамах былых времён». Несмотря на множество обстоятельных комментариев, эта баллада до сих пор хранит много загадок. Одна из них связана с её многочисленными персонажами. Их экзотический ряд составлен Вийоном из двенадцати имён: куртизанок, взошедших на трон, на-

¹ Здесь и далее переводы Франсуа Вийона взяты с электронного ресурса: <http://villon-poetry.ru/ballades/6.>, а также из книг: *Вийон Ф.* Сочинения / Пер. Ю. Корнеев. СПб.: Искусство–СПб, 1996. 447 с.; *Вийон Ф.* / Пер. Ю. Кожевников. М.: Русслит, 1995. 320 с.

родных героинь, королев, погубившей своих любовников и испытывавшей горе от смерти сына, красавиц, умерших в муках от болезней,... В первой строфе только дамы античности. Во второй – самое начало Позднего Средневековья. В третьей – почти современники поэта. Разное время, разные судьбы, красивые легенды! Но ни красота, ни мудрость, ни любовь, ни знатное происхождение, в конце концов, не спасают всех их от смерти или от страданий. «Как снег, каждое поколение «дам» покрывает землю и должно в свой черёд в землю уйти». Вслед за прошлогодним снегом растает снег и этого года...

Сложность идентификации героинь баллады не раз предоставляла возможность читателю пофантазировать. Не избежали этого и знатоки древней культуры и литературы. Что только ни «вытворяли» переводчики ради сохранения мелодичности стиха, чтобы вписаться в его сложную ритмическую структуру и показать читателю в ключе русской поэзии его загадочный смысл.

Один из них, помимо двенадцати воспетых Вийоном, через запятую назвал ещё пять новых женских имён, предварив перечисление лишь общими словами об их славе. При этом ушли в небытие несчастная красавица Алиса, убитая Архипиада, умершая от болезней Арембургидида и потерявшая мужа и одного из сыновей мать Карла Великого Берта. Другой – никого не добавлял, но тоже обошёл вниманием трёх, всё тех же Арембургиду и Алису, ещё, наверное, для рифмы, добавив к ним, Беатрису. Почему их? Да ещё с таким постоянством. Третьему поэту тоже довелось сократить список знаменитостей и снова из той же третьей строфы. Но, как бы извиняясь за это, он тут же поспешил заметить: «О, сколько их...». Мол, всех не перечислишь.

Наверняка эти «издержки» позволили известным переводчикам поэзии Франсуа Вийона передать что-то более важное, нечто Целое... В этом они, разумеется, преуспели. Хотя, как сказал А.С. Пушкин: «Трудность, искусно побежденная, счастливо подобранное повторение,

лёгкость оборота, простодушная шутка, искреннее изречение — редко вознаграждают усталого изыскателя»¹.

Познакомившись с переводами разных авторов, уже не могу остановиться в своём поиске. Теперь о второй балладе «О состязании в Блуа». Она породила самое большое количество крылатых изречений. Призываю не замахиваться на сложные аспекты перевода, а приглядеться к мелочам. Тонкости перевода и сопоставление их с такими же особенностями текстов других авторов позволяют раскрыть возможности и характер переводчика, дают понять читателю, чем этот поэт-переводчик или другой может поступиться в тяжёлой работе над авторским текстом, а чем – нет.

Вийон не просто преподносит нам выписанные в рифму отдельные жизненные противоречия, которые можно было бы тасовать, как карты. Его строки в подлиннике по смыслу связаны друг с другом и низвергаются каскадом оксюморонов.

Предлагаю читателю самому почувствовать разноцветье переложений первой части баллады «О состязании в Блуа».

Вот Илья Эренбург:

От жажды умираю над ручьем. / Смеюсь сквозь слезы (Je ris en pleurs) и тружусь, играя. / Куда бы ни пошел, везде мой дом, / Чужбина мне – страна моя родная. (En mon pays suis en terre lointaine).

Здесь поэт-переводчик, аккуратно изъясл шестую строку авторского текста «*il ris en pleurs et attends sans espoir*» (буквальный перевод – *он смеётся в плаче и ждёт без надежды*) и поместил её в самое начало баллады к словам первой строки «*От жажды умираю над ручьём*». Стоило только появиться ей не на своём месте, и сразу, как будто, исчезли куда-то озорные искорки оптимизма Франсуа Вийона, то и дело прорывавшиеся сквозь холщовую ткань его произведений. Ведь он смеётся, когда «нищ и гол», а совсем, «не умирая над ручьем...»

¹ Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Собр. соч. в 10 т. М.: Художественная литература, 1962. Т. 6. С. 407.

У Юрия Корнеева в этом фрагменте тоже исчезает вторая авторская строка – её вдруг заменяет прямая речь. А «смех сквозь слёзы» появляется там, где ему и положено. Но как появляется?

У родника от жажды я стенаю; / Хочу сказать: «Прощай!» – кричу: «Привет!» / Чужбина для меня – страна родная. / Надеюсь там я, где надежды нет / Хулу неожиданно шлю хвале во след, / Лишь тем одушевляюсь, что мертво. / Смеюсь сквозь слёзы бог весть отчего...

«Смеюсь сквозь слёзы бог весть отчего». Получается, что Вийон у нас «с приветом», больной какой-то. Что ж так не везёт этой запомнившейся всем строке! Вот уж действительно – смех сквозь слёзы.

Совсем иначе у Ю. Кожевникова. У него строки оригинала баллады максимально сохранены. Только «слёзы» в последней строке заменены на «стон».

У родника я жажду в летний зной, / Я лязгаю зубами в огневице, / В своей стране – я на земле чужой, / Зимой в лесу костром не отопиться. / Я гол, как червь, одетый в багряницу, / Жду без надежды и смеюсь сквозь стон...

В. Жаботинский тоже переводит без изменений в расположении авторских строк: Я у ручья томлюсь, палимый жаждой; / Огнем горю, от стужи трепеща, / На родине, где звук и вид мне каждый / Далек и чужд. Лохмотья и парча; / Гол, как червяк, в одежде богача. / В слезах смеюсь. Хочу лучей и грома. / Жду новизны, что мне давно знакома...

Дальше в балладе есть одна фраза, всего одна строка! «*Gisant envers, j'ai grand paour de choir...*» (буквальный перевод: *покаясь по отношению к..., имею большой страх*). Но как по-разному преподносят эту строку те, кто подарил нам «русского Вийона».

Лучше других, пожалуй, перевёл Юрий Кожевников. Смотрите, как просто! (*Я, лежа на земле, боюсь свалиться*). Он преподносит нам наиболее яркий пример противоречивости двух частей строки. Для сравнения посмотрим другие. Илья Эренбург: (*Я по земле с опаскою сту-*

паю), Юрий Корнеев: (*С крыльца сойдя, боюсь упасть с него*), Валерий Перелешин: (*Боясь упасть с постели, чуть не плачу*), Владимир Жаботинский: (*Страшусь упасть, лишь лягу на покой*), Алексей Парин: (*Упасть боюсь, а сам – червям сосед*), Ирина Васильева: (*Простёрт лежу – гнетёт паденья страх*), Сергей Петров: (*Боюсь упасть, когда лежу ничком*).

Что тут скажешь! Конечно, ступая по земле, вполне можно упасть, так же, как, впрочем, и с постели, и уж тем более, с крыльца...

А ведь в этой строке, как и во всей балладе, важно, не искажая суть произведения, максимально ярко и точно выразить каждое приведённое автором противоречие. Важно, потому что вся поэзия Франсуа Вийона соткана из таких противоречий, как, впрочем, и его жизнь.

И, наконец, о «прошлогоднем снеге». С него начал я свои поиски. Этим и закончу. Вернёмся к «дамам», к концовке баллады «О дамах былых времён».

Prince, n'enquerrez de sepmaine / Ou elles sont, ne de cest an / Qu'a ce refrain ne vous remaine, / Mais ou sont les neiges d'antan?

О государь! с тоской смиренной / Недель и лет мы встретим бег; / Припев пребудет неизменный: / Увы, где прошлогодний снег! (пер. В. Брюсова, 1913)

О Принц, с бегущим веком ссора / – Напрасна, жалок человек; / И пусть вам не туманит взора: / «Но где же прошлогодний снег!» (пер. Н. Гумилева, 1913)

Принц! грустно смерти платит дани / С припевом вечным человек. / Где скорбь разлук, восторг свиданий? / Да где ж он, прошлогодний снег? (пер. С. Пинуса, 1914)

Принц, всё проходит мимо в быстрой смене, / Но пусть припев сей прозвучит навек / Тщетою припоминаний и томлений: / Но где же он – где прошлогодний снег? (пер. И. Эренбурга, 1916)

Принц, красота живет мгновенье. / Увы, таков судьбы закон! / Звучит рефреном сожаленье: / Но где снега былых времен?.. (пер. Ф. Мендельсона, 1963)

Над ними, князь, по целым зимам / Вздыхайте здесь у
очага / И над припевом повторимым: / Но где давниш-
ние снега? (пер. В. Перелешина, 1973)

Не нужно, принц, страдать вам из-за них, / Плодов не
ждать от высохшего древа: / И пусть вас не тревожит
этот стих: / Снега времён, давно минувших, где вы? (пер.
Ю. Кожевникова, 1995)

Принц, не придумано аркана, / Чтоб удержать мгно-
вений бег. / К чему ж крушиться постоянно: / «Где ныне
прошлогодний снег» (пер. Ю. Корнеева, 1996)

Для эпиграфа к своему роману «Тандем» о наших де-
вяностых годах выбрал именно эти последние строки
баллады Вийона. Уже сдав книгу в печать, увидел, как
это сказано у Н. Гумилёва. Для книги о людях, оказав-
шихся на перепутье эпох, так, пожалуй, было бы лучше.

Когда роман был уже в печати, я отправился в гости к
бывшей однокласснице, во Францию. Многие девчонки
из нашего класса туда уехали. Учитель французского
языка помог им найти работу в Интуристе. Рассказывая
иностранцам о Ленинграде, познакомились, потом выш-
ли замуж и уехали. Уже сорок лет прошло. Настоящие
французенки! Спрашиваю их соседей: «Ну, как ваш
Вийон?». Не знают – кто такой!.. Может, и неправ был
Пушкин? И Франсуа Вийон во Франции вовсе не пер-
вый поэт и не народный?.. Или это одноклассникам так
не повезло с соседями? Они-то любят первого поэта эпо-
хи Возрождения. Этим дамам перевод не нужен. Как и в
былые времена, стоят у них в доме на полке книжки со
стихами Вийона с разноцветными закладками. Стоят
рядом с томами Пушкина и Достоевского.

Исцеление страждущего

(Отклик на картину Марии Поленовой
«Натюрморт с пионом»)

Удивительно, как Мария Поленова сумела понять
меня! Она проникла в мой мир и, в то же время, создала
его, близкий и осязаемый. Это именно мой, мужской мир,
но она добавила в него свои, женские черты, – и он стал
гармоничней.

Яркими мазками художница пишет картину предстоя-
щего забвения... Она сосредоточивает внимание зрите-
ля на основной группе предметов натюрморта. То, что
расположено на переднем плане. Наполненный на две
трети стакан с самогоном, привычно подготовленный для
первого протяжного глотка, ещё нераскрытая банка ки-
лек в томате, с нетерпением ждущая надёжной откры-
вашки... Ждущая, чтобы мелкой рыбкой, густо пропитан-
ной томатами, мгновенно погасить мягкую горечь жи-
вительной влаги, чистой, как слеза младенца.

На заднем плане, как бы ограничивая пространство и
создавая интимность сопереживания, тяжёлым изумру-
дом сверкает большая бутылка самогона. Её оттеняют
яркие краски свежих томатов, только что собранных с
дачной гряды... Ограничивая пространство натюрморта,
автор в то же самое время раскрывает нам душевную
глубину полотна, наполняя его осознанием предстояще-
го счастья общения с самим собой... Общения с одино-
ким садовым пионом, с неказистыми и случайно сорван-
ными полевыми цветами...

Восхитительную, влекущую к себе гуашь завершает обычная керосиновая лампа. В её тонком пузатом стекле чуть отражается висящая на стене тяжёлая бордовая ткань. Ограждая магию откровения от множества напастей внешнего мира, она философически подчёркивает тягучее одиночество уже не первой свежести пиона. Склонивший некогда роскошную голову, цветок – символ любви и богатства – возвышается над всем остальным... Лампа ещё не светит, но уже отчётливо произносит свой вердикт: «Разговор будет долгим!»

Словно моими глазами, глазами страждущего, автором увиден противоречивый мир, огромный, как планета, остро динамичный и, в то же время, застывший. При всей многоплановости композиционного построения картина воспринимается, как пластичное целое. Этому во многом способствуют единство ритмической организации, точно найденные отношения силуэтных очертаний центральной группы предметов и деталей, находящихся на втором плане композиции, впрочем, от этого не менее важных для цельного восприятия художественного полотна.

Значительную роль в образном решении замысла художника играет колорит картины. Вся живопись выдержана в гармоничном сочетании зелёных и бордовых тонов. Угаданные цвета подчёркивают глубину пространства, материальность и весомость предметов, помогают ощутить приближающееся состояние лёгкости и прозрачности, «голубоватой дымки», длительного общения человека со своим «Я». Заключительным напряженным и драматическим аккордом звучит холодный изумруд бутыли в сочетании с тёплым бордо пиона.

Сотканная из переживаний, картина написана Марией Поленовой в ключе светлой грусти по уходящему времени, потоку невосполнимых утрат, развеянных мечтаний, остывших страстей...

«Яркой озими мазок...»

(Отклик на пейзаж Марии Поленовой «Осень»)

Уголок редкого леса у реки, которая как бы остановилась в своём течении. Остановилась, чтобы не нарушать безмолвия, хрупкой утренней тишины. Вдали разноцветье густого леса постепенно переходит в сплошную тёмную линию. Это настоящий гимн в честь пламенеющей осени, сказочно преобразующей скромную природу. Сочетание ещё не поблекших красок тёплого августа и звонких оттенков бабьего лета придаёт ликующую праздничность колориту картины.

Светла и задумчива «Осень» Марии Поленовой. Она такая, как в стихотворении Елены Зайцевой «Акварель»:

*Среднерусские пейзажи –
Поздней осени печаль.
Плачет роца о пропаже,
Уронив листву с плеча.
Акварели, акварели,
Яркой озими мазок,
Солнце в облачной постели
Дремлет, приоткрыв глазок...*

Вслушаемся в эти стихи... Кажется, будто Поленова и Зайцева вместе любовались красотой осеннего дня. Вот же они стоят на том берегу! Нет, поэт и художник наверняка даже не знакомы друг с другом. Но они одинаково

почувствовали прелесть золотой осени и отразили её красоту: один — в стихах, другой — в картине.

Мария Поленова уже не впервые в своих произведениях демонстрирует стремление уйти от детализирующего реализма, преодолеть статичность форм, запечатлеть мгновение, усилить его декоративное звучание. У неё это достигается подвижностью кисти, создающей вибрирующую фактуру полотна, балансом света и тени. Устранив фотографичность, художник смог внести в свои картины переживание и субъективность отражения. Но что именно происходит с человеком и его внутренним миром, когда он смотрит на полотно Марии Поленовой?

Эмоции возникают у всякого, кто приходит в музей посмотреть на полотна Моне или Ван-Гога. Вместо того, чтобы выискивать в них детали, зритель отдаётся на волю чувств. Так и с пейзажем «Осень» Марии Поленовой. Он воспринимается эмоционально и целостно. За счёт такого воздействия автор холста как бы насильственно переводит нас в своё состояние — состояние художника, увидевшего, полюбившего и изобразившего окружающую его природу.

Анализируя живописный строй последних работ Поленовой, невольно замечаешь, как меняется её манера письма. От дробного, отрывистого мазка она постепенно переходит к пятнам локальных цветов. Детали — для творческого метода Марии Поленовой несущественны, даже лица женщин, изображённых на картине, размыты, неясны. Мимолетная сценка, выхваченная глазом художника из повседневной жизни, словно отделена от зрителя пеленой туманной дымки. Именно эта дымка эмоционально вовлекает нас в происходящее на картине и отсылает к самым искренним представлениям о красоте природы.

Следует отметить ещё одну особенность пейзажа «Осень». Это новая для произведений Поленовой организация пространства полотна. Приём «дуги». Он характерен для многих пейзажей её великого однофамильца.

В данном случае это — дуга реки, уравнивающая композицию в целом.

Горизонтально картину можно разделить на несколько планов. На переднем плане тёмно-зелёная затенённая кронами больших деревьев гладь воды. Она является как бы обрамлением, смысловым ограничением полотна. В зеркале реки можно видеть почти всё. Ярко-синее холодное осеннее небо с кучевыми белыми и тяжёлыми свинцовыми облаками, жёлтые, бордовые и ещё тёмно-зелёные кроны деревьев. На этом же плане изображены главные героини картины, которые не сразу, но непременно приковывают взгляд зрителя — женщины любуются увяданием природы... Их лиц не видно. И это правильно. Природа безлика, она в каждой травинке, и в каждом цветке. Она и в этих двух женщинах, очарованных красотой окружающего их пейзажа. Их нарочитая неидеальность лишь усиливает реализм изображения.

Второй план картины представляет яркая область, залитая солнечным светом. В тени двух-трёх старых деревьев трава из жёлтой и жухлой вдруг становится тёмно-зелёной, а дальше, на открытом лугу, перед стеной густого леса — неожиданно ярко-салатовой. Это всходят озимые... Художник чётко изобразил границу света и тени. Расположив её под углом, он добавляет в изображение немного динамики.

Третий план картины — тонкий, чуть заметный контур «чёрной сажки» — линия потемневших от дождя кустов и деревьев, расположенных вдалеке. И эта даль смыта влажной кистью художника. Она сливается с небом и делает полотно прозрачным и невесомым, как сам осенний воздух на лугу вдоль реки.

Природа живёт, она не замерла в тот миг, когда художник «поместил» её на холст. Она продолжает свою жизнь вне времени, и всё так же даёт повод любоваться волшебными красками осени и женщинам на берегу, и всем, кого влечёт настоящее искусство художника, способного любить и наслаждаться окружающим миром.

«Афродита»

(Отклик на книгу «Афродита» – рассказы Илоны Крышкевич)

«Женщина под вуалью, пребывающая в полудрёме» – я бы так назвал картину художника Левана Кварацхелия, перенесённую на обложку «Афродиты» Илоны Крышкевич. Название не новое, но вспоминая этот образ, по иному воспринимаешь всё то, что внутри книги.

Двадцать шесть рисунков акварелью. Милые, пастельные тона. Психологически тонко выписаны многочисленные оттенки сложнейших отношений мужчины и женщины. Разнообразие персонажей, их профессий и возрастов, событий и кульминаций. Читатель встречается с героями рассказов в библиотеке и институте, в оперном театре и деревенском сарае, в магазине и гараже, в ресторане и церкви. Но далеко не каждая зарисовка дышит обнажённой и возбуждающей эротикой. Конечно, она есть. Ведь это кульминация событий. Однако порою героям Илоны Крышкевич достаточно лишь с нежностью вспомнить о когда-то вспыхнувшем трепетном чувстве, о «девчужке с синими глазами» или о старом «вышитом платочке – сентиментальном знаке женской любви, но любви материнской...» И тотчас «теплом наполняется *ваш* дом».

В каждом рассказе – своя интрига, свой шарм и особенная незабываемая мелодия: от одинокой флейты («От первого лица», Обещай, что вернёшься»), до органной фуги («На сеновале», «Яблоневый сад») или симфонического концерта («После ранения», «В мире науки»).

Мы видим нежные и лёгкие эссе, почти похожие на белые стихи, которые надолго врезаются в память и в душу читателя («Не называй», «Синева», «Голубые гиацинты»), обстоятельный анализ психологии человеческих отношений («Только не этот прилипающий сахар», «После ранения», «Чёрный») и даже элементы публицистики («ОБЖ», «В кафе»). В самом содержании рассказов легко усматривается личность автора – его мировоззрение, мысли и чувства. Обилие разнообразных художественных приёмов, творчески используемых Илоной Крышкевич, прекрасно оттеняют и, когда это нужно, подчёркивают те эмоции и переживания, которые она сама глубоко чувствует и хочет донести до читателя.

Но одно дело включить эротизм в роман или повесть, так как это делал, к примеру, Мопассан или Золя. Там эротические сцены лишь помогали авторам раскрыть особенности характеров их персонажей. Совсем другое – короткий рассказ. Здесь, в условиях дефицита времени и пространства, для создания образа автор идёт на преувеличения до невероятного, до фантастики («На сеновале», «Искусствовед»), использует художественно-выразительный пропуск – эликсис («Не называй», «Яблоневый сад», «Синева», «В первый раз») и множество других приёмов, основанных на психологических закономерностях восприятия. Почти в каждом эссе соединены воедино и психологизм, и эротика, и фантастика. Это уже некая квинтэссенция, энциклопедия тайн женской чувственности и её сложного внутреннего мира! Из-за показа широкого спектра социальных слоёв современного общества, героини книги вполне могли бы послужить своеобразной репрезентативной выборкой для глубокого психологического исследования. Однако, как это точно подмечено Илоной (мне хотелось бы так называть автора) в рассказе «В мире науки», обилие ярких поэтических образов и художественность их подачи вряд ли позволят специалистам по психологии восприятия индифферентно «препарировать» вечные тайны женской натуры. Да и мужской – тоже.

Здесь рождаются впечатления

Очерк

Третий день в Андорре. Пока не могу понять странное чувство, которое вызывает эта земля. Со всех сторон мрачноватые горы. А сегодня ещё гроза. У грома здесь совсем другой голос, и он долго раскатывается среди вершин. Горы не увидеть сразу. Мешают и одновременно помогают облака. Открывая одни вершины, они тут же скрывают другие. Сначала видишь только контуры... Лишь потом угадываешь всё остальное. Горы постоянно меняются. Если вначале я видел перед собой гору слева, справа и по-середине, теперь я вижу их много. На фоне одной вершины начинают проявляться очертания других. Не сходя с места, могу их насчитать больше двадцати. Меняется освещение, а вот из середины горы выплывает облако, и я понимаю, что это не единый горный склон... Здесь между гор летают вертолётки. Вижу, как маленький, будто самодельный, жёлтый летательный аппарат под острым углом быстро падает вниз. Даже сердце застучало, подумал, наверное, шлёпнется здесь рядом с домом на дороге. Но он спокойно скрылся под моими ногами... Когда ходишь, очертания гор меняются. Поэтому трудно распознать горы по фотографиям – вроде бы это она, Касаманья, а, может, нет. Сколько должно пройти времени, чтобы окрестные вершины стали совсем знакомыми?

Начинается разглядывание. И это немного навязчиво, потому что, вероятно, исходит из потребности в устой-

чивости окружения. Я в Пиренеях первый раз. С террасы открывается прекрасный вид на горы. Смотрю и начинаю чувствовать разницу с морем.

Рядом с морем как будто растворяются границы души. Ощущение широты, безграничности, покоя особым образом питает душу, сообщая ей устойчивость и, какую-то поверхностность. Море притягивает не глубиной, а простором. Какое упоение утопать взором в безбрежности небес и моря! Кругом уединение, тишина, однообразно шумит прибой, всё окружающее занято мною. Или это я мыслю о нём?.. В созерцании быстро теряется своё собственное «я»!

Горный пейзаж совсем другой. Конечно первое впечатление «равнинного» человека – восхищение с чувствительным привкусом тревоги. Тревоги от необычности, запертости, страха высоты. Я сейчас на высоте примерно 2000 метров и к изменению дыхания уже привык, но оно чувствуется.

Дел у меня здесь нет совсем, и я часами сижу, рассматриваю горы и мечтаю, как буду придумывать рассказ или даже повесть об этих местах, о Каталонии.

С особенностями восприятия всё более или менее понятно. А вот чувства, что рождаются при всматривании в горы, понять пока сложно. Но уверен, здесь, в окружении старых высоких гор, самое прекрасное, самое уютное место для концентрации переживаний и творческого порыва.

Самое-самое – это деревни Ос де Сивис и Пал! Вторая – около города Ля Массана и из неё можно проехать на машине к лыжной базе с пологими горами на высоте два километра. Первая – вообще в Испании, но въезд в неё возможен только из Андорры. От этого забавные появляются возможности... Обе маленькие, миленькие, хотя склоны гор совсем близко и, в общем-то, если присмотреться, немного давят. Дома прямо врезаны в эти горы. Вроде всего один этаж, а спустись, хоть это и не просто, погляди вниз – три, а то и четыре! Порою кажет-

ся, что в этих игрушечных домиках никто не живёт. Так и хочется войти в дверь да там и остаться. Сесть за массивный дубовый стол... Компьютер... Прелесть! Это если тебе не нужен город – огромный муравейник с развитой инфраструктурой сервиса, коммуникаций, учреждений культуры и т. п. Мне – не нужен!

Не каждому дано наслаждаться толпой. Этим владеют лишь те, кто способен опьяняться жизнью, обожает маскарады и сгорает от страсти к путешествиям. Но кто не умеет наполнять своё одиночество, не способен быть и среди людской толпы. Писатель наслаждается привилегией, оставаясь самим собой, быть в то же время и кем-то другим. Подобно душам, блуждающим в поисках тела, он воплощается, когда захочет, где захочет, в любого из встречаемых. Он принимает, как свои, все занятия, все радости и горести, какие случай предоставляет ему. Это таинство души, которая дарит себя, свою поэзию и сострадание всему ещё неизведанному.

Кстати о культуре. В городе Ордино есть такой музей. Называется, как ни странно: «Музей миниатюры. Украинское и русское искусство». Игрушки, матрёшки, всякая мелочь... А рядом консульство Украины в Андорре... Видимо, хоть Андорра уже и не оффшорный анклав, но что-то окружающие её горы всё-таки сохраняют. Надо сказать, что памятников архитектуры здесь немного. Церкви – одинаковые, как бы они не назывались. Все XII–XIII веков. Но почему-то в этих местах представить их иными просто невозможно: прямые углы, узкие помещения, никаких выкрутасов, не размахнуться...

Но хватит о духовном! В Ос де Сивис есть гостиница и прекрасный ресторан. Его хозяева готовят пищу только из своих продуктов. Семья у них большая, и все заняты делом. Разводят овец, кроликов, кур, свиней, выращивают овощи, зелень... Это в декабре-то! Даже рыбу сами ловят. Рядом есть такое место с табличкой «Разрешена ловля рыбы без лицензии». Глубина – сантиметров 15–20. Вот там и ловят. Я съел три тарелки каталонского супа,

а потом ещё мясо, шашлыки, всякие салаты... Всё без вина. С вином много не съешь! Конечно, если бы водка...

Дорожка от этой деревни до ближайшего города Андорры – минут десять. Но лучше иметь с собой две таблетки Biodramina. Повороты, обрывы и прочая забава здесь в избытке. Как, впрочем, и по пути из Барселоны в Андорру. Будто специально, вдоль дороги соорудили несколько стоянок на берегу речки, с барбекю, дровами, столом, скамейками и водопроводом. Понравилось? Бери! Рядом, прямо на горе таблички на деревьях «Продается участок земли»? А внизу, на обочине изображён официальный флаг Евросоюза, мол, за флагом Андорры. Только она ведь туда не входит? В Совет Европы – да. Но это разные вещи! А флаг один... Да, наплевать! Красиво и ладно! Ещё задумываться о всякой ерунде, когда вокруг такие горы. Глаз невозможно отвести. Встречаются и пологие склоны с маленькими ёлками, сосёнками и берёзками. Ни дать ни взять – Выборг! Но Выборг быстро пролетает за окном автомобиля и вновь горы, горы, горы... Только наверх и смотришь. А дорога-то петляет... Вообще, если Biodramina с тобой – всё прекрасно!

А вдруг захотелось во Францию! Тогда как? Это вам не в Испанию дорожка, это уже нечто! В газетах на первой полосе огромными буквами: «Снегопад. Дорога во Францию закрыта!». Проходит неделя, другая, метровые сугробы наконец-то убрали бульдозером, туман, видимость – ноль, автобус плетётся еле-еле... У границы остановка. Водитель старается никого не впускать. Во Франции после теракта введено Чрезвычайное положение. Если остановят – мало не покажется. Так можно и к устрицам с фуагрой опаздать. Но в Тулузу прибыли вовремя. Одноклассница встретила и сразу на день рождения к какой-то её приятельнице. Между прочим, собрались почти одни русские. Кто сорок, кто двадцать лет уже здесь. Интересно! У всех домики. Пусть на окраине города и всё-таки. Всё про Путина спрашивают... и почему-то любят Ле Пэн...

Вывод. Андорра – прелесть! Любоваться – да! Творить – здорово! Жить? Слишком много экзотики! Это не для всех. Франция или та же Испания, хотя в каком-то смысле и хозяйки Андорры, но отличаются от неё даже сильнее, чем Австрия от Германии, когда из Зальцбурга едешь баварский Бад Райхенхалль, чем-то напоминающий Андорру. Хотя чем, чем? Горами! Только там молодые Альпы, а здесь Пиренеи! Эти тоже давят. Но они в десять раз старше, спокойнее и мудрее...

Приятная неожиданность. Ночью, на большом автобусном вокзале в Тулузе к ожидающим отъезда – а это два человека – подошёл сменщик водителя и вежливо, хоть и на испанском, объяснил, что отъезд задерживается на тридцать минут из-за чьей-то аварии на трассе. Из-за чьей-то...

Потом сидишь на «блатном» месте прямо за водителем и всю дорогу ждёшь очередной крутой поворот, одновременный со встречной фурой. Она ведь длинная и её легко может занести. Перекроет поворотик собою и ку-ку! В туман, наверное, особенно в туман (читай гололёд), не получится ни дремать, ни читать. И ты, действительно, уже давно отложил планшет в сторону, всё на себя напялил и непроизвольно судорожно сжимаешь в руках сумочку с документами. Почти, как в юности, на верхней палубе маленького судёнышка в штормовом Чукотском море. Стоишь, как дурак, и ждёшь. Только там, кажется, что вокруг только мягкая вода, но с температурой минус 6 градусов, а здесь – крепкие ели на склоне, но склон крутой – 80 градусов. Вот и таращишь глаза, всматриваешься в обрывы вдоль дороги и ищешь. Ищешь хоть какие-то крупные деревья то с одного боку, то с другого, и всё норовишь поближе к асфальту сыскать... Может, в случае чего они остановят падающий под откос автобус... А?

Постоянное, не очень-то привычное желание – вместе с автобусом становиться плоским и некувыркающимся. На мгновение переводишь взгляд вперёд. Сбоку туман –

это куда не шло! Но впереди – особенно перспективно. Ведь именно там, в разбавленном молоке, льющемся с заснеженных гор на еле заметный кривляющийся асфальт, неотвратно должна появиться долгожданная фура! Тем больший ужас испытываешь, когда впереди, прямо перед собой, вдруг не обнаруживаешь водителя... Нет его! Исчез! Спрятался! Выскочил на ходу... Предатель! Убийца! Почти, как в анекдоте. Автобус едет по такой же дороге, а гид, чтобы успокоить пассажиров, говорит: «Не бойтесь, не смотрите по сторонам, закройте глаза. Вот, как наш водитель...»

До чего же доводит субъективный идеализм и неуёмное стремление к тому, чтобы сплюснуться! Автобус в действительности оказывается довольно высоким и вполне даже кувыркающимся, а водитель, как и должно, сидит в своей кабине, там, в самом низу салона. Но осознание этого факта придёт не сразу...

Теперь о другом. Что за страна такая, Андорра? Умытая, ухоженная, воздух и вода чистейшие, вдоль речушек тропинки... Ходи – не хочу! В городе пахнет хвоей, лёгкие дышат полной грудью, люди спокойные, обстоятельные. Куда торопиться? Средняя продолжительность жизни самая высокая в мире, почти 83 года! Это – средняя. Значит, кто-то живёт и за 100! Впрочем, нам-то что губу раскатывать. Как говорится: «Поздно, батенька, пить боржоми, когда почки отвалились». Княжество, понимаешь! Вспоминая классика, так и хочется спросить: «Откуда деньги, Зин?» Ведь налоги на прибыль – всего 2%. В Испании – 30%, во Франции, так, вообще, 38% – первое место в рейтинге! Может, потому что в Испании безработица 23%, а среди молодёжи целых 40%! В Андорре не работают только 5. Человек – не процентов. Все падут. Все – это 70 тысяч человек... И снова перед глазами Выборг... Тоже средневековый и тоже европейский город. Кстати, единственный в России, не считая Калининградского анклава в бывшем Кёнигсберге. И тоже 70 тысяч человек. Вот что значит глубоко в тылу, в го-

рах, а не на «передовой», на границе с Еэсом! И все эти 70 тысяч жителей Андорры только на туризме обеспечивают 80% ВВП. Принимают 7–8 миллионов человек в год. А если учесть, что это в основном зимние четыре месяца... Получается, тащат на себе в сто раз «большой вес». Просто муравьи какие-то! Наверно, и поэтому тоже в Андорре ВВП составляет 41 тысяч долларов на душу населения, а в РФ – наоборот – 14. Хотя, сегодня ещё ниже будет. Конечно, тут не нужно тратиться на оборону. Всё за них делают Испания и Франция. И всё-таки... Да! Ещё банки. Тут только местные! Попробуй, переведи денежки отсюда в другую страну – сразу снимут приличненькую сумму... Откуда деньги? Нужно разбираться... Но частные андоррские банки уже хотят прибрать к рукам все, кому не лень. Это холодное дуновение из-за океана отчётливо ощущают на себе их простые служащие...

Да, ладно! Это уже неинтересно. Вездесущий холодный рассудок проснулся и начинает гасить первые яркие впечатления.

Картинки из детства

Воспоминания

*С чего начинается Родина?
С картинки в твоём букваре,
С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе...*

Л. Ошанин

Ни мажол, ни замол, ни мусоринки...

Худенький ещё не загорелый мальчишка лет четырёх в одних трусиках сидит на берегу залива и будто машину возит по нагретому солнцем песку свою сандалию. Иногда машина останавливается, буксует. Тогда слышится что-то похожее на надрывный шум мотора, и сандалия, подчиняясь уверенной руке мальчишки, скользит то вперёд, то назад, отодвигая в стороны мелкие камешки, сухие кусочки тростника и ракушек. Сегодня, пробираясь между неровностями песчаного пляжа и минуя островки с высокой травой, машина везла снаряды. Целая куча мелкой гальки громоздилась на тёмной, непонятного цвета, с уже сношенной с боков и аккуратно застёгнутой на последнюю дырочку сандалиии...

Родители мальчугана загорали, лежа поблизости на развёрнутом лёгком одеяле. Рядом в тени кустов стояла сумка. Из неё торчали горлышки двух бутылей с морсом и острые концы свежей, только что выкопанной,

вымытой моркови нежно-алого цвета. Солнце стояло высоко. В небе ни облачка...

«Может, взять сачок и пойти в воду? Половлю калюшек. Вода прозрачная, и когда такое солнце, рыбки здорово видны... – мальчишка потянулся, задел рукой машину со снарядами, те высыпались на песок. Жалко! Подбили машину, теперь придётся новую гнать. Вот если бы появились облака, тогда сразу становится холодно, и кожа покрывается мурашками. А так – жарко. В воде было бы самое то! В общем, так хорошо редко когда бывает: ни тебе мозоли на пятке, ни занозы в пальце, ни мусоринки в глазу... Даже коленки и те без свежих ссадин! Родители не ругают. Когда такое ещё будет? Пойду в воду! – мальчишка уже почти встал, но чуть-чуть подумав, смекнул: – Нет! Не стоит – заругаются... Сразу начнётся: «Ты такой, ты сякой. Ну, непослушный, короче. После ужина будут чай пить, конфет не дадут. Вот и подумай теперь, нужны тебе эти калюшки? Да и сачок совсем рядом с родичами. Вмиг увидят и всё поймут».

«Ранений»

За день до первого сентября Серёжка заболел гриппом. Горячий чай с мёдом и кипячёное молоко с противными пенками, маслом и содой вынуждали его ежечасно менять мокрое от пота бельё. Пришлось проваляться в постели почти две недели. Здесь же, около подушки, были разбросаны деревянные шахматные фигуры. Он ими играл в войну. Чёрные – наши, белые – немцы. В углу комнаты на спинке стула висела его новенькая школьная форма: выглаженные брюки с гимнастеркой серо-голубого цвета и ремень с блестящей пряжкой, на которой выделялась буква «Ш». Букет из белых астр, приготовленный к школе, завял и теперь лишь напоминал, что идти туда всё равно придётся.

Ещё весной к ним приходил какой-то дядька, долго разговаривал с родителями и, должно быть, уговорил записать сына в первый класс во французскую школу.

Во дворе было много детей «призывного» возраста, но их родители боялись отдавать туда своих отпрысков. Что-то было непривычное в самом названии. Кроме того, все знали: раз зовут – значит, жди подвоха. Однако ближайшая школа тоже была не подарок: сплошная шпана, постоянные драки, поножовщина, игра в карты на деньги...

В августе из ближайших домов собрали «семилеток» в зал и там по одному заставляли вслед за учителем повторять французские слова, пытались понять, сможет ли будущий ученик говорить по-французски. Если у ребёнка был хоть какой-то слух, то он мог приблизительно повторить эту абракадабру. Иначе не радовалась бы так приёмная комиссия и особенно тот мужик, что весной ходил по квартирам.

Серёга и так лучше всех во дворе тараторил по-немецки, когда они играли в войну. Не «бу-бу-бу» какое-нибудь, а «хенде хох, хальт, цурюк». Ну, там, «волен зи бите айн сигарет» и тому подобное. Что означало последнее сочетание слов, он не знал, но звучало правдоподобно. Сам он тоже напоминал немца: белобрысый, с голубыми глазами и нос такой ровный и тонкий. Главное, чёлка у него была длинная и набок зализанная. Больше того, он и «стрелял» тоже умеючи. Настоящий сухой с потрескиванием звук очереди из немецкого автомата. Так что же, французский сложнее будет? Хотя этот язык никто из них никогда ещё и не слышал.

Тот длинный дядька, что по весне обхаживал родителей, оказался завучем по французскому языку, и звали его Анатолий Иванович. Он вернулся из Алжира, где шла война с Францией. Знали, что это где-то в Африке, а он там работал переводчиком. После ранения вернулся в Ленинград и стал всем доказывать, что стране очень нужны специалисты с французским языком. Так три года назад вместо ещё совсем простой женской школы появилась смешанная, французская, с обучением иностранному языку со второго класса и с дополнительным преподаванием на том же языке почти всех привычных предметов.

Только история, география и литература были французскими, даже военное дело – с французскими автоматами, самолетами и легионами. И одна на всех математика – хоть на русском, хоть, на французском.

Сергей пришел в школу первый раз только в середине сентября, долго шлялся по этажам, пока не остановился около дверей, на которых висела табличка с надписью «1 „Б“ класс». Зазвенел звонок, и слева от входа, вдоль коридора выстроились три колонки учеников. Он узнал многих мальчишек, несмотря на то, что они все ему казались на одно лицо, в форме и с короткими чёлками на стриженных головах. А Вовка и Юрка даже начали подпрыгивать и махать руками, подзывая его к себе. Но впереди всех стояла строгая и очень важная Нинка из соседнего подъезда. У неё на рукаве белела повязка с красным крестом. Для неё ничего не изменилось. Она и раньше во дворе всегда была медсестрой, когда мальчишки играли в войну. Вот и теперь...

Серёжка сразу вспомнил, как он однажды, будучи «тяжело раненым», вдруг отпрыгнул от Нинки и ничком, как убитый, упал на землю. Под ним лежала мокрая, кем-то потерянная, совсем незаметная на мокрой траве серо-голубая пятирублевка. Целое состояние! Потом, уже после «боя», когда вместе лопали купленные на эти деньги тянучки «Золотой ключик», все почему-то хвалили не его, а Нинку. Особенно Юрка. Зато Серёжкина мать потом долго ругала сына почём зря. Мол, где взял такие деньжищи? Продавщицы ей, конечно, сразу доложили, что в магазин приходил её младший сын и покупал конфеты. Ей всегда всё сообщали про её детей. Про старшего, если тот играл в битку на деньги, и вот теперь – про младшего. Она работала акушеркой в родильном доме, поэтому все женщины, жившие поблизости, её хорошо знали.

Переменка

На вторую переменку Юрка с Вовкой выскочили из класса раньше всех. Они дождались Серёжку, и, обняв-

шись, втроём влились в общий поток учеников, идущих вдоль стены парами и тройками, потом сворачивающих и продолжающих шествие теперь уже вдоль огромных окон. Оказавшись в дальнем конце коридора, мальчишки остановились, тайком открыли большую дверь и очутились на запасной лестнице. Она была такая же широкая, как и основная, вся из мрамора с закруглёнными краями ступенек, только без длинного ковра вдоль всего пролёта. Юрка весело подмигнул Серёжке, как бы говоря, что пока он болел, они тут зря времени не теряли. Он снял ремень, чтобы тот не тормозил, лёг животом на ступеньки, вытянул вперёд руки, оттолкнулся ногами и начал быстро скользить вниз. За ним последовали и Вовка, и Серёжка. Спустившись, как по эскалатору в метро, они быстро подымались наверх и потом снова и снова съезжали вниз на животе, пока не зазвенел звонок на урок.

Штатное оружие

Это случилось в третьем классе, перед самым Новым годом. Все ровненько сидели в ожидании начала урока. Почему-то вошла не «французенка», а классный руководитель, учительница математики. Она строго потребовала от мальчишек положить ей на стол все пистолеты, какие только у них есть: деревянные, из проволоки, из пластилина, игрушечные покупные, которые стреляли пистонами. Вообще все! Её можно было понять. Она из прошлой, женской школы. А мальчишки не могли выдержать целый урок, не постреляв хоть чуточку из своего любимого оружия. Конечно, шум этот ей мешал. С непривычки, должно быть.

Мальчишки оружие не отдавали. Тогда училка сама пошла рыскать, с шумом поднимая крышки у парт, где сидел очередной «вооруженный хулиган». Пришлось сдаваться, и ребята медленно потянулись ручейком к столу преподавателя, неохотно, чуть не со слезами складывая на него свой арсенал. Алексей Петров вынул из

кармана брюк пластмассовый чёрненький браунинг – подарок дяди из Москвы, и незаметно, смотря в упор в глаза Алёнки, положил его к ней в парту, за портфель. Та, будто партизан, ничего не говоря, закрыла глаза. Её пушистые чёрные ресницы, такие огромные, казалось, доставали своими кончиками чуть ли не до середины щеки. Алексей залюбовался тем, как они подрагивали, и совсем забыл про тягостные приставания «классной».

– А тебе, Петров, особое приглашение нужно? – грозно прошипела математичка и с сознанием выполненного долга направилась к стенному шкафу, унося в руках все собранные пистолеты.

– А у меня нету... – тихо-тихо прошептал Алексей. – Совсем нету. – При этом он поднял руки и покрутил ими так, как это проделывали фокусники, когда хотели продемонстрировать отсутствие каких-нибудь предметов с тыльной стороны ладоней.

– Как это так – нету? Ну-ка, Катенька, – обратилась она к девочке, которая сидела как раз перед Петровым, – Возьми всё, что есть у него, там, в заде, и принеси мне на стол.

Весь класс заржал, а учительница так и не поняла почему. Культура речи её мало волновала. Главное, чтобы всё раз и навсегда отобрать, сосчитать и ровненько сложить в шкаф. Катька заглянула в парту Алексея и ничего не нашла. Явно расстроившись, она с сожалением посмотрела на классного руководителя, молча, развела руками и села на своё место.

– Каждый пусть придёт с родителями, если хочет получить своё барахло обратно, – заявила математичка.

Мальчишки быстро сообразили, что предложение не совсем простое. То есть родителей звать не нужно, если не хочешь вернуть пестик. Ну что ж, не такие уж они и хорошие, если разобраться. Подумаешь, на уроке труда из фанеры выпилили лобзиком и сколотили маленькими гвоздиками. Да и краска только синяя была, какую дал трудовик, такая и пошла в дело. Уроки труда, а по-

том, в старших классах, ещё и военное дело вёл хороший дядька. Его все любили. Инвалид войны, с тремя орденами планками на пиджаке. Он всегда радовался, когда они взялись делать что-нибудь сами. Пистолеты – так пистолеты, всё равно... В общем, решили так: звать родителей в школу – гораздо опаснее. Это большая беда, чем утрата «табельного» оружия!

Сабля

Ребята играли в войну. Чей-то папа всем делал сабли из веток только что спиленной осины. Они получались, как настоящие, чуть плоские и загнутые. Миша подошёл к мужчине, умело работающему острым ножом, и неуверенно протянул руку.

– Вот! Смотри, для тебя самая красивая получилась, – сказал мужчина, вручая Михаилу «саблю». Мальчишка засунул её за пояс и гордой походкой сразу же отправился домой показать маме. А мать в это время собралась с соседями ехать в Выборг, в магазин, и уже искала сына, чтобы взять его с собой. Они вместе подошли к автобусной остановке, и тут только мать, не дождавшись рассказа о чужом дяде, заметила у сына за поясом огромную палку, волочившуюся по земле. «Оружие» пришлось срочно прятать в траве, в канаве около остановки, чтобы никто его не утащил.

Когда ехали в Выборг, Миша по обыкновению ревел. Укачивало. На обратном пути случилась какая-то метаморфоза. Вроде бы он должен был плакать в автобусе, а он остолбенело сидит, молчит, лицо бледное, напряжённое. Мать даже забеспокоилась. Наверное, что-то случилось, а она не знает – что. Михаил сначала ещё кое-как терпел, а потом, когда они стали подъезжать к дому всё ближе и ближе, совершенно извёлся. Он переживал за свою новую любимую палку. Всю дорогу представлял, как будет её хранить дома, в углу, рядом с вешалкой или между дверями, выходящими на крыльцо, как будет играть с ней во дворе...

Мальчишка первым выскочил из автобуса через переднюю дверь и сразу кинулся на другую сторону дороги, к канаве. Мать ещё только поднималась к выходу, когда услышала страшный визг тормозов и крики пассажиров: «Ребёнок, ребёнок. Там ребёнок!» Огромный самосвал торчал из канавы, его задние колёса повисли над землёй. Они продолжали жутко крутиться как раз в том месте, куда бежал Мишка. На асфальте остались длинные тёмные полосы от тормозного пути тяжёлой машины. Это было страшно. Оцепеневшую женщину под руки вывели из автобуса. Она не могла ни говорить, ни двигаться. Ошалевший от случившегося, водитель грузовика вылез из кабины и бегал вокруг машины – искал ребёнка.

А в это время на горюшке, сразу за канавой, куда носом уткнулся самосвал, стоял худенький мальчишка с рыжими волосами в белой рубашечке без рукавов и в коричневых штанишках с лямками крест-накрест. Поверх одежды на поясе блестела большая пряжка с якорем посередине. Коленки мальчика были в ссадинах, а за широким чёрным ремнём торчала палка. Он стоял, как на посту и, ничего не понимая, смотрел по сторонам. Смотрел на людей, собравшихся возле автобуса, на испуганного и растерявшегося водителя грузовика, на свою мать, которая сидела на скамейке автобусной остановки в окружении женщин, опустив голову, будто спала.

Пышки

Лёня рос обычным дворовым мальчишкой. Футбол, карты, игра на деньги. Домашнее задание – это не для него. Успеет списать в школе перед уроками – хорошо, нет – тоже ничего страшного.

Школьные годы пролетали незаметно, особых знаний Леонид не проявлял, интереса к чему-либо не выказывал, да и поведением тоже не блистал. Частенько прогуливая уроки, он уезжал на трамвае на окраину города, далеко за Финляндский вокзал, в посёлок Озерки. Там

лыжники спускались по длинным пологим склонам прямо к большому замёрзшему озеру. В будни народу было мало. Если мелькнёт кто, то чаще всего такой же, как он, прогульщик. Маленькие, не испытывавшие никакого страха или боязни сломать ногу или руку, они лихо скачивались на простых лыжах с петлёй для ботинка или валенка, частенько подпрыгивая тут и там на самодельных трамплинах.

Вспотевшие и довольные, надышавшиеся чистым воздухом, прогульщики отправлялись в ларёк, где продавали кофе из бачка. Там же прямо за стеклом автомат готовил румяные, горячие пышки. Они выдавливались из трубочки в виде скрученного теста, падали в миску с кипящим маслом, а уж оттуда продавщица их подцепляла вилкой, укладывала ровненько в ряд на большой поднос и посыпала сахарной пудрой. Пять копеек штука. Их брали помногу, так что автомат еле поспевал за аппетитом юных лыжников. Лёнька мог за раз съесть с десяток.

В школе тоже продавали пышки, но холодные, и они почти ничем не пахли. Таких много не съешь! И всё же рубль, который раз в неделю ему давала на завтраки тётка, Леонид тратил исключительно на пышки. Купит штук двадцать и целеустремлённо жуёт целый день, все уроки подряд. Ну, может, одну-две подарит кому. Зато потом всю неделю с утра до позднего вечера ничего не ест. Наверное, потому и тощий такой. Торчал один нос с горбинкой. Непослушные тёмные пряди волос, причёсанных на пробор, ещё больше подчёркивали его длину. Ну, прямо Паганини!

Диалог

В классе на стене висела большущая карта Парижа, которую привёз из Франции учитель истории. Там был виден каждый домик, каждый переулок и, конечно, все архитектурные памятники. Каждому ученику отводился конкретный кусок этой карты, и он должен был все

зазубрить на память. Кто когда что построил, что там сейчас, как туда пройти... Например, как добраться от Нотр-Дам к Триумфальной арке. Или посложнее: от Вандомской колонны до вокзала Аустерлиц. Борьке Степанову достался Латинский квартал, а Вовке Левину – весь район Елисейских полей. Учитель вызвал обоих к доске и предложил экспромтом составить диалог двух случайно встретившихся друзей. Тема простая: здания, строительство, памятники архитектуры, история... Да так, чтобы всё это пересекалось, чтобы «прозвучали» обе части карты Парижа – и Борькина, и Вовкина.

– Bonjour, Boris. Comment ça va? (Здравствуй, Борис. Как живешь?) – сказал Вовка и весело хлопнул приятеля по спине.

– Bonjour, Voldemar (Здравствуй, Володя). – Борис чуть присел от неожиданности, повернулся лицом к Вовке и, насупившись, произнёс первое, что ему пришло в голову по заданной теме: – Et combien d'étages y a-t-il dans votre maison? J'ai oublié déjà (А сколько этажей в твоём доме? Я что-то позабыл). Степанов принялся с индифферентным видом перебирать пальцы на руке, как бы считая.

Группа взорвалась от смеха. Учитель, как выяснилось, тоже имел довольно развитое воображение, золотая заколка на его бордовом галстуке так и подпрыгивала в такт с всеобщим ликованием. Казалось бы, что особенного? Однако достаточно представить себе, что на самом деле встречаются два приятеля и вдруг, словно больше им не о чем разговаривать, пускаются в рассуждения об этажности своих домов. Любой человек со стороны подумал бы, что это больные или непроходимые дураки.

Играма

Наши дома в виде бурвы «Г» стояли друг за дружкой. Там, где проход был узким, строили крепость из снега для защиты своего двора от соседей-недругов. Рядом, на ничьей земле была помойка, враги забирались на её кры-

шу и оттуда снежками стреляли по нам. Крепость им теперь не мешала. Такой снежок попал мне в голову. Оказалось, в нём был камень. Попало в бровь. Крови!.. Понесли меня в поликлинику. Помню только, как врачи переговаривались меж собой: «Иглы острые? Нет, не очень чтобы... А где острые? Да кто ж их знает!» Короче зашивали рану тупыми иглами, но под наркозом. С тех пор не мог слышать про любое острое. Нож, вилка, острое блюдо – селёдка...

Самолётники

Что за забава! После уроков, вместо кружков по интересам убежать далеко, к Нарвским воротам, потом на Екатерининский остров, туда, где стояла заброшенная парашютная вышка. Её железная винтовая лестница вела вверх, а перед самой площадкой проход был заварен листом железа. Приходилось портфель сжимать зубами, перелезть через стальные балки, затем, ступая по горизонтальной рельсине, осторожно продвигаться к крайней балке, крепко обхватить её руками... А если поскользнёшься? Удержишься на руках?.. Под тобой ничего больше нет. Только сто метров стальных нагромождений и земля! Наконец-то нога обхватила образующую балку и ступила на другую, горизонтальную, которая проходила уже после железной двери. Ещё немного прошагать, держась за... А, не за что! Вот так! Хочется, как в фильме «Человек Амфибия», прямо прыгнуть Ихтиандром к обратной стороне двери, схватить руками её ручку... Но, не выпуская портфель из стиснутых зубов, точно не получится! Потому и приходится, как несмышлёнышам пробираться маленькими шажками к лестничной площадке с другой стороны железной двери. Теперь ещё несколько ступенек, и ты на месте. Перед тобой весь Мир! Вон там раскинулись корпуса Кировского исполкома с кинотеатром «Прогресс», напротив «серп и молот» 384-й школы. Совсем рядом, почти под тобой, Нарвские ворота, жёлтое здание только что построенного метро...

Слева, ближе к краю парка имени 30-летия ВЛКСМ, видна какая-то протока, а у берега плот... Завтра поплаваем! А, может, и сегодня успеем...

Теперь вырываем из тетрадей чистые листы. Только бы не перепутать с теми, где домашнее задание и отметка учительницы! Мастерим самолётики и пускаем их в плавание... Они потом долго летят с такущей высоты, аж до Нарвских ворот.

Английский, ноты, пианино...

Молодая учительница сидит в кабинете за столом и пишет отчёт. Дверь тихо отворилась. Из коридора выглядывает улыбающееся лицо. Ровно приглаженные прямые волосы чёлкой нависают над большими карими глазами. Женщина повернулась на стуле и приветливо помахала рукой.

– Биб-библиотека не работает... – произнёсло лицо, будто делилось свежей информацией с первым, попавшимся ему на глаза.

– Да, она закрыта уже неделю. Ремонт, – с досадой ответила учительница. – Если очень нужно, я могу попросить – наверное, откроют на полчаса...

– Нет, нет! Не надо, спасибо. Я сам вспомню...

Лицо исчезло.

«Что вспомню? Непонятно. А правильно, что я так участливо отреагировала на его фразу, – подумала учительница начальных классов. – Это же Коленька из 1 „А“, я его сразу узнала».

Мальчик быстрой, радостной походкой удалился в свой класс. Он сейчас, как равный говорил со взрослым человеком. И тот отвечал ему без всяких там «сю-сю». Так редко бывает! «Хорошая женщина! – решил мальчишка. – Красивая. Нужно что-нибудь ей подарить».

Через день после первого разговора с молодой учительницей, Коленька снова заглянул в знакомый кабинет. Там никого не было. Он оставил на столе листок бумаги и стремглав выскочил.

К вечеру учительница, её звали Вера Петровна, как всегда, вернулась к себе в маленькую комнатку, где записывала все задания для учеников на следующий день. Посреди стола лежал листок.

«Это стихи, – первое, что пришло в голову Вере. – Но что за язык? Не то английский, не то... Ничего не понять».

Дверь отворилась, и опять появилось улыбающееся лицо Коленьки.

– Это вам... Стихи...

– Ой! Спасибо! Как здорово! – заинтересованно заговорила женщина. – А что это? На каком языке?

– Ну, это... На английском...

Коленька совсем не хотел, чтобы Вера Петровна усомнилась в подлинности написанного или хотя бы в подлинности его чувств. Поэтому последнее слово прозвучало и как вопрос, и как констатация, и вроде как подсказка.

– А переведёшь мне? Я не очень-то сильна в этом языке.

Мальчишка быстро закивал головой и удалился. Уже через пять минут он вернулся с другим листком.

– Вот! – уверенно, словно после большой проделанной работы, произнёс Коленька.

На бумаге были нарисованы ноты.

«Сильно! Честное слово, это здорово! Какая находчивость, и какие эмоции! – Вера Петровна, впервые после окончания педагогического института воочию убедилась, как обострено восприятие окружающих её учеников-первоклашек».

– Коленька, но это музыка! Это нужно сыграть на музыкальном инструменте. Пойдём в зал. Там есть фортепьяно...

Мальчик совсем расстроился, но, как он считал, не показал виду. Они вместе направились на второй этаж, где в конференц-зале стояло старое чёрное пианино. Коленька шёл, еле переставляя ноги, словно на казнь. Чёрное пианино неотвратимо приближалось.

Ой! – Он вдруг остановился, махнул рукой и радостно воскликнул: – Вспомнил! Пианино не годится... Ну-жен кларнет.

Я его никогда не забуду...

Сегодня вместо урока математики Анфиса повела всех в парк собирать жёлтые кленовые листья. Будто мы девчонки! Конечно, пока все шли от школы до парка, мы успели сгонять к вышке, подняться на площадку, пустить самолётики, слезть вниз. Но опоздали. Минут на пять всего-то. Анфиса, она у нас классный руководитель, говорит: «Идите за родителями и с ними возвращайтесь сюда. Иначе, к уроку не допущу!

«Не фиг себе! Где же мы сейчас возьмём родителей-то? Все на работе! И потом, подумаешь, тоже мне – урок!»

На следующий день первый урок – русский язык, а математичка всё трётся и не уходит из класса. Пришлось пропустить урок. Потом вообще математика – ещё урок... Короче, вызвали нас в учительскую. Типа будут исключать. Ну, постояли, переминаясь с ноги на ногу и потупив взор... Нормально! Куда без нас!

Однако вечером пришлось испытать... Анфиса уверенно поднималась на третий этаж по лестнице моего дома на Турбинке. Она впереди, я сзади. Этот зад я не забуду никогда! Чёрное пальто учительницы раскачивалось из стороны в сторону прямо перед моим носом. С тех пор любая учительница для меня – это вот такая же, как Анфиса. Только одна мысль тогда не покидала меня: «Хорошо, что ещё утром вынул и спрятал все ремни из отцовских брюк! Он сегодня выходной. Брюки ему не нужны, наверняка в физкультурных штанах ходит по комнате...»

Всё равно досталось! Не ремнём, так вешалкой деревянной...

Ранняя профориентация

Ну вот, обосновали! Петька им не товарищ! Да и вообще Пётр Филиппов, сколько его помнили, всегда при-

носил неприятности, какую-нибудь, пусть маленькую, но беду. Ещё в первом классе он не пришел на праздник, где у всех были расписаны роли литературного монтажа. Тогда Алёнка, говорившая свои слова после него, наверное, минуту стояла и молчала, не понимая, что делать. Как можно произнести: «Есть коробка у меня...», если до этого не прозвучало: «Нарисую я коня...». Она хлопала ресницами и беспомощно озиралась по сторонам, размахивая коротенькими косичками с белыми бантиками на концах. Она ждала Петькиных слов, и только Вовка Спивак решился. Он уверенно вышел из строя навстречу всему залу, заполненному родителями и преподавателями, и без спросу громко произнёс вместо Филиппова всё, что положено.

До школы родители заставляли Петьку много играть на скрипке и ещё больше читать. В пять лет он уже легко проглатывал всякие взрослые книжки. А в первом классе учительница часто его вызывала к своему столу и оттуда, будто с трибуны, он «с выражением» читал всему классу «Незнайку» или «Волшебника изумрудного города». Маленького роста, тщедушный, с очень большим белым воротником вокруг длинной и тонкой шеи, с октябратской звездочкой на груди. Чуть загнутая, вырезанная из красной фольги, она была прикреплена металлической булавкой прямо к гимнастерке. Широкий ремень с огромной пряжкой подпоясывал форму слишком высоко, где-то совсем рядом со звездочкой. Из-под ремня, будто на девчоночьей юбке, спускались длинные, неубранные складки гимнастерки.

Филиппов сразу почувствовал свою исключительность среди сверстников и всегда старался её чем-то подкрепить. Но чем дальше, тем это становилось всё сложнее и сложнее. Фора, данная ему в детстве, заканчивалась. Уже все умели и читать, и писать, а играть на скрипке вроде бы и не нужно было никому.

Вскоре отделились от остальных явные гуманитарии – любители русской и французской литературы.

Группка – человек пять. Точно закрепились в качестве «математиков» Вовка Спивак и ещё две девчонки, которые, хотя и появились в школе с четвёртого класса, но, тем не менее, по-французски уже могли сносно говорить. Одна пришла в их класс, другая – в параллельный. Начинало сказываться социальное расслоение. Эта дочь балерины, а та – капитана дальнего плавания. У той вообще фамилия двойная и пишется через чёрточку. Большинство же ребят жили поблизости, в коммунальных квартирах, в домах, построенных ещё в тридцатые годы вблизи огромного завода, или в двухэтажках с деревянной лестницей, которые строили пленные немцы сразу после войны. Их даже в первый класс в какую-то «французскую» школу родители не хотели отпускать. Боялись, что потом детей отправят на чужбину, в жаркую Африку, в Алжир, на худой конец – во Францию, прямо в НАТО.

Тогда Петьке, быстро растерявшему свой былой авторитет, больше ничего не оставалось, как начать прыгать с парты на пол, будто в воду, как морской дьявол из кинофильма «Человек-амфибия». Ещё он сам ножницами отрезал воротник у школьного пиджака, отпустил длиннющие волосы и стал похож на Битлова. И поскольку этого было явно недостаточно, он умудрялся во время обеда набрать полный рот горчицы, тихо сидеть пол-урока, а потом повернуться ко всем, медленно открыть рот и с индифферентным видом высунуть язык... Это надо же! Ждать аж двадцать минут ради самоутверждения. Наверное, давали о себе знать усидчивость и терпение, привитые с раннего детства при игре на скрипке. Ну, и, конечно, его звали на подвиг приятные воспоминания о первом классе, когда он был особенным, первым, а может, даже и вообще – главным.

Спивак отдалился первым. Через шестнадцать лет ожидания у его родителей подошла очередь на новое жильё. Всё Вовкино семейство: мать, отец, младшая сестра и он – наконец-то уехали из четырнадцатиметровой

комнаты в коммуналке в отдельную квартиру на последнем, пятом этаже, в новом микрорайоне в Сосновой Поляне. После этого Вовка каждый день опаздывал на первый урок, потому что ехал из дома на электричке, потом остановку на метро и ещё от метро шёл пешком. Он ходил в грязных лыжных ботинках, но его не ругали. Все учителя понимали: Сосновая Поляна – не подарок. Она далеко, и там всегда и всюду непролазная грязь. И зимой, и летом. Туда даже такси не ездят. И он же самый молодой в классе. Его могли не принять в тот год из-за даты рождения – 28 сентября. Но он уже тогда соображал очень хорошо и так несколько раз согнул свидетельство о рождении на месте лишней цифры, что из двух осталась только одна. Ну, такого грех было не взять в первый класс на два дня раньше положенного срока. К тому же, он математик, отгороженный от реальности формулами и теоремами. Задачи щелкает как орехи, так переворачивает всякие сложной формы пирамидки, что любому сразу становилось ясно, как рассчитать их объём. Ему положено ходить в нечищенных сапогах.

Кроме того Спивак посещал в университете лекции, которые читали всякие чокнутые первокурсники. Они это для себя читали, тренировали правильную научную речь, часами лопотали что-то про комплексные числа, закрытые и открытые множества. Девчонки из школы, которых тоже относили к юным математикам, рассказывали потом, что главное – не что-то конкретное понять, а научиться напрягать мозги и пытаться уследить за логикой лектора. Когда становилось совсем неинтересно – это значило, что слушатель вырубился, уже мышей не ловит и ничегошеньки не понимает. В начале цикла лекций, это происходило почти сразу, к концу – всё позднее и позднее. В том всё и дело!

Учительница математики Вовку всем ставила в пример. Отчасти поэтому другие уроки Спивак вообще не воспринимал. Наверное, кроме французского. Он так и говорил: «Это пустая и никчемная трата драгоценного

времени». Конечно, не хвалят, не ставят пятерки, а только ругают, ругают и ругают. На таких уроках Вовка часто разрисовывал учебники понравившимися ему математическими выкладками, а потом громко и безапелляционно отвечал на замечания учителей: «Книжка м-о-я: что хочу, то и во-ро-чу. Захочу – в печке сожгу». Однажды на уроке истории он также привычно отреагировал на возмущение преподавателя. Только на этот раз вместо алгебраических формул он нарисовал нечто другое. На рисунке «Ленин в Разливе» под вождем пролетариата на месте пенька красовался большой горшок ярко-синего цвета...

Вовку исключили из пионеров. Родители, чтобы не травмировать психику сына, сразу перевели его в другую школу, тем более, что она была рядом с их новым домом. Но это обстоятельство не повлияло на его планы. Во-первых, на новом месте его «туда» снова приняли. Вернее, отменили предыдущее решение. Взяли на поруки и отменили. Куда бы они делись? А через несколько лет он всё равно, как и мечтал, поступил в университет на матмех. Причём с первого захода. Даже не пригодился лишний год, так искусно полученный им при зачислении в первый класс.

Он вообще был импульсивный, резкий, совершенно нетерпимый к тому, что его раздражало. Не нравится урок или учитель – всё! Нет его. Отобрали пионерский значок – да и ладно! Так же он относился и ко всему, что ему нравилось. Он самостоятельно освоил дифференциальное исчисление, за месяц научился играть на пианино двумя руками. Правда, только «Лунную сонату». Только её. Потому что нравилась! Потом сам быстро выучил английский, а уже позднее быстро женился...

А Лисочкин и Богданов по-прежнему были вынуждены каждый день лицезреть друг друга на уроках. Мальчишеская дружба их уже закончилась, но совместная тайна драматических ночных походов по «учительской» продолжала давить, то сближая их на время, то – наоборот

рот – отдаляя. Могло ли что-нибудь накрыть их прошлое большим покрывалом и позволить полностью отдаться какому-нибудь новому и большому делу? Все усугублялась нетипичным треугольником: Серёга – Алёнка – Юрка, где все были влюблены как бы цепочкой: Серёжка – в Алёнку, а та – в Юрку.

Более того, в отличие от Спивака да и многих других одноклассников, ни Лисочкин, ни Богданов ещё совсем не задумывались над тем, что они умеют, чего хотят и куда им идти. Как будто время вырезало целый пласт из их жизни, и они снова, как в детстве, играют вместе в войну или ходят по двору обнявшись. Юрка Лисочкин, Серега Богданов и Вовка Спивак. Их матери, будто сговорившись, открывают форточки и зовут домой. Тогда друзья громко запевают всем известную песню – «Три танкиста, три веселых друга...», мамы улыбаются и отстают от них ещё минут на десять...

Погли

Однажды в девятом классе, зимой, ночью, на кухне коммуналки, взобравшись в валенках на закрытую железной крышкой газовую плиту, Сергей в полном покое предавался изучению закона Менделеева. Холодильник в виде деревянного шкафа с дыркой под окном не мешал. Валенки и конструкция в виде плиты и табуретки делали своё дело. Соседи спали, и, слава Богу, никто не норовил посреди ночи поставить на плиту чайник.

«Когда не мешают, наверное, всё можно выучить», – задумчиво произнёс Сергей и раскрыл «Метафизику» Аристотеля вместо учебника химии. Когда предстояло что-нибудь сложное, он всегда под рукой имел до боли простые вещи: телевизионную программку или вот как сейчас... «Вот, где все ясно, и ничего не нужно доказывать. Не зря этого Аристотеля ЮНЕСКО считает самым умным мыслителем всех времен...», – подумал Серёга. Пребывая в хорошем настроении и млея от комфорта, он полностью забыл, зачем пришёл на кухню, и о том,

что завтра будет контрольная. Вобщем-то, ему было на неё наплевать. При любом раскладе получил бы он свою тройку. А может и четвёрку... «А может и собаку, а может и... козу!» Серёга тихо затанул нечто похожее на песенку. Он предавался мечтаниям.

«А вот если бы во втором классе мне не поставили двойку в тетрадке, если бы из-за этого не пришлось делать домашнее задание не дома, а на подоконнике лестничной площадки и я не получил бы потом за него кол» — он помечтал ещё немного про то, что бы было, если бы... Ведь он даже мог бы стать отличником. Как Валька Прохорова или Танька Бадарина, с которой за первой партой в левой колонке неизменно все школьные годы просидел Лисочкин. Вот эти две девчонки всегда были готовы пойти к доске и с какой-то патологической радостью отвечать домашнее задание. «Какие несчастные люди! — с искренним сожалением подумал Сергей Богданов. — Им незнакомы переживания человека, который ничего не знает, а идёт на урок, как на подвиг, где каждую секунду его ждёт провал. Быть троечником — большое искусство. Суметь вывернуться, изловчиться, ответить хоть что-нибудь. Ровным, спокойным голосом начать излагать решение задачки, которую совсем не знаешь, как решать...».

68-й

Рассказ

Всё-таки нас заложили! После первого курса Павел Куликов окупился в свой первый студенческий стройотряд в Петродворце. Строили новые корпуса университета. Даже не строили, а так, только начинали. Особой работы не было. Однако в этом отряде были студенты из всех стран социалистического лагеря. Двести пятьдесят человек. В свободное время учили друг друга языку, матерным словам, играли в футбол, а если шёл дождь — в карты, «на дурака». И когда Куликова вместе с двумя другими, правда только отечественными картёжниками на целый месяц сослали на кухню мыть посуду и котлы, он и там находил радость в самом процессе, умудряясь его как-то украсить и возвысить.

Ну, во-первых, забегая вперед, нужно сказать, что только эти самые картёжники и заработали хоть какие-то деньги на мытье посуды. Остальные — ничего! А во-вторых, Павел, облагораживая свой мало престижный труд, вёл себя так, будто это было и не наказание вовсе. Причём все вокруг в этом быстро убеждались.

Рано утром строители сидели в столовой в грязной спецодежде, завтракали и готовились идти работать — таскать камни, стекловату, мешки с цементом... В это время Куликов открывал окошко для сдачи грязной посуды, и все могли его лицезреть. Он в блестящем сером костюме, в белой сорочке с бордовым галстуком в по-

лоску сидел за окошком и покуривал папиросы «Дюшес», охотно откликаясь на просьбы подходящих за чистым стаканом или вилкой. Приходят на обед или на ужин. Сидят, грязные, мокрые, изголодавшиеся. А в окошке опять Куликов, в белой сорочке, уже с другим галстуком и опять-таки с папиросой «Дюшес»... Вывод один и совершенно простой. Нужно всем играть в карты «на дурака».

Конечно, когда студенты уходили из столовой, Павел передевался и почти весь погружался в горячую воду с горчицей и грязными тарелками от двухсот пятидесяти едоков. Но этого никто уже не видел. Один рывок и всё! Зато, когда в последний месяц стройотряда началась заварушка с Чехословакией, пригодился именно он – «заядлый» картёжник и посудомойка.

Чехословацкие студенты заперлись в комнате и, пытаясь поймать по радио Прагу, никого не пускали к себе. По телевизору показывали, как танки стран Варшавского договора с большими белыми крестами сверху на броне уже входили в их страну. Тогда комиссар отряда одного за другим посылал к запершимся иностранцам студентов исторического факультета, так сказать, идеологов. Чехословаки их не впускали и даже били.

Всего-то и нужно было собрать всех и организованно вывезти на родину. Только юные студенты из Праги никому не верили, всего боялись и уже напридумали себе чёрт знает что. Они сами называли Куликова, как посредника. Вроде как, ему верили. Громко сказано! Просто он вызывал у них какую-нибудь малюсенькую, но симпатию.

Студенты из опальной страны организовано вышли из своего убежища вместе с Павлом, сели в один львовский автобус и через три часа были уже в самолете, летящем в Прагу. Куликов вернулся только к вечеру. Конечно, никто в отряде не собирался их сдерживать в естественном желании вернуться домой, когда там чуть ли не война. Если бы это было не так, никакой картёжник

и посудомойка им бы не помог. Но, наверное, такое поведение чехословацких студентов и такой выбор были обоснованы и вызывались общей накалённой атмосферой вокруг них, верой в своё правительство, провозгласившее курс на демократизацию общества и, конечно же, юношеским максимализмом. А Пашка? Он просто был им приятен потому, что хоть в чем-то, хоть в мелочи, даже сам не осознавая этого, даже не смеялся, а только иронизировал над раз и навсегда кем-то установленным порядком.

В тот день, несмотря на отъезд двадцати человек, чистой посуды в столовой явно не хватало. Не было дополнительных тарелок под тарелкой с супом, кусочки масла не лежали на специальном блюдецке...

Последний эшелон

Очерк

Войска правого крыла 1-го Прибалтийского фронта, куда после расформирования партизанских отрядов направили старшего лейтенанта Корнева, продвигались на северо-запад. Отступающие из-под Ленинграда немецкие части были прижаты к побережью Финского залива. Многие, используя катера и баржи, пытались переправиться на финский берег.

Опять Двинск. И снова ранение. В ту же руку. Госпиталь. Резерв. Так что освободить этот город Фёдору уже не довелось. Потом был Кенигсберг. Медаль и наконец-то первый орден. Орден «Отечественной войны» второй степени.

Ещё месяц, другой, и война закончилась.

А в августе началась новая. Бросок в Маньчжурию.

За неделю до этого командир 37-го полка своим приказом снял с должности комбата-3 «за трусость», а потом целых три часа ходил вдоль линии обороны с начальником штаба этого батальона Корневым. Он расспрашивал о плене, о партизанах, о том, как приходилось выживать на оккупированной территории, о семье, о первых годах службы...

В который раз за последние два года Фёдор Корнев вспомнил про все свои эшелоны. И когда, в первый день войны, не веря в пустые обещания начальника вокзала, усадил жену и годовалого ребёнка в пустой вагон, уже

отходящего на восток неприметного состава из пяти вагонов, и когда раненый, попав в плен, решился выпрыгнуть из эшелона, увозящего его на запад, и потом, пройдя полтысячи километров по захваченной немцами территории, оставшись вживых после допросов в заградотряде, сидя на полу поезда, идущего к своим, в Ленинград...

Война кончалась, и полковнику не хотелось под конец ошибиться и перечеркнуть всё, что прошёл и заслужил за последние четыре года.

В результате этих «бесед» отдельный батальон с приданной артиллерией и танками под командованием старшего лейтенанта Корнева был направлен в тыл Квантунской армии через горный хребет Большого Хингана.

Степь, пески. Только что прошли ливневые дожди. Месиво. Машинам не проехать. Орудия артиллеристы тащили на себе. Танки норовили перевернуться на крутых склонах. Ночью холодно и нужно согреться, но нечем расжечь огонь. Вокруг много брошенных японских автомобилей. Бойцы нашли в них огромные тюки с японскими деньгами. Вероятно, спешно вывозили из банков оставленной Маньчжурии. Этими «бумажками» хорошо было топить костры. Некоторые водители собирали валюту и прятали у себя в кабине. Потом как-то умудрялись её выгодно обменивать.

Дважды разведка батальона находила японских наблюдателей, до головы закопавшихся в песок. На допросах они стояли навтыжку с гордо поднятой головой. На крик только упрямо дергали головой и ещё больше вытягивались перед врагом. Невозможно было добиться от них ни одного слова. Таких Корнев уважал и приказывал не расстреливать, хотя тащить их за собой было и рискованно, и сложно.

С вершины увидели большое плато, всё заполненное японскими военными частями. Настало время выхода на рубеж атаки. Батальон развернул орудия, дал первые залпы. С гор вниз по войскам ударили ещё с двух сторон другие передовые части. В это же время с фронта начали

действовать основные силы. Замысел простой и эффективный. В результате удалось предотвратить готовившиеся взрывы и затопления Мукденского арсенала, Аньшаньского металлургического комбината, электростанции, Фушуньских угольных шахт.

Неподалеку от Мукдена была освобождена из концлагеря большая группа военнопленных американских и английских солдат, офицеров, генералов. К концу августа вся территория Маньчжурии с населением почти в пятьдесят миллионов человек была полностью освобождена. Японская армия была разгромлена, очень много японцев попало в плен.

* * *

Старший лейтенант, какой орден тебе дать: Красного Знамени или Суворова?

– Суворова, товарищ маршал, – ни секунды не раздумывая, отчеканил Фёдор. – Красного Знамени мне уже однажды пробовали дать.

– Знаю, – сказал маршал, немного помолчав и отвернувшись. – Я всё про тебя знаю. А операция-то какая! Как у Суворова в Альпах. Только он был генералиссимус, а ты старший лейтенант. Вся разница! – добавил Малиновский и рассмеялся. – Молодец. Настоящий кадровый офицер. Что дальше думаешь делать?

Для Фёдора эти два слова, сказанные маршалом, «кадровый офицер», были, пожалуй, самой главной оценкой. Чувства подкатили к горлу. Он вспомнил всё – 35-год, армия, первые десантные войска, Финскую войну, Бессарабию, Западную Украину, Прибалтику, первые дни войны с немцами, ранение, плен, побег, все мытарства на родной земле, партизаны... и с трудом выдавил:

– В 41-м был в плену семь дней, товарищ маршал. В Ленинграде сказали, мол, я теперь беспартийный... Действующей армии сейчас нужны герои с биографией. А нашего брата ещё не раз и не один год будут проверять. И всё это время – без доверия. На войне-то быстро

всё проверяется, а в мирное время замучаешься ждать и доказывать. Так что подам рапорт, навоевался.

– Ну, смотри, – сказал Малиновский, повернувшись к присутствующим в кабинете двум офицерам штаба. – Жалко, когда такие уходят. Боевой, самостоятельный. Может, ты и прав, Корнев... Наверное, прав. Придётся и это пережить, – добавил он, думая о чём-то своём. – Ты слушай меня, маршала. Спасибо тебе. За всё спасибо. За выдержку, за уверенность в себя, за правильные решения... – Помолчал немного, потом вдруг заулыбался, как-то очень искренне и тихо произнёс: – А-то ведь никто, кроме меня, и не поблагодарит...

Маршал вдруг стал серьёзным.

– Последнее задание для тебя, старший лейтенант. Командир дивизии, конечно, тебя ещё вызовет для приказа. А пока важно, чтобы ты уяснил: задание очень сложное и не смотри, что не боевое. Доставишь в Москву эшелон, а потом свободен. Чего не спрашиваешь, какой эшелон-то?

– Сами скажете, товарищ маршал.

– Победителей нужно вернуть домой. Целую дивизию. Кончились войны, теперь все герои, понимаешь, грудь в орденах, с оружием, с водкой, стреляют все кому ни лень. Понятно, чего от них можно ждать?

– Так точно. Могу представить.

– Справишься? Мы специально ищем таких, эшелон-то много будет.

– У меня, товарищ маршал, любовь к эшелонам. В этой войне он будет четвёртым.

– Любовь – это хорошо. Тогда я уверен. – Стоявшие рядом офицеры заулыбались.

Этот эшелон – чистый ад! Что-то изменить в его «образе жизни» было невозможно. В замкнутом пространстве вагона звания ещё что-то значили. Но на остановках! Все вываливались из вагонов, расползались по вокзалу, просачивались в город... Три стоянки поезда на всём пути следования. Но какие! Что творилось на станциях –

не пересказать! И что мог тогда сделать специальный взвод автоматчиков? Эти, пожалуй, единственно трезвые ребята на ходу выпрыгивали из поезда и хорошо, если успевали перекрыть все возможные и невозможные выходы в город. А нужно было ещё тихо снять больных и пораненных в драках... Прямо, как с эками. Только эти свои и вооружены.

Любые резкие изменения в жизненном укладе вначале всегда сопровождаются неопределённостью и неуправляемостью. Именно в это время толпа самопроизвольно выталкивает на поверхность своих лидеров. Нужно было очень быстро и в каждом вагоне найти такого. Того, за кем позднее в хаосе всеобщего столпотворения пойдут все. И командиры – тоже. Нужно было так срабататься с этими «вожаками», чтобы они поняли, осознали и продолжали долго и организованно пить всем вагоном. Это лучше, чем на остановке в посёлке или городе вылавливать солдат, пьяных от внезапно свалившейся на них свободы, власти и неуёмной радости от того и другого.

На станциях стояли сотни людей с цветами. Они радовались победителям... Как встречная взрывная волна гасит пожар, так и эти искренние большие чувства встречавших останавливали и чуть-чуть отрезвляли бойцов.

Через две недели в Москве рано утром Корнев сдал этот литерный из сорока вагонов. Комендант вокзала с сопровождающими обошёл состав, заглянул в каждый вагон, посмотрел бумаги, деловито подписал документы и произнёс:

– Убыль два процента. Норма.

Эшелон со спящими вповалку бойцами, усталыми после безудержного буйства на протяжении двух недель, тихо стоял на станции на запасных путях. Интересно, когда о нём вспомнят?

А его поезд Фёдора уезжал домой, в Ленинград, к родным. Мерно стучали колёса. Для Корнева закончились все войны на свете. Его клонило ко сну.

* * *

*(Из представления к награде.
Краткое изложение личного
боевого подвига или заслуг).*

В период боевых наступательных операций дивизии против Японо-Манжурских войск с 9 по 20 августа 1945 года в районе, что южнее города Хайлар (Манжурия), в районе Большого Хинганского Хребта, тов. Корнев Ф.Н. проявил доблесть и мужество в борьбе против Японо-Манжурских войск. За время боевых действий батальона в составе передового отряда, тов. Корнев ФН умело организовал разведку дорог и переправ, форсировал Большой Хинганский Хребет, сохранил материальную часть и личный состав.

11 августа 1945 года в районе населённого пункта Улан Караган, Хабаровского уезда, Манжурия, тов. Корнев ФН руководил батальоном при окружении и разоружении войск противника в количестве 2200 челове, в том числе 2-х генералов, чем способствовал быстрейшему окончанию войны.

Вывод: За проявленные мужество и отвагу в борьбе с Японо-Манжурскими войсками достоин правительственной награды – ордена «Красное Знамя».

Командир передового подвижного отряда 221 Стрелковой Мариупольской Краснознамённой ордена Суворова дивизии

Подполковник Терентьев

5 сентября 1945 г.

СЕКРЕТНО
Экз. № 2

ПРИКАЗ

Войскам Забайкальского фронта

5 октября 1945 г. № 043/н действующая армия

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР,
за образцовое выполнение боевых заданий командова-

ния на фронте борьбы с японскими империалистами и проявленные при этом доблесть и мужество – НАГРАЖДАЮ:

ОРДЕНОМ СУВОРОВА III степени
Старшего лейтенанта
КОРНЕВА Фёдора Николаевича – Командира мотострелкового батальона передового подвижного отряда
221 стрелковой дивизии

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ ЗАБФРОНТА
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
МАЛИНОВСКИЙ

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА ЗАБФРОНТА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
ТЕВЧЕНКОВ

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ЗАБФРОНТА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
ТРОПЕНКО

Победа

Воспоминание

Сибирь. Томск. Сорок пятый год. 9 мая. Раннее утро. На окраине города старая изба. Парень лет четырнадцать, взлохмоченный, в трусах и в ватнике на голое тело, что есть силы, стучит в окно. Первым проснулся дед, отворил форточку, смотрит на парнишку, а тот пытается что-то сказать, но не может слова вымолвить, только кивает и руками размахивает. Дед уж подумал – беда. Мать у мальчишки соседского сильно болела...

– Смирно!!! – скомандовал старик, прошедший пять войн.

– Победа! Победа! Победа!!! – наконец-то вырвалось у ошалевшего мальчишки.

А на улице уже все суетились. Было видно, как за забором войсковой части солдаты снимают чехлы и разворачивают орудия, а молодой полковник с двумя красными полосками на груди, восседая на вороном коне, всё время размахивает фуражкой и что-то кричит. Не кому-то конкретно: не своим солдатам, не собравшимся на площади людям – просто, задрав вверх совсем седую голову, глядит на небо и кричит. Вроде даже поёт... А когда конь развернулся, то всем стало видно, что одна нога полковника в сапоге, а другая – в размотавшейся портянке...

Грянул залп. На площади все залегли. Остались стоять только инвалиды и мальчишки...

Немчики

Быль

В Иркутской области есть село Тальцы, там несколько десятков памятников деревянного зодчества XVII–XX веков. Это, как Кижи на Онежском озере. Иногда туда добираются иностранные туристы. Баба Клава, старушка лет девяноста, живёт одна, муж давно помер, сыновья кто где, разъехались по всей стране, иногда навещают. А у неё огород, корова. В закоулке близ Казанской церкви, бывает, продаёт бабуля молоко. Постоит минут пять-десять – вмиг всё раскупят.

Сегодня, видит баба Клава, к церкви подошёл автобус, люди вышли, глазют, чего-то лопочут по-своему...

– Ой! Немчики! Боже ж мой! Мы ж с вами воевали...

Это она себе сказала – не им. И в голосе её были и боль памяти, и жалость к побеждённым, и какое-то необъяснимое чувство, замешанное на прощении, на радости от того, что с войны той живым вернулся муж, что потом воспитала двух сыновей, что пока, слава Богу, ещё здорова и трудится целыми днями... А эти... Приехали, напомнили... Прямо, как родные что ли...

Реликтовое излучение

Рассказ

После эры рекомбинации материя стала прозрачной для излучения, которое, свободно распространяясь в пространстве, дошло до нас в виде реликтового излучения.

Шкловский И.С. Звезды: их рождение, жизнь и смерть. М.: Наука, 1975

«Системное мероприятие» шло полным ходом. Все собрались в гараже, рядом с домом, где жил Дмитрий Васильевич, заведующий отделом горкома партии. Сегодня хозяин дефицитной недвижимости демонстрировал единомышленникам новое видение развивающихся во Вселенной социальных процессов. В прошлый раз говорили про политэкономиию социализма. Как с ней быть и где найти самый тонкий учебник про неё, родимую? Основным «докладчиком» тогда был «экономист» – заведующий экономическим отделом.

Такое препровождение времени предоставляло собравшимся редкую возможность включать мозги и думать о чём-то ещё, кроме как о рутинных мероприятиях. Последние годы в их работе почти ничего не менялось, и это заметно угнетало. Менялись портреты генсеков и периодичность выхода постановлений ЦК на одну и ту

же тему. Ещё, пожалуй, с новой силой «кричали» грозные резолюции, для пущей важности украшенные красными штампами. Каждый будто бы понимал, что если тебе судьбой уготовано с места на место таскать камни, то ты хоть считай их или складывай как-нибудь толково... Это позволило бы фантазировать и порою вспоминать о таких целительных и давно забытых средствах психотерапии, как сарказм и ирония. В общем, «системное мероприятие» было приличной отдушиной для тех, кто, сидя в кабинетах с двойными дубовыми дверьми, каждый день по многу часов занимался одним и тем же делом, хотя и в новой красивой упаковке «с человеческим лицом». За этим «лицом» всё отчётливее просматривались незнакомые силуэты усердно насаждаемых сверху гласности, ускорения, перестройки и новой культуры питания. Начинало цениться свежее мнение. Оно ещё не звучало, но уже ценилось.

В то же самое время, совсем в другом измерении, там, где жила вся остальная страна, робкой поступью приближалась отечественная социология. Вместе с начальными проявлениями гласности, словно после первого дождя сквозь плотно укатанный асфальт общественного мнения стыдливо пробивались первые неформальные объединения. Многолетнее фактическое отсутствие выборов, как в партии, так и в государстве, необратимо подвигало общество к выборам всех и вся...

Дом, в котором жил «Василич», располагался в микрорайоне на краю города, в небольшом дворе. Вокруг маленького сквера с давно не стриженными тополями стояли ещё пять зданий, по-разному выкрашенные и разной этажности. С земли можно было любоваться их крышами с пестревшими заплатами из мятых листов ржавого железа. Над самым высоким домом торчали большие металлические буквы лозунга «Слава передовой советской науке». Текст был очень длинным, и чтобы уместиться, буквы прикрепили впритык. Утром они сливались с крышей, и лозунг не читался. Но зато, когда

темнело, суть призыва легко угадывалась, хотя в последнее время она становилась попросту неприличной: многие лампочки перегорели, и от третьего слова осталась только первая буква, от последнего – три в конце... В углу двора укромно приютились три гаражика. Они никому не мешали и даже приятно дополняли неказистый архитектурный ансамбль. Из одного доносилась негромкая речь.

– Давайте наконец-то выпьем за «красный сдвиг» и «реликтовое излучение», – провозгласил хозяин гаража, приглаживая рукой всегда аккуратную причёску. Внешне он походил на бывшего французского президента Жискара Д'Эстена – этакий седой аристократ и интеллигент одновременно.

– Сразу за обоих? – искренне удивился «зампред», поправляя торчащие из-под рукавов пиджака манжеты розовой сорочки. Её нежные пастельные тона подчёркивали простые стеклянные запонки, в них отражался свет из-под красного абажура. Рубиновые блики то и дело слепили глаза собравшихся, отвлекая их от темы беседы...

– Иначе нельзя. Наука такого не терпит! – Дмитрий Васильевич Иванов начинал «системное мероприятие» для отдельных представителей верхнего эшелона аппарата горкома и горисполкома.

– Излагай. Хозяину не откажешь. Только не тяни, – опять за всех высказался «зампред».

«Философ», – так меж собой коллеги называли Дмитрия Васильевича, уселся на табуретке поудобнее, взял в руку кусок чёрного хлеба с докторской колбасой, аккуратно помазал его хреном и начал тост-доклад.

– Сначала, уважаемые коллеги, перед тем, как вкушать плоды моих изысканий, предлагаю выпить просто так!

– Во как! – опять отреагировал «зампред». Тот факт, что в своей «епархии» он отвечал за гаражи и другой подобный дефицит, позволял ему чувствовать себя в качестве косвенного хозяина мероприятия.

Все выпили.

– Иваныч, следующий посыл будет посложнее, – «философ» персонально обращался к Владимиру Ивановичу Соколову, заместителю председателя горисполкома. – Он потребует терпения и безусловной веры на слово профессору-технарю с дополнительным историческим образованием. Согласен?

– Согласен, давай!

– Количество звёзд в каждый конкретный момент времени, конечно...

– Обманываешь уважаемую общественность, – спокойно и безапелляционно заключил «зампред». Не поднимая головы, он с усердием раскладывал компоненты бутербродов на листе фанеры, уложенном на двух пустых ящиках.

– Точно говорю! Вещество – всего лишь конкретная форма существования материи. Следовательно, она конечна. Есть ещё одна известная нам форма – поле. Так вот бесконечен только переход вещества в поле и наоборот. – «Философ» сделал паузу, посмотрел на всех трезвыми глазами, задержал свой пронзительный взгляд на почти пустом импровизированном столе, чему-то удивился и продолжил. – «Красный сдвиг» доказывает тот факт, что сейчас Вселенная расширяется. То есть, когда-то очень давно, ну чтобы вам было понятно, ещё до революции, она сжималась. Давление на всё и вся было сумасшедшее. Накопилась такая огромная плотность вещества, что оно стало неизбежно сталкиваться с таким же, но только очень редко встречающимся антивеществом. – «Философ» опять замолчал. Хотя можно было и не останавливаться: собравшиеся были более или менее образованные и с обострённым аппаратным чутьём. Они и так уже подметили в словах оратора нехорошую параллель с работой Ленина «Государство и революция».

– Это только лишний раз подтверждает, – вставил «оборонщик», – что ленинизм – учение единственно верное... Вообще, я имею в виду!

– Вот именно! Что имею, то и... – помощник первого секретаря горкома, боясь прервать основного оратора, оборвал на полуслове фразу из народного эпоса.

– Дальше – хуже, – «философ», не реагируя на «реплики из зала», продолжал лекцию. – Всё это плотненько уложенное хозяйство стало постепенно превращаться в электромагнитные волны, то есть в поле. А его ведь не видно... Давление на массы – электронов, конечно, – снизилось, плотность вещества сразу уменьшилась... Эти массы расслабились, раскрепостились и стали испускать свет наружу...

– И звук, – добавил «экономист». – Мы слышим его сегодня отовсюду, не только из ящика с экраном, а практически из любого умственного агрегата. Полагаю, – он продолжил с важным видом, – это совершенно новое явление науки, в частности, и повседневной практики развитого социализма, в особенности!

– Это гласность! – будто играя в угадайку, выкрикнул «помощник».

– Это «реликтовое излучение», а никакая не гласность. И его смещение в область именно красного цвета говорит о том, что звёзды разлетаются. – «Философ» явно обиделся на непонятливых слушателей.

– И до сих пор куски вселенной разносятся в разные стороны... – загадочно, с каким-то особенным пониманием сути процесса и с тоскою в голосе вставил уже прилично подвыпивший «оборонщик».

Надо отметить, что заведующий оборонным отделом весьма своеобразно понимал генеральную линию партии на ускорение техпрогресса и предназначение своего глубоко отраслевого департамента партийного комитета. Его часто видели «в поле», но вовсе не в парткоме и не у директора крупного предприятия, а где-нибудь в закоулках математического или биологического института, на обычной кафедре или в столовке технического вуза. Там он встречался с конкретным учёным, у которого в голове ещё только зарождалось что-то новенькое. Незамет-

ный и незапоминающийся, как и подобает всякому, кто работает на безопасность страны, «оборонщик» высасывал из учёного его основную идею, усваивал, – а он это умел вне зависимости от названия науки, – и тут же «с ускорением» бежал напрямик на совещание к соответствующему главному конструктору...

– Пройдёт время, – продолжал «философ», – чтобы вам опять было понятно, нас уже освободят от должности, и вселенная начнёт сжиматься... Это научный факт. Его можно фиксировать опять-таки по сдвигу. Только теперь уже в сторону синего цвета.

Все, не сговариваясь, привстали со своих импровизированных стульев и, с пиететом созерцая «философа», чокнулись чуть наполненными гранёными стаканами за семь копеек. Даже не закусили – ждали продолжения культпросвета.

Дмитрий Васильевич, будучи профессиональным лектором, знал, что нужно время, дабы у слушателей закрепился «усвоенный» материал. Он многозначительно замолчал, обводя общественность уже затуманенным взглядом.

– А вот, если закончится нефть или, к примеру, цена сильно упадет, её цена... То – кранты! Кушать будет нечего, – говоривший довольно громко рыгнул и, разводя руками, повернул к «философу» свою лысую голову.

– Молодец! – похвалил хозяин гаража легко пьянеющего, но, тем не менее, весьма эрудированного и всегда ясно мыслящего «помощника» – Именно так! Но до этого ещё далеко и это тема совсем другой лекции.

Гипотеза Дмитрия Васильевича сводилась к тому, что законы существования космоса, как он выражался, «пронзают» всё насквозь и не могут не отразиться на жизни «социума». Ведь Луна же влияет на людей своими отливами и приливами и ещё, Бог знает, какими заморочками в полнолуние... Умело используя метод дедукции, «философ» подводил слушателей к своему главному обобщению.

– Вот и у людей... То тоталитаризм, то сплошная демократия, то мощнейшая вертикаль власти, то беги куда хочешь, тащи, что хочешь! – уверенно и уж слишком популярно закончил хозяин гаража.

– То есть, если сейчас «вертикаль», то скоро будет «бардак»? Ты это хочешь сказать? – спросил «зампред». – Так его и сейчас предостаточно...

– То будет, как ты говоришь, «бардак» – не чета нашему, – ответил «философ». – Представляешь, что произойдёт, если начнут действительно избирать местную власть? Уже сейчас приходят письма от всяких доцентов-обществоведов: «Давайте избирать руководителей, давайте избирать всех!». Мы им, конечно, отвечаем, что, согласно марксистско-ленинской науки, это возможно только при коммунизме. А они опять за своё...

Кто-то приглушённым голосом пророка заключил:

– К власти придут учёные, скрипачи и писатели...

– А у меня на этот счёт своё собственное мнение, – «помощник» мгновенно переключался на новую тему. – Я думаю, они просто всё раздадут населению. Всё что есть! А потом хоть трава не расти! Главное нахапать и успеть убежать куда подальше... Не успеешь! Тогда, как говорили в фильме «Щит и меч»: «можно запросто схватить инфекцию».

– Не понял, – вставил «экономист», – так, нахапать или всем раздать?

– Нахапать, нахапать!

– Хм. Так понятнее. При бардаке обычно всплывают уголовники. Они эту среду кишками чувствуют...

– А ещё финансисты, экономисты и юристы, – вставил «помощник».

– Так что первыми проявятся или бывшие, или будущие уголовники, а вовсе не композиторы, – не обращая внимания на обидную реплику «помощника», продолжал «экономист». – А что? Я так думаю... Это ведь реальная составная часть новой культурной общности под названием «советский народ»... Почему не избрать таких? Купят всем по продуктовому набору...

– А аппарат всё равно сохранится! При любой «вертикали», хоть при тоталитарной, хоть при демократической, хоть при бандитах... Никто кроме нас! – «помощник» с пафосом выкрикнул девиз десантников. – Уж извини, Владимир Иванович, но ты же знаешь, все всегда звонят в райком, а не в твой дворец! – Его явно потянуло на аллегории, и он продолжил, выдав видимо заранее продуманную тираду: – Разлагающийся от интриг верхушки партии, аппарат постепенно превратится в «мужиков» на зоне, в своего рода, кучу пауков, обволакивающих своими секретами всю руководящую «вертикаль». А?

– Где же «Первый» будет зачитывать твой опус? – с насмешкой в голосе спросил «экономист».

– Да, нигде! – вместо «помощника» ответил «зампред». – Просто наш писатель так компенсирует пагубное влияние своего вредного цеха на психику... А страна в это время будет разлетаться на куски, как твоя Вселенная, – добавил «зампред», тыча пальцем в «философа», – их подберут те, кто побогаче, и ку-ку.

– Если успеют! – опять загадочно произнёс «оборонщик». – Ракетки всякие ведь тоже достанутся, кому не попади. Только ленивый не нагнется подобрать...

В железные ворота постучались. «Философ» встал и направился к выходу. В гараж вошёл парень лет тридцати пяти, в руках тяжёлые сумки, а глаза с любопытством осматривали непривычные хоромы.

Внутри гаража было уютно. На стенах, обшитых вагонкой, будто серпантин, висели разноцветные провода. В углу на полу стоял электрический масляный камин со светящимися искусственными угольками. От него в середину помещения мощный вентилятор гнал тёплый поток воздуха. С потолка над фанерой с закуской свисал старый красный абажур. Он освещал бутылки, стаканы и бутерброды, сохраняя вокруг простого натюрморта лёгкий полумрак. В нём то и дело поблескивали запонки «зампреда». Пахло водкой и докторской колбасой. Никто не курил.

– Вуаля! Прошу любить и жаловать, – Василич вытянул вперёд руку и указательным пальцем упёрся в грудь вошедшего. – Кондратьев Андрей Михайлович. Почти мой второй зам, успел чуть-чуть побывать в Афгане и... даже вернулся, недавно вывозил группу туристов к натовцам... Снова не бросил Родину... Опять вернулся! То есть, я хочу сказать – проверенный кадр.

Андрей протиснулся вглубь гаража, подошёл к фанерному листу и выложил на него всё, что было в сумках: бутылки с водкой, полиэтиленовые пакеты с квашеной капустой, чёрный хлеб, кусок сала и бутылку вражеского зелья – виски, привезённые из недавней заморской поездки.

– Здравствуйте товарищи! – Кондратьев вспомнил смешное приветствие, услышанное им когда-то в райкоме на таком же мероприятии, и продолжил его, показывая ладонью, чтобы при его появлении никто не вздумал вставать. – Сидите, сидите! – Меня зовут Андрей.

– Бог ты мой, Андрюха! – вскрикнул «зампред».

– Владимир Иванович! – вот это да-а-а! Пять лет! – пропел Кондратьев, покачивая головой и с трудом продвигаясь к своему бывшему райкомовскому начальнику. Они крепко обнялись. Все одобрительно заголосили.

– Возвращение блудного сына...

– Вот они, достижения пятилетки!

– Василич, ты молодец. Правильный выбор. Ты ещё не знаешь, что Серега может за один день закрыть десяток постановлений ЦК сразу?

– Ну, ладно, однополчане, наговоритесь ещё, – «экономист» прервал поток эмоций. – А ты Андрей встрейвай в тему. Свежая мысль нас облагодает... облагодает... Ой, облагородит. Вот! – Через секунду-другую он с явной тоской в голосе добавил: – Но как хочется блага!..

– Иванович, а я и не подозревал, что ты вместе... – не успел закончить хозяин гаража. «Зампред» гордо поднял голову, повернул её чуть влево, как это проделывал бывший первый секретарь горкома, когда, стоя

на трибуне очередного пленума, отрывался от текста доклада:

– Не нужно подозревать. Нужно чаще просматривать дела подчинённых и быть уверенным, что люди обязательно встретятся, если они идут вперёд по большаку, а не вилиют потаёнными тропами.

– Вот видишь, Василич, твой гараж сегодня самый большой большак! – сострил «оборонщик».

Все поднялись и выпили за новенького, а после и за самый большой большак. Подуспокоились и постепенно стали возвращаться к теме дня.

– Всё дело в том, – первым начал «экономист», – что «избранникам народа», да ещё и нахалюву избранным на волне перемен, власть не нужна. Так, побаловаться и только. Наверху всегда нужен тот, для кого власть абсолютная ценность. Тогда это власть! И он её ни на что не сменяет. Ни на «жигули», ни на дачу...

Кто-то с трудом произнёс:

– О чём-то ты говоришь? Какие там «жигули»!

– Точно! Зачем «жигули»? – продолжал «экономист». – Вчера в обед вхожу в наш буфет – чуть не помер! Показываю Клавке на парня молодого, мол, это ещё кто? А она мне шопотом, говорит: «Отдел науки»... Ну, думаю, ускорение! Ведь и бюро не заседало. Ещё вчера вечером ты, Василич, а утром уже этот. Есть не стал, пошёл разузнать. Точно! Твой, Василич! Видать, из свежей струи, из мэнээсов. Так вот, минуя школу райкома, прямохонько в горком, в серпентарий аппарата.

– Что ты хочешь? Новое мышление! – добавил всёзнающий «помощник». Из завлабов прямо в министры! Из мэнээсов – в горком! Такие за полушку хлеба и сдают врагу Родину!

– Мне уже рассказывали, – заулыбался Дмитрий Васильевич, – это мои новенького решили подучить. А то, орготдел теперь берёт слишком молодых да шибко умных, со степенью и лауреатов всяких премий... Он завсектором науки. Ему и сказали, мол, чего ты с нами си-

дишь, ты же заведующий, ваш буфет отдельный, всё без очереди, официантка обслуживает...

– И купился? – не выдержал «помощник», – вот дебил!

– Ну, что ты! Не сразу. Сомневался. Его прямой начальник, мой заместитель, ведь со всем отделом сидит за одним столом...

– Но приставочка «зам» сыграла с ним свою роковую шутку, – закончил писатель всех выступлений «Первого». – Конечно! Он же «заведующий», без всяких там приставочек! А это звучит гордо! И не важно, заведующий чего!

– Ну, ладно, за этот курс молодого бойца тоже следует выпить, – «философ» как бы подводя промежуточный итог, вдруг произнёс: – Нужно и то и другое! Иначе не успеешь оглянуться, как пять лет пролетят в одно мгновение, и света божьего не увидишь! «На кой такая жизнь?» – спрашивается в задачке.

Все переглянулись. Было заметно, что никто ничего не понял. А потому никто и не выпил. «Помощник», гордо подняв голову, отчётливо вымолвил: «Пьём только по существу вопроса!»

– Вот он у меня и зародился, простой и естественный вопрос. Я спрашиваю: «когда и что?» – многозначительно произнёс «оборонщик». – Нет, я спрашиваю: «Когда и что именно?» И как их вовремя увидеть, твои «красное» или «синее» смещения? Может, ещё и «белое» есть? Тогда понятно, к чему ты клонишь... Всё это белогвардейские штучки...

– Вот ты убиваешь меня этим вопросом! – от безысходности «философ» махнул рукой. Спасая профессора, «зампред» уточнил:

– И вот я ещё так скажу: «избранники», дилетанты от власти, убегают легко, а вот профи задерживаются надолго...

– А как там, в космосе? Что дольше: сжатие или расширение? – «помощник» спросил Васильича, будто что-то важное, тревожное для себя лично.

– Если быть «последовательным марксистом», и ещё с учётом аналогий, то согласно ранее выдвинутой гипотезы и наблюдениям «зампреда», конечно, сжатие.

– Это с учётом феодальной эпохи, или без неё? – связывал «зампред», расстроенный от того, что никто не оценил только что придуманное им понятие «дилетанты от власти». Теперь он явно намекал на новую историческую специализацию профессора-технаря. История ведь не физика! Тоже наука, но уж больно от всех зависит.

Ответа не последовало. В это время Дмитрий Васильевич тихо подкрался к молчавшему «экономисту», чтобы посмотреть, как тот играет в модную игру, и прямо в ухо громко прошептал: «Ты чего? Всё фигурки расставляешь! Не надоело на работе?»

– А я не могу остановиться так сразу, как ты. Функция заряжена и я весь в ней. Вчера приехал один оттуда, – «экономист» показал пальцем на потолок, – говорит: «Много неэффективных институтов у вас, надо сокращать! Например, институт археологии». – Это твой, Василеч, – пояснил заведующий экономическим отделом, – академический... – Подождав немного, «экономист» завершил мудрые слова московского «гостя»: «Эти копают в Исковской области. Вот пусть туда и едут...»

Никто из собравшихся в гараже даже не поморщился. Выучка!

– Теперь упражняюсь встраиваться в меняющуюся конфигурацию власти. Не-ет! Лучше не выходить, а то «руку собьёшь», – закончил «экономист».

– Ой! Знаете этот анекдот? – Радостно вскочил «зампред», – Серёга, ты-то должен его помнить. Мужик приходит в рюмочную. «Мне сто пятьдесят водочки и селедочку с лучком»...

– А что, Василеч, давай в следующий раз с селедочкой! А? – протирая галстуком очки, вставил «помощник». – Я груздей принесу солёненьких и картошечки разваристой со сливочным маслом и укропом...

Все сообразили, что товарищ явно работал раньше в райкоме и знал толк в системных мероприятиях.

– Лука репчатого не забудь нарезать и посыпать грибки, – задумчиво произнёс «оборонщик». – А то мои теперь всё чаще пьют спирт с чаем прямо из стаканов в подстаканниках и закусывают кусочками сахара...

«Зампред» продолжал:

– ...Продавец подхватил бутылку, сходу плеснул в стакан, взял деньги и ждёт. «Т-а-ак! – говорит мужик, – контрольная закупка». Померили – 130. Штраф пять рублей!

Проходит день. Опять появляется тот же мужик: «Мне водочки 150..», – «зампред» с пониманием посмотрел на сидящих вокруг, – ладно, без селедки. Продавец снова взял бутылку, изящно взмахнул ею и налил. – Стоп! Проверка. – Вышло опять 130. Ещё штраф! На третий день контролер приходит и говорит: «Слушай сюда. Я контролёр, мне 150 водки». – А продавец одним движением – бульк! Снова 130.- «Ты чего, дурак, что ли? Я же сказал: я контролер, тебя же штрафами забью...». – А продавец ему так спокойненько: «А мне дороже руку сбить».

Никто не смеялся. Все почему-то умолкли и уже пропустили два предложения выпить. То ли рассуждали про бедного «экономиста», который никак не отойдет от повседневной дури, то ли о грядущем большом бардаке...

– Тогда пруд за окном почему-то покрывался зелёноватой рябью и напоминал болотце, – тихо и задумчиво произнёс «экономист», видимо вспомнив цитату из какого-нибудь романа. Он закончил игру в «тетрис» и вышел из гаража покурить.

За ним увязались Андрей и Соколов. Сначала два бывших сослуживца обмыли косточки всех своих коллег по райкому. Особо прониклись успехами бывшего заместителя Соколова. Ещё бы, он одних взносов партийных сдал на пару «жигулей». И с чего? С самодельных конфет! Вот он, техпрогресс в действии!

Соколов часто встречался со своим бывшим замом и поэтому знал все премудрости технологического процесса его обогащения. Тот варил в кастрюле сахар и делал из него пушистые комочки на палочке, потом покупал разноцветное драже, крошил его молотком в мелкую крошку и посыпал им это чудо... Детям такую красоту возьмут за любые деньги!

«Зампред» повернулся к «экономисту» и пока никого не было рядом, неожиданно серьёзно спросил.

– Слушай, а как же вы думаете с планом-то быть? Ведь не будет плана... Весь город не выполнит практически ни одно задание...

Соколов произнёс эти слова с болью в сердце, как Сталин Жукову в самые тяжёлые для Москвы дни. Потом в памяти у Кондратьева ещё долго крутились, как ни странно, совершенно трезвые слова «экономиста».

– Иваныч! У нас в стране «режим»! А где режим, ты же знаешь, там все правила, гласные или негласные, устанавливаются сверху. Неужели ты думаешь, те, что наверху, не знают об этом плане и о том, что его в этом году не будет нигде. Тебе же не нужно рассказывать, для чего сидят там эти министры и члены правительства, твой председатель исполкома и такие же, как он по всей стране. Разумеется, для счастья народного! Так, что же ты хочешь от их низших структур? Они тоже работают только для этого. Чиновничья сеть внизу, такая же, как и на самом верху, при всем своём кажущемся различии...

Кондратьев уже в который раз за последние несколько лет вспомнил про Инструкцию «о делопроизводстве». Она точно одинаковая для всех! Потому и аппаратная паутина любой власти всюду одна и та же ещё с четвёртого года советской власти. Через несколько лет работы Андрей стал ясно отдавать себе отчёт: всё, что его окружает в аппаратном сообществе, – враждебная среда. Никто не ринется, сломя голову, вместе с тобой исполнять поручение руководства, даже если его фамилия стоит в перечне ответственных исполнителей. Слишком

быстро любой живой организм постигает простую до боли истину: из всего длинного списка отвечает только тот, чья фамилия стоит первой, остальные – так, для пущей гласности и минимизации ответственности руководства. От каждого нужно ждать только плохого. От заявителя – повторного письма, от соседей – двукратной жалобы по любому поводу, от коллеги – конкуренции, от начальника – кучи дел, от секретаря парткома первички – ошибок, от директоров предприятий – письма из районного КГБ о том, что инструктор райкома Кондратьев, мол, встречаясь и беседуя с должностными лицами предприятия, затрудняет проведение контрразведывательных мероприятий на закрытом объекте.

Поэтому первое, что само усердно закреплялось в психике Кондратьева – обостренное чувство опасности и способность её фиксировать по малейшим нюансам поведения окружающих, по мимике, запахам, звуку, по всему тому, что может двигаться и изменяться. Он хорошо помнил, как его бывший начальник Соколов, беседуя на досуге с непонятливыми новенькими инструкторами и подражая Чапаеву, спрашивал: «Ну, кто ты есть такой? Ведь не руководитель коммунистов, а всего лишь их инструктор. У тебя нет никакой власти! Ты ничего не можешь приказать или решить. Только советовать и контролировать. Советовать и контролировать. Но что занимательно? – После этого риторического вопроса заведующий делал паузу и весь преображался. Лицо становилось светлым, в глазах появлялся шаловливый блеск, такой же, как от его вечных запонок на манжетах сорочки, не белой, как положено, а обязательно пастельных тонов. Он поворачивал голову чуть влево и приподнимал подбородок. Все сразу напрягались и вытягивались в струнку. А как же!? Ведь тогда именно так смотрел на членов горкома первый секретарь. – В чём таинственность и радость нашего существования? – замороженно продолжал начальник. – А в том, дорогие мои, что эта самая власть мгновенно возникает из ничего, как только

твоя бумажка будет подписана тем, кто её имеет или хотя бы украшена его автографом в уголочке слева наверху».

Теперь-то Кондратьев прекрасно понимал, что именно здесь, в документообороте, зарождается власть аппарата, власть функционера! Именно здесь в текст документа незаметно закладываются неопределённости, а потом на них нанизываются интриги и, в конце концов, порождаются и накапливаются проблемы. Именно в этом омуте захлёбываются идеальные взаимоотношения, тонут благие намерения, размывается изначально заманивая идеология, гибнет любое дело. В этом – момент истины!

Правда, к пониманию истины каждый приходил в своё время, кто быстрее, кто медленнее, кто-то с нулевой скоростью... Заторможенность лихо компенсировалась. Такой вылетал наружу, будто пробка от шампанского. Только ответственные товарищи из орготдела её всегда придерживали рукой, чтобы слишком громкий звук лишний раз не идентифицировал их ошибку при подборе кадров. Тем не менее, неприятный и приглушенный хлопок надолго оставался в памяти всех, кто был рядом...

Андрей вдруг вспомнил, где он, встрепенулся и отбросил всю эту кутерьму с партийными изысками. В логическое продолжение его воспоминаний громко прозвучали слова «экономиста».

– ...Поэтому всё продолжается и держится прочно, – «экономист» заканчивал излагать «зампреду» своё понимание современной действительности. – Те, кто пошёл в чиновники и старается что-то порядочное сделать, конечно, вызывают уважение. Но это «народничество», Иваныч. Оно не делает погоды. Такие были и раньше, как ты знаешь, и считались, чуть ли не дурилками «идейными». В общем, пока не поменяется режим, его составляющие, понятное дело, тоже не изменятся. Идут другие процессы, Иваныч, более мощные, чем планирование, украшенное плановой дисциплиной. Забудь о работе в своём райкоме. Сейчас уже и Знамен-то вроде как, нет...

«Зампред», узнав про самое святое для него ещё с промышленного отдела райкома, махнул рукой и вернулся в гараж.

«Экономист» заканчивал курить. Подъехала старая «Волга» соседа Васильевича по гаражу. Из неё медленно вылез пожилой мужчина с авоськами в руках. Он устроил их около дерева и стал отвязывать от багажника на крыше машины невесть где собранные разные маленькие досочки и железки.

– Василич тут? – вместо приветствия, будто пароль, спросил старик и мотнул головой в сторону гаража «философа».

– Здесь, здесь. Он всё время здесь, – как-то задумчиво ответил «экономист». Потом повернулся к Кондратьеву и, глядя ему прямо в лицо, сказал, – А вот о каких-либо изменениях в самом «режиме», не знаю, старик. Не положено! По радио скажут...

Эти слова относились к нему. Мол, он самый молодой, ему и расхлёбывать кашу.

– Думаю только, что теория нашего дорогого «философа» на практике не будет реализована. – «Экономист» выбросил в урну окурки, ещё раз взглянул на Андрея, ничего не сказал и вернулся в «конференц-зал».

Здесь дискуссия была в самом разгаре и уже клонилась к развязке. Пили, не чокаясь, в разную сторону, кто, за что... Кто-то даже начал смолить прямо в гараже. Но запах докторской колбасы и репчатого лука явно побеждал. «Помощник» уже покинул свою табуретку и взобрался на стоящий у стены верстак. «Оборонщик» находился около стола и что-то вылавливал в своём стакане, пытаясь, по-очереди использовать и вилку, и нож, и отвёртку. Дмитрий Васильевич стоял со стаканом в руке. На его лице была радость от умиления. А умиление – от окружающей теплоты искреннего общения, напомнившего ему родную и более привычную среду учёного сообщества.

– Так, вот я думаю... И даже не постесняюсь этого совсем не нашего слова, уверен, что на самом верху есть

«Тот», – Василич произнёс это слово с таким почитанием, будто говорил не иначе, как про Ленина, – кто всё это видит и, изредка, когда приспичит, меняет вектор общего движения. Вот и сейчас, я чувствую кишками, как он его будто железнодорожную стрелку... переставляет на другой путь.

– Ты, Василич, слова перепутал, – сказал «помощник», сидя высоко на верстаке и болтая ногами. – Это уже писал один, перед тем, как его киркой шлёпнули в тёплой Испании. «Чиновник, живой, из мяса и костей, поворачивает генеральную линию партии, как пожарный – свою кишку...» А вот стрелка? Так она, родимая, нам всем ещё предстоит. И именно там, на «самом верху»...

– Ну, какой, к черту, техпрогресс и ускорение? – без всякой увязки с предыдущими озвученными мыслями произнёс вошедший «экономист». – Техпрогресс делается или в лагерях, как при Сталине, или там, где у тебя всё есть, даже, если ты его не делаешь.

– Проснулся! Мы ведь не про него, – по-прежнему, старался корректировать выступающих «зампред». – Ну, если разве что для примера...

– Я, к примеру, недавно читал свежее цековское постановление про техпрогресс. – Это уже Кондратьев позволил себе высказать собственное суждение на уважаемом кворуме. – Нам придётся делать такое же, исполнительское. Слово в слово, Иваныч, то, что мы писали в райкоме ещё пять лет назад. Через полгодика я сбацаю справку, уважаемый Дмитрий Васильевич подмахнёт, а наверху, в уголочке снизойдут и выведут ненавязчивое словцо: «Согласен». Всё! Как и не было никакого постановления! Вот и весь техпрогресс! А то, что мы это делаем на этот раз с ускорением, которое от всех нас требует партия и её генеральный секретарь... Полагаю, в этом никто не сомневается.

Все повернули головы к Кондратьеву. Тот до сих пор молчал, а тут вдруг осмелел и разговорился. Кто-то вымолвил:

– Ну, ты могёшь, Василич. – Непонятно, что имелось ввиду. – То ли то, что Василич подмахнёт бумагу, то ли вообще, о жизни, об этом гараже или о чём другом?

– Какие кадры! – добавил «экономист».

– А я думал, он здесь, потому что виски привёз из-за бугра, – добавил «оборонщик».

«Философ» опять встал со своей табуретки, прихватил кусочек колбасы и вдруг выдал самое сокровенное. То ли не выдержал и раскрыл свою самую главную вымученную годами тайну, то ли Кондратьев и «зампред» своими одинаковыми райкомовскими повадками так подействовали на него.

– Я вообще считаю, что человек способен жить одновременно в нескольких мирах: видеть один мир, слышать другой, а физически тело живёт в третьем. Но из-за невозможности синхронизации ощущений, возникает стресс...

– Василич! – «помощник», всегда гордясь тем, что почти всё пишет для своего босса, со знанием дела вставил. – Этак вот, живя в разных мирах, вообще нигде никто и ничего делать не будет. – И тут же многозначительно добавил: – Всё-таки какой мощный русский язык! Тройное отрицание! Как тут добьёшься выполнения написанного, если его можно трижды абсолютно литературным языком послать по известному адресу.

– Вот и я не могу синхронизировать три очевидных факта, – начал свои логические построения Соколов, – вижу, что толково сижу здесь с друзьями, слышу интересные речи, сердцем чувствую яркие и искренние переживания, а внутренний голос прямо физически, как обухом, бьёт меня по башке... Водка-то закончилась!... И от этого у меня, конечно, возникает стресс.

– Кто у нас самый маленький? – пробубнил «помощник», подпирая спиной утеплённую стену гаража. Все завертели головами, с надеждой и одновременно с уверенностью устремили свои помутневшие взоры на Андрея.

Тот, не оспаривая очевидный факт, отправился в магазин за «продолжением».

Он быстро и уверенно шёл к ближайшему гастроному, где по новым законам уже два часа, как не должны были продавать алкоголь. Но поскольку кроме алкоголя там почти ничего не было, то сохранялась высокая вероятность выполнить данное ему партийное поручение.

«Почему? Почему не уйдут, – задавал себе один и тот же вопрос Кондратьев. – Ведь понимают всю бесполезность... Да, это не диссиденты, которые с разбегу напрыгивают на власть, а потом сжигают себя на Красной площади в знак протеста. Каждый личность. За спиной биография! Они по-своему что-то пытаются сделать, что-то изменить... И всё же. Образ жизни не хотят менять? Руку не хотят сбить? Как они все притихли после этого анекдота!»

«А сам-то?» – тихо произнёс Андрей.

Ум не прожёшь!

Рассказ

Иногда кажется, что своим неминуемым приходом Новый год подтверждает все прописные истины. В этот раз он убедительно опроверг известную байку Мюнхгаузена, мол, можно взять себя за волосы и вытащить из болота. Не-е-ет! Как никакой психотерапевт не вылечит сам себя, так и никакой кризисный консультант ничего не поймет в собственной экстремальной ситуации. Будет умничать, рыпаться, сопеть, а пользы от всех его знаний – ноль! Когда я учился водить машину, читал всякие книжки, воспоминания мастеров экстремального вождения и крепко запомнил одну фразу: «Если вас по-настоящему заносит, никакие ухищрения не помогут, даже не пробуйте! ESP-драйв – чушь! Только опыт может спасти. Только большой жизненный опыт!» Запомнил даже не саму мысль, а вызвавшее ею жуткое чувство неотвратимости и безысходности... Потом, разъезжая по заснеженным просторам Ленобласти, много раз радовался тому, что в самый поганый момент никто не едет навстречу, нет канавы с краю дороги, а деревья, все такие хорошие, посторонились и позволяют авто плюхнуться брюхом на сугроб, оставаясь невредимым...

* * *

С тех пор, как курс рубля слизнул всех узбеков из нашего муниципального образования, я сам кошу траву на

своих сотках, убираю листья и топлю баню. Сегодня утром после встречи Нового года в баллоне закончился газ. Эка невидаль! Мы теперь всё можем! От пустого баллона отвинтил редуктор. Ключ у меня есть. А как же! Привинтил к новому, полнѐхонкому, потом приподнял оный, держа его прямо за вентиль, и втокнул в железный шкаф. Ещё пошевелил, не качается ли? Повернул вентиль против часовой стрелки и был таков! Кричу в окно, как там, горит ли горелка газовая? Горит. Ну, и ладушки.

К вечеру сильно похолодало, красиво зажглись фонарики на ёлках, брожу по заснеженным дорожкам, люблюсь владением. Масик рядом... Чую, пахнет газом. Не так, чтобы очень, но всё же чую. Где пахнет? Да вот, как раз около шкафа железного. Фу, ты! Это ж надо теперь шкаф отрывать! Мороз 25 градусов. Замок не раскрывается... Я знаю, что нужно делать! Надо нагреть замок или капнуть что-нибудь в дырочку. Спичками не стал греть. Что я дурак что ли? Ведь пахнет. Водочки капнул чуть-чуть, замок и раскрылся. Снова взял за вентиль дорогой моему сердцу баллон, приподнял и вытащил из шкафа наружу. Да вроде уже и не пахнет вовсе... В шкафу есть запах, а снаружи, как бы и нет. А всё-таки, где-то наверняка сопело. Иначе не пахло бы? Но где конкретно? Это я завсегда спичками проверял. Бывало, зажгу, аккуратненько поднесу и гляжу, где огонёк голубенький чуть забегает. Как увижу, ясное дело – затаю гайку потуже или шланг плотнее прикреплю к редуктору...

В этот раз как-то всё не так пошло...

Голубенький огонёк был с меня ростом и откуда он начинался, я не знаю. Так сразу и не понять. А голова на что? Стащил с неё шапку, накрыл редуктор, потом куртку снял, накрыл весь баллон. Так, знаете, стараюсь плотно прикрыть, чтобы со всех сторон преградить доступ воздуху. Ведь горит, только, если есть воздух. Если его нет, огня не будет. Это точно! Ой! Вроде бы погасло пламя. Ан, нет! Снова где-то пролез коварный холодный

воздух, и пламя запылало ещё сильнее. Чёрт! Что ж такое? Рука в огне, а ей не жарко, куртка в огне, а не горит... Почему так? Мысли скачут в голове, всё пытаюсь разгадать феномен... А пламя не унимается. Начинаю соображать – плохо дело! Не погасить... Ощущения такие же, как на пляже во Флорианополисе. Всего-то зашёл в воду чуть выше пояса! Не там зашёл – прямо в узкую полоску обратного течения. Оно сначала оторвало ноги от дна, а после понесло в океан... Сразу в памяти пробежали все чудные мгновения моего общения с техникой. Пожар в бане... Это ровно шесть лет назад было. День в день! Какое ровное число! Почему ровное? И температура такая же: минус двадцать пять. Что я такое сделал? Нет ответа!! Всё! Это рок! Год високосный. Вот что! Баня сгорела вместе с диванами, телевизором, холодильником... и теперь перед глазами электродрель. Делаю дырку в стене для пробки – попадаю как раз в провод... Вижу, сверло такое бесформенное, на нём радужные цвета побежалости, и я на полу... Потом солярный генератор... Я туда бензин залил... Тут же, как пишут в книгах, промелькнули счастливые дни детства, когда ничего не болит. Нет ни занозы в пальце, ни мусоринки в глазу, ни ссадины на коленке, ни мазоли на пятке от новых сандалий... Как бы успокаивая себя, вспомнил заодно, что и передача по телеку в этот раз была никакая, и что курс рубля – тоже, и книжку новую только начал – не жалко, и «Газпром» так и не провёл к нам газ, хотя газопровод именно от нашего берега уходит под воду и ползёт по дну далеко в Германию... Да, и холод... Жуть, с Масиком толком не погулять... А он так любит!

Чувствую, мысли крутятся всё быстрее и всё в разные стороны норовят. Вот уже мелькает в сознании: нужно бы оттащить баллон подальше от дома. Долбанёт, так хоть дом целым останется. А баллон тяжёлый, пробую поднять. Очень тяжёлый! Как будто раньше не пробоval. Ещё взвесь на весах, дурак! Теряю время... Время теряю... Ну, ещё повтори!.. Может, уронить и катить?

Толкать ногой... А огонь всё горит, а я всё держу свою куртку, накрывая этот чёртов редуктор.

Ну, что же? Всё как-то сходится... Как раз достиг среднего показателя продолжительности жизни для мужчин в РФ... Эх, надо было в Андорре остаться. Там живут 83 года!.. И как-то логично всё выстраивается. И я, и весь здешний хоспис – тесть и сестра тёщи – обоим по 89 – всё разом... А Масик?.. Нет, нужно оттащить баллон в сторону! Тащу. Что это? Шланг не пускает! Где нож? Нож-то где? Он всегда в шкафу лежал на всякий случай. Где он, чёрт возьми?! Шланг руками не разорвать. Перегрызть?.. Вдруг, перед глазами открывается чудесное видение. Прямо на фоне нежно-голубого пламени появляется такое же небо, тёплое лазурное море и белый катер, а в нём целое семейство приятеля... Рулевой, наверное, был пьян и вот только что неожиданно свалился за борт, и судёнышко теперь медленно ползёт прямо на скалы. Вот ситуация! Вот кризис! Что делать? Ежу понятно – руль повернуть! Что ж ещё? Но приятель мой не промах? Nate вам! Умудрился чем-то отвинтить крышку двигателя и вытащил свечи зажигания... Во как! Вот уж действительно: ум не пропёшь! Потом прыгнул в воду и телом отталкивал «корабль» от скал... Герой!.. Ну, у меня-то ни отвёртки, ни копейки... Нож и тот затерялся в шкафу метр на метр.

Вдруг ясная донельзя мысль, словно током ударила, как тогда с электродрелью! Надо понять, сколько у меня времени осталось? То есть, когда взорвётся эта штука-вина? Наверное, важно, какой диаметр выходного отверстия и далеко ли от него огонь? Рядом с отверстием или не очень? Ещё вот что! Где наполняли баллон? В Приморске или в Выборге? Это разные вещи! В Выборге сначала откачивают всё из баллона, а уж потом заливают газ. В Приморске могут влить, не откачивая остатки газа и воздуха... То есть, если в баллоне есть воздух, то ку-ку! Газ может гореть... Ну, дурак! Ничего не знаю! Нервно насмехаясь над самим собой, закричал: «Отверстие, отверстие, отверстие... Сам ты отверстие!»

Ёкорный бабай... Вентиль!!!

Через мгновение маленький металлический кружочек сверху баллона сам закрутился по часовой стрелке. Я думаю, что сам... От одного только моего до невозможности трезвого и пронзительного взгляда.

Глава Первая

Рассказ

Помешивая кофе, Писатель смотрел в окно. Узенький пруд с нависшими зарослями крапивы и осоки постепенно превращался в широкий бесформенный водоём, окружённый лопухом и чертополохом. Посреди зелени пышно цвёл яркий синий ирис. Это напоминало Ван Гога, импрессионистов и радовало взор. Писатель прищуривал глаза, хотя солнечный свет его не слепил, и предавался мыслям. По стенке чашки прямо на стол неотвратимо стекала капелька бурой жидкости. Ложечка брнчала что-то своё, и вовсе не в том ритме, который ей задавала рука трапезника. Писатель мечтал.

Мечтал он все время об одном и том же.

После завтрака, так и не приняв душ, он заносил руки – совсем как Ван Клиберн – над печатной машинкой, и после тяжёлой паузы на чистый лист неизменно ложились слова «о чём, о чём, о чём же писать?» Так хотелось испещрить новый текст модными оксюморонами, приятными сердцу Писателя многосоюзием, аллюзиями и реминисценциями...

Женщина, готовившая кофе и делившая с Писателем кров, клала руки ему на плечи, целовала его в затылок и, пытаясь утешить, приговаривала: «Ничего, ничего». Он только поднимал голову, брал её руку, сжимал в ладонях и виновато смотрел. Она повторяла ещё раз своё «ничего» и, одарив Писателя воздушным поцелуем, удалялась.

Он оставался один, сидел в кресле и вполоборота наблюдал, как лёгкий ветерок раскачивает занавески на раскрытом окне.

Слоняясь по комнатам, Писатель иногда натывался на газеты, которые стопкой лежали у входной двери. Туда их складывала Женщина, которая, в свою очередь, находила их ежедневно в почтовом ящике, но сама новостями не интересовалась. Писатель выдёргивал из кипы газету, открывал её, перелистывал, не читая, страницы. Чёрно-белые листы постепенно закрывали весь стол. Потом он сбрасывал их со стола и глубоко вздыхал. Руки были грязными. Писатель когда-то издал повесть, или, скажем так, длинный-длинный рассказ. Он хорошо помнил счастливые мгновения его рождения. Тогда, в порыве творческого прозрения, он судорожно хватал первые, попавшиеся под руку клочки бумаги, конверты, старые газеты и мелким убористым почерком быстро переносил на них обрывки внезапно появляющихся мыслей. Женщина аккуратно вырезала творения Писателя и приклеивала на листы бумаги хозяйственным клеем. Её это забавляло, а Писателю не было до этого никакого дела. Он писал, потому что писалось. Получилось что-то, наполненное событиями. Они переплетались как змеи в норе, создавали интригу, увлекавшую читателя.

Один добротный журнал по частям опубликовал повесть на своих последних страницах. Редакция не была завалена восторженными письмами читателей, но какая-то фирма, специально занимавшаяся для журнала изучением общественного мнения, объявила, что повесть «понравилась». Пожилой и уже лысеющий редактор с воодушевлением пожал Писателю руку:

– На два следующих квартала у нас уже есть кое-что, но потом, потом были б очень рады!

Писатель радовался как ребенок: «Мою прозу читают, любят и хотят ещё!»

Теперь новое произведение. Он уже знал, что это будет страниц триста, и какой будет эпиграф. Даже два!

Наклёвывалось название. Нечто похожее на “Les neiges d’antan” («Прошлогодний снег») из Франсуа Вийона.

Итак, утро начиналось с завтрака, продолжалось сидением за письменным столом и ковырянием в машинке. Ленту иногда заедало на переносах. «О чём писать, о чём писать?» До конца квартала оставалась неделя, и Писатель постепенно приближался к пониманию того жуткого факта, что он уже никогда ничего не напишет, и вовсе он не писатель. Не писатель, а идиот, которому просто повезло: пришло вдохновение, на мгновение проснулся талант, до той поры никем не пестовавшийся и крепко спящий, да случай поставил свою визу. Но на этом всё! В такие минуты Писателю хотелось, чтобы его роман был заказан не плешивым редактором, а каким-нибудь человеком в чёрном плаще и надвинутой на глаза шляпе, как Моцарту – «Реквием». Тогда, разумеется, работа бы пошла. Какие эмоции стояли бы у истоков произведения!

Но иллюзии быстро исчезали, и он говорил себе: «Хватит. Я ничего так не напишу. Нужно выносить, выстрадать! Когда пойдёт, тогда и пойдёт. И нечего расстраиваться. Позвоню редактору, признаюсь, что публиковать нечего, и буду жить по-старому. Ещё лучше сказать, что написал много, но публиковать пока не хочу: читатель ещё не готов!» Женщина, которая наивно думала, что поддерживает этим Писателя, говорила ему: «Ты можешь!», – хотя сама даже не знала, так ли это. Он переспрашивал её: «Ты думаешь?», – и она уверенно кивала головой, издавая что-то вроде положительного мычания. Примерно такими звуками отвечают бабушки, занятые вязанием, внукам, надоевшим своими вопросами.

Урна под столом давно заполнилась грудой бумажных комков, и Женщина поняла, что работа не клеится. Её вообще удивило и даже насторожило, что Писатель притащил из какого-то очень дорогого магазина специальную бумагу с водяными знаками и набор перьевых ручек. Прежде такого не было. Раньше именно она склеи-

вала обрывки текстов, и получалось произведение. Позднее ей пришлось привыкнуть к стуку печатной машинки. Что же, теперь и это в прошлом. Вскоре, правда, ручки исчезли где-то в глубине стола и даже провалились за выдвижные ящики.

К обеду Женщина возвращалась с работы, готовила еду, которую Писатель поглощал в состоянии глубокой депрессии, произносила что-то понятное, житейское и привычное, как гул от железной дороги, проходившей за лесом. Она исчезала незаметно, оставляя Писателя одного, совсем опустошенного, хоть и плотно пообедавшего, осознающего, что это всё, и надо просто себе в этом признаться. Надо вернуться на прежнюю работу, которая когда-то его совершенно устраивала и которой он был рад. Там, в бухгалтерии мэрии, всегда рядом сидели люди, они что-то считали и пересчитывали, каждый своё, иногда поднимали головы и обязательно улыбались как будто не тебе, а так, всему миру... Но зато каждое мгновение рабочего времени было наполнено совершенно понятными действиями. Всё их «творчество» состояло в том, чтобы своевременно, полно и достоверно отразить существующую реальность. Почти как у писателей, только здесь это нужно делать цифрами, плотно уложенными в вертикальные и горизонтальные графы балансового отчета. Писатель чувствовал эту метаморфозу и даже гордился тем, что уже давно занимается отображением действительности. И, тем не менее, любые воспоминания о тех годах угнетали его. Бесконечные ряды цифр вставали перед глазами и давили на психику.

В такие моменты Писателю было особенно тяжело. Он часами расхаживал по дому, сунув ноги в грязно-бежевые тапки с давно смятыми задниками. Проходя мимо книжных полок, он трогал корешки красиво переплетённых томов, вытирал испачкавшийся пылью палец об халат, несколько раз включал телевизор. Сидя на диване со съехавшей со спинки подушкой, он почему-то держал голову боком, косясь на экран. В потоке слов, фраз и

диалогов, исторгавшихся из электронно-виртуального мира, Писатель искал зацепку.

«Про что, про что же писать, чёрт возьми! – Писатель тербил себя за кушак халата. – Какая глупость! С чего я вообще взял, что могу писать? Ну, получилось один раз, но это же не значит... Один раз можно много чего... В первый раз всегда и получается-то в основном у неумёх... Недаром говорят, в казино новичкам везёт».

Часы в гостиной били каждые полчаса, и воздух за окном серел, постепенно давая понять, что день проходит, и проходит впустую. «В году всего триста шестьдесят пять дней, ну, иногда триста шестьдесят шесть. Если жить семьдесят лет, то получается всего каких-то двадцать пять тысяч дней с хвостиком. А сколько я уже просидел вот так!» От этого умозаключения Писателя сразу же бросало в жар. Он заходил в ванную остудить лицо холодной водой и потом долго смотрел в продолжавшее мутнеть зеркало. От этого его переживания постепенно тускнели, и вновь просыпался разум. «Carpe diem, carpe diem! Мудрецы! – сокрушался Писатель. – А как поймать? Да и что там ловить? Вон их сколько, дней-то, и ловить не надо!»

Во входной двери чирикал ключ. Восемь. Какое-то время уйдет на ужин, и думы будут не такими тяжёлыми. После еды Женщина гремит посудой на кухне. Писатель сидит за столом, выскабливая донышко баночки из-под йогурта.

– Как наш роман, – оглушала его Женщина, вытиравшая стол, – подвигается? – Писатель вздыхал, пристраивал ладони на край стола, как пианист, только что закрывший рояль, с неживыми, ждущими свои ноты клавишами и что-то бубнил в ответ. Женщина продолжала сосредоточенно вытирать стол. Писатель в глубине души упрекал её за эту бессердечность: «Зачем с такой энергией всё это делать?» Ему хотелось, чтобы женщина погладила его по голове и прошептала что-нибудь вроде: «Ты, наверное, заболел, может, тебе вернуться на прежнюю работу?»

Иногда, особенно после лёгкого ужина, Писатель отправлялся в город погулять, заглянуть куда-нибудь, посидеть за кружечкой пива, наблюдая за праздно веселящимися завсегдатаями питейных заведений. Его завораживали лёгкость их отношений и, как ему казалось, искренность чувств. Он настолько проникался духом беспечности, царившей в баре, что распрошавшись к полуночи с новыми знакомыми, влетал в дом и, пританцовывая, восклицал:

– Когда я выпью пива, особенно на голодный желудок, у меня столько идей кишит в голове!

– Почему же ты их не записываешь? – удивлялась Женщина. Писатель пожимал плечами и ложился на диван. Он был доволен собой, своим вдохновением; он верил, что завтра оно выльется на бумагу шедевром прозы. Но Морфей овладевал им, и Женщина нежно накрывала его клетчатým пледом.

Потом, на следующий день, всё было по-старому: кофе, бурое бесформенное пятно на столе, бренчащая ложка, шелест газет и собственное ненавистное лицо, нависшее над раковиной. «Я больше не могу, – произнёс как-то Писатель. – Достаточно ли одной картины, чтобы зваться Художником? Одной сонаты, чтобы быть Композитором? Пусть я написал всего одну маленькую повесть, но написал её с любовью и был рад ей, и наслаждался моим трудом. В конце концов, написал же Ален-Фурнье всего один роман! А Грибоедов!» Внезапно пошёл дождь. Окно кабинета сразу же превратилось в «заплаканное» лицо Писателя, исполненное отчаяния. «Но это потому, что одного убили на фронте, а другой погиб, исполняя свой долг... А я? Я ведь жив...» – Писатель задумался, но смог вспомнить лишь счастливые детские годы. Сильный ветер играет верхушками вязов, крутит флюгер, а он в очередной раз поднимает высоко над головой руку с привязанным к ней «змеем» и бежит, бежит что есть духу по берегу, на глазах у всей местной детворы. Запыхавшись, он всё-таки останавливается и

смотрит вверх... Но в небе ничего нет. Кроме череды рябых облаков и радуги от капелек пота, застрявших в его ресницах.

«Господи! – подумал Писатель. – Может, я уже сказал всё, что мог и хотел сказать, может, я уже получил отведённую мне порцию счастья? Но если так, то в чём же теперь смысл жизни? Что теперь делать?»

Внезапно к горлу подкатился комок, откуда-то взялись тонны слёз, которые не текли, а просто стояли в глазах, как в шлюзах. Писатель прошёл в ванную, где была аптечка, высыпал на ладонь содержимое маленькой баночки с красными восклицательными знаками на этикетке и с трудом проглотил, запив водой из-под крана. Из зеркала на него глядел кто-то очень заплаканный и лохматый. Ничего не происходило. Но потом стало немного легче – так, как было, когда он с вечера решался засунуть машинку на шкаф, собрать свой бухгалтерский портфель и начистить ботинки.

Он прошёл обратно в комнату, просветлённый и лёгкий. Постоял у окна с видом на пруд. Синий цветок опал, а на его месте красовался странный плод, словно скомошья шапка с бубенцами. Дождь только что кончился, и в капельках, облепивших осоку, светились тысячи маленьких солнц.

Женщина пришла поздно вечером и, сняв пальто и сапоги, вошла в кабинет Писателя.

Он сидел в своём рабочем кресле, с опущенной головой и закрытыми глазами. На полу валялись вывороченные из стола ящики. Посреди стола белел лист роскошной бумаги с водяными знаками, а на нём перьевой ручкой было выведено: «Глава первая».

Сечение времени

Рассказ

Рядом с устьем реки Лемовжа есть высокая гора. Сверху видно, как заснеженная неподвижная Луга белой полосой разрывает тёмно-синее пятно из острых верхушек елей. Для лыжника это самое опасное и самое красивое место на всем пути от Хотнежи до Сабска. Нужно внимательно смотреть вперёд и крепко держать согнутыми в коленях ноги. А мокрый снег как назло острыми хлопьями летит навстречу и больно бьёт по лицу, застилает глаза. Не дай бог, если на крутом и длинном склоне между редко стоящими соснами мелькнёт яма или корень – не успеешь объехать и не устоишь...

Потом ещё верст пятнадцать по Луге – и назад, домой. Мальчишке уже двенадцать. Он – деревенский почтальон и должен каждый день приносить почту. Зимой на лыжах, а летом – бегом, босиком прямо через лес.

Люди по-разному относятся к нему. Кто-то его ждёт и радуется. Другой боится и с недобрый чувством берет от него любую бумагу со штампами. Но один запомнился ему на всю жизнь. Говорили, что он художник, из ссыльных ещё с дореволюционных времен. Почтальон часто привозил ему по несколько газет и журналов, а тот на квитанции выводил остро заточенным карандашом ровными круглыми буквочками свою фамилию «Докукин». От него всегда пахло красками, а гладко причёсанные короткие и уже седеющие волосы были слегка ис-

пачканы белилами. В большой комнате, в углу на лавке, – аккуратно сложенные холсты. Иногда к маленькому домику художника подъезжали чёрные блестящие машины. Внутри сидела целая семья какого-нибудь начальника или большого военного в форме с красными нашивками. Докукин писал их портреты.

– Вы сегодня что-то поздно, – говорил он мальчишке почтальону назидательно, но с уважением. – И почему нет «Художественного альманаха» и вчерашней «Правды»?

Обычно они пили чай с маленькими разноцветными леденцами, и Докукин подолгу разговаривал с парнем обо всём как со взрослым. Про войну, про Ленина и Сталина, про коммунизм. Было понятно и интересно.

Иногда художник вручал почтальону кисть и приглашал его к мольберту поучаствовать в раскрашивании какой-нибудь мелочи: облаков на небе или одинаковой на всех портретах овальной броши на платье супруги очередного военачальника. Потом отходил чуть в сторону, долго смотрел то на парнишку, то на его художество и говорил, нежно глядя его по голове: «Да вы просто импрессионист, Фёдор, не иначе...»

Летом они посещали старинное шведское кладбище, что затерялось в зарослях около деревни с таким же названием, что и речка, и рассматривали надгробия. Затем, перейдя мост, уже на другом берегу Лемовжи Докукин показывал крутой обрыв из жёлто-красного песка. Он называл его «сечением времени» и долго рассказывал о том, что якобы свыше трехсот миллионов лет назад на земле произошло крупнейшее вымирание всех живых организмов. Они вымирали и оседали на дно большого моря, которое было тогда на этом месте. Так образовалась целая гора.

Петляя по лесу, они выходили к вершине обрыва. Здесь всё было видно как на ладони: деревня Хотнежа, излуцина реки, мост и купола церкви Покрова Пресвятой Богородицы...

Перед уходом мальчишки Докукин всегда давал юному почтальону с собой одну книжку и цветные репродукции

с картин какого-то художника. Ночью, забравшись со свечой на печку, мальчуган подолгу их разглядывал, а потом медленно читал под шум дождя. Смаковал от удовольствия буквы и слова, мало понимая смысл прочитанного и увиденного. Запомнилось только что-то про Ангела с мечом, про Ледовое побоище и Минина с Пожарским, про победы Суворова... На обложке был русский богатырь, топором отбивающийся от целого кольца врагов.

Однажды отец мальчишки вырвал несколько страниц из такой книжки и, завернув в них махорку, скурил. Парень тогда долго ревел. Он боялся потерять новый, заманчивый мир Докукина и его умных книжек. Мать сильно ругала отца, а сына утешала, как могла. «Нужно купить такую-же в городе», – сказала она и дала денег. Они вместе отправились к местному начальнику почты. Тот согласился купить книгу, а чуть позднее, когда мальчишка остался один, попросил его прикрепить антенну от радио на самое высокое место в деревне, к кресту на церкви.

В последнее время в церковь мало кто ходил. Она начинала разрушаться, крест заржавел, пол провалился. Мальчишка привязал к ноге какую-то штуковину и стал карабкаться вверх. Железная лестница скрипела и обламывалась под ногами. Собрался народ, смотрели и охали: «Что за дурак такой лезет?»

В общем, прикрепил он эту антенну. Начал было спускаться, но перекладина лестницы хрустнула под ногой, и парень полетел вниз, размахивая руками. Он ударился о карниз, прежде чем зацепился расстегнутой курточкой за крест малого купола.

Радио в деревне заработало. Мать мальчишки плакала весь день, а начальник почты подарил ей полфунта конфет. Через неделю он вручил и новую книжку.

Позднее Докукин всё узнал и долго ругал пацана. Конечно, ведь тот легко мог разбиться. И он тихо, как бы для себя, приговаривал: «А этот голубоглазенький везучий, да не по годам ответственный малой. Только пока глупенький... Бог его храни!»

В детстве, мальчишками, мы часто играли в войну. Тогда, пожалуй, это была для нас самая любимая игра. Кто за наших? Кто сегодня за немцев? Этих выбирали по очереди, потому что их все ненавидели, и они всегда проигрывали. Даже пересказывая приятелям какой-нибудь только что увиденный фильм вовсе не про войну, мы часто называли его плохих действующих лиц «немцами» – так сильны были впечатления от главной трагедии XX века. Конечно, прошло только десять лет. У кого-то нет отца, у кого-то брата. У этих вся семья погибла... Телезоров было ещё мало, а фильмов про войну – всего два или три. Понятно, что мы как губка впитывали всё, что говорили про ЭТО наши родители.

Когда было свободное время, чаще всего перед сном, мой отец тоже много и интересно рассказывал о войне. Прямо как сказку на ночь. Особенно не вдаваясь в сложные рассуждения о патриотизме, о Родине и других высоких понятиях, он просто рисовал картины первых боев, отступления, плена, побега... Тогда в моём воображении они все перемешивались, как в калейдоскопе. В памяти оставалось только одно: действия, события и то, какой сильный и храбрый был мой отец.

Прошло ещё лет десять, и уже можно было всё это сравнивать с тем, что описывали в книгах и показывали в кино. Отец сам однажды повёл всю семью смотреть «Живые и мертвые». Я помню, как он глядел на нас. Он видел, что мы многое понимаем.

Со временем меня больше стали интересовать не столько сами действия, сколько ответы на появляющиеся всё новые и новые вопросы. Как это удалось ему и почему не смогли сделать другие? Что было причиной тех или иных поступков разных людей? Мне было интересно, с каким чувством они их совершали. Почему, идя в атаку, кричали: «За Родину! За Сталина!», если сзади стояли автоматчики из заградительных отрядов? Почему в фильме «Батальоны просят огня» все показано чуть

мягче, чем в таком же сюжете киноэпопеи «Освобождение». Только потому, что второй от первого разделяют десять лет спокойной мирной жизни? Но тогда со временем может вообще всё сгладиться...

Постепенно от разговора к разговору становилась понятнее полная картина всего того, что произошло с отцом в те трагические для всей страны годы. Вернее, как и почему он выбирал свою судьбу, принимая в критические моменты такие трудные, но свои, самостоятельные решения.

Конечно, выбор всегда неизбежен. Это единственный способ изменения отношений человека, как с самим собой, так и с окружающим миром. Любой из таких выборов, будто лакмусовая бумажка, обнажает истинную сущность каждого. Война лишь делает это беспощаднее. Мне кажется, что для отца всегда определяющим был поиск своего места в огромном круговороте событий и понимание последствий принимаемых непростых решений. То есть личная ответственность.

Именно такие, десятки, сотни тысяч таких, уверенных, а не убеждённых, сначала притормозили и, в конце концов, остановили раскрутившийся маховик беды. Он постепенно, с большим трудом начал возвращаться в другую сторону, вовлекая в эту спасительную круговорот всё новые и новые массы людей. Чаще всего они это делали без идеологизированного и самозабвенного героизма, не замечая изменчивого разноцветья искусственного и наносного. Главное было за плотными слоями налипшей грязи и лжи увидеть Добро. Не менее важно – разглядеть Зло под сверкающим на свету, густо намазанным повидлом.

Крепкий, по-крестьянски обстоятельный и самодостаточный, отец по жизни старался всё делать сам. До войны, на войне и после неё. По складу своего характера он всегда был ближе к природе, чем к людям. Уже на пенсии – по полгода вместе с женой жил в родной деревне. К ним на лето приезжали внуки. Он был нужен. Когда

заболела жена, он долго ухаживал за ней, а после её смерти ещё десять лет жил один. Варил себе еду, с радостью и гордостью кормил сыновей и внуков своими щами, когда родственники приезжали его навестить. В шкафу, на полках у него всегда был порядок. Всё выстирано, выглажено, ровненько сложено.

Он прожил девяносто лет. И однажды сам сказал своему сыну: «Пора заканчивать эту историю...»

* * *

Недавно передавали репортаж с парада на Красной площади. Журналист окружил себя мальчишками и стал их расспрашивать в прямом эфире: «А кто, ребята, принимал парад Победы в 1945 году?» Те переглянулись, ища друг у друга подсказки. Один, тот, что посмелее, как-то неуверенно, наверное, так, как привык это делать на уроках, сохраняя возможность быстренько исправиться в случае чего, пробурчал: «М-м... Ленин?..»

Я не могу точно описать, то, что почувствовал тогда. Какое-то редкое по силе удивление, переходящее в страх. Это будет покруче тех ощущений, какие испытывают сегодня многие, находясь в бесконечных пробках или видя, как ищут еду на помойках. Тут экономика. Тоже сложно. Но здесь – история, генетическая память народа. Такие вещи исправляются только через поколения. Если вообще исправляются. Духовная инфантильность и социальное безразличие, постепенно поражающие современную молодёжь, могут вконец исковеркать её сознание, и тогда все мы неотвратимо придём к ещё большей трагедии, чем та, что случилась в прошлом веке.

Наверное, нужно каждому приложить руку к тому, чтобы отвести эту беду. Сделать что-то свое. Пусть мизерное, но так нужное для детей, для истории, для памяти. Может быть, тогда у новых поколений мальчишек проснётся осознание причастности к сложной истории своей страны, и каждому из них вдруг станет понятно, с чего для него начинается Родина...

Содержание

От автора	3
«Этот сумрачный белёсый свет...». <i>Рассказ</i>	5
Последние капли дождя. <i>Рассказ</i>	9
Тайны «пылающего Разума» (Гийом Аполлинер. «Прощание»). <i>Эссе</i>	23
Зеркало Любви (Шарль Бодлер. Муки творчества). <i>Рассказ</i> ...	36
Аромат стиха (О переводах стихотворения Шарля Бодлера «Экзотический аромат»). <i>Эссе</i>	44
Прошлогодний снег (О переводах баллад Франсуа Вийона). <i>Эссе</i>	50
Исцеление страждущего... (Отклик на картину Марии Поленовой «Натюрморт с пионом»)	59
«Яркой озими мазок...» (Отклик на пейзаж Марии Поленовой «Осень»)	61
Афродита (Отклик на книгу «Афродита» – рассказы Илоны Крышкевич)	64
Здесь рождаются впечатления. <i>Очерк</i>	66
Картинки из детства. <i>Воспоминания</i>	73
68-й. <i>Рассказ</i>	93
Последний эшелон. <i>Очерк</i>	96
Победа. <i>Воспоминание</i>	103
Немчики. <i>Быль</i>	104
Реликтовое излучение. <i>Рассказ</i>	105
Ум не пропёшь! <i>Рассказ</i>	125
Глава Первая. <i>Рассказ</i>	130
Сечение времени. <i>Рассказ</i>	137

КОРНЕВ
Борис Фёдорович

Зеркало любви
Рассказы, очерки, эссе

Художник А.В. Спиридонов
Технический редактор А.В. Слободин
Фотограф Г.М. Кургин

Главный редактор Н.В. Кирющенко

Издательство «Историческая иллюстрация»
192019, Санкт-Петербург, ул. Глазурная, 2-89
E-mail: info@ist-il.spb.ru
Тел./факс: (812) 412 0737

Подписано в печать 19.12.2016. Формат 60 × 90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Объем 9 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 777

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, 38